

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Азъ-арт

№ 1 (1) - 2020

И. Железняк. «Мир»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Азъ-арт

№ 1 (1) - 2020

Нравственно-культурный и просветительский журнал
молодых авторов 16-40 лет
Живетьев Максим Аркадьевич
Молодежное литературное объединение «Азъ-Арт»
при Иркутском Доме литераторов
Иркутское региональное отделение Совета молодых литераторов
Союза писателей России
При финансовой поддержке Министерства культуры и архивов
Иркутской области

Содержание

<i>Слово редактора</i>	3
<i>Поэзия</i>	
Владимир Скиф. <i>Шаровая молния</i>	5
Елизавета Оводнева. <i>«Я не выдам тебя никому...»</i>	12
Антон Зоркальцев. <i>Росчерк</i>	28
Наталья Добаркина. <i>Хлеб</i>	92
Юлия Ольховская. <i>Волчица</i>	96
<i>Проза</i>	
Мария Байбородина. <i>Фотография, крысы и воровство</i>	20
Антон Макаров. <i>Кома</i>	42
Максим Живетьев. <i>Казацкий чуб</i>	71
Юрий Харлашкин. <i>Черный туман</i>	83
<i>Миниатюры</i>	
Надежда Онищенко. <i>Феникс</i>	17
<i>Визитница</i>	
Игорь Кутимский. <i>«Я и так уже порой становлюсь слегка навязчив...»</i>	59
Юлия Васильева. <i>«Так бывает: укрывшись мыслями...»</i>	61
Татьяна Бушманова. <i>«Распускались алые цветы...»</i>	62
Кристина Серебренникова. <i>Родное</i>	63
Садиг Мамедов. <i>9 Мая</i>	64

Зима Фантаста 2020 107

Роман Козулин. <i>Рыцарь</i>	108
Михаил Тепляшин. <i>Беглецы</i>	119
Наталья Папенко. <i>Песня тепла</i>	143
Георгий Кульчицкий. <i>Самоцвет</i>	151
Кристина Ретивых. <i>Маленькая принцесса</i>	161
Екатерина Куйдина (Сереброва). <i>После заката</i>	166
Илья Подковенко. <i>Путь холода</i>	190
Николай Шафронский. <i>Мальчик и Слипкилапси</i>	205
Елена Жданова. <i>Жаворонок</i>	210
Софья Жилкина. <i>Танец пробуждения</i>	215

Поэзия в прозе

Ирина Железняк. <i>Откровения на карантине</i>	217
--	-----

Критика и литературоведение

Лидия Шаркунова. <i>Графика Ирины Железняк</i>	227
Елена Жданова. <i>Куклы из театра императрицы</i>	229
Елена Жданова. <i>Образ Ангары в художественной системе</i> <i>Валентина Распутина</i>	235

Гость номера: поэзия

Дмитрий Филиппенко. <i>«Тишина, присядь со мною рядом...»</i>	243
---	-----

Эссе

Юлия Тетерина. <i>Россия - Родина моя</i>	252
Молодежь читает о войне.....	254
Дарья Алексеевкова. <i>«Родина... не с каналов начинается»</i>	255
Дарья Шапошникова. <i>Хлыстом войны</i>	257
Денис Окладников. <i>«У войны не женское лицо»</i>	258
Валерий Котов. <i>Книги о войне</i>	259

Страницы истории: поэты-фронтовики

Моисей Рыбаков. <i>Начался бой</i>	260
Иосиф Уткин. <i>Из письма</i>	261

События

Елена Жданова. <i>Голоса Вампиловского фестиваля: что есть человек в условиях современного театра</i>	264
Юрий Харлашкин. <i>«Азартные» люди</i>	273

Главный редактор - **Максим Живетьев**
Заместитель главного редактора - **Юрий Харлашкин**
Корректор - **Екатерина Куйдина**
Верстка и оформление - **Ирина Железняк**

Мнение редакции может отличаться от мнения авторов.

Электронная почта редакции: nik.19@mail.ru
Подписано в печать ??.2020 г. Выход в свет ??.2020 г.
Тираж 250. Цена свободная.
Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел.: 8-(3952)-23-38-45.
Отпечатано в типографии: ООО «Форвард», г. Иркутск, ул. Советская, 109 Г, оф. 301. Тел.: 8-(3952)-19-91-10.

© Живетьев М. А., Харлашкин Ю. С., составление, 2020
© Живетьев М. А., Харлашкин Ю. С., Железняк И. М., оформление, 2020
© Журнал «АЗЪ-АРТ», №1, 2020

Слово редактора

Приступив к работе над молодежным журналом, мы сразу столкнулись с необходимостью определиться – где же та тонкая грань молодости и зрелости? Кто-то сейчас скажет, что после пятидесяти жизнь только начинается, кто-то до глубоких седин сохраняет молодость души и считает себя молодым. В пятнадцать лет кажется, что и тридцать – это уже глубокая старость. Если копнуть глубже, в разные века люди взрослели по-разному. Кто-то уже в семнадцать прибавлял себе год, чтобы защищать страну, а кто-то после тридцати пяти не торопится брать на себя ответственность. За многотысячелетнюю историю человечества – в связи с развитием медицины, лавинообразным накоплением знаний и необходимостью учиться все дольше – эта граница неминуемо смещается, и, уверен, будет и дальше отодвигаться. Поэтому давайте разберемся с первой страницы и выстроим те правила, по которым создается журнал. Сейчас молодежью считаются люди до 30 лет, «молодыми» – до 35, а профессиональная зрелость практически в любой сфере человеческой деятельности наступает в 40 лет. То же касается писательского труда: ближе к сорока годам человек накапливает необходимый багаж жизненного опыта, которым можно делиться с другими. Сильнее это заметно у прозаиков – жизнь должна хорошо потрепать, надо прочувствовать ее, что называется, «изнутри», взвешенно во всем разобраться, а только потом сесть и кропотливо изложить. Поэтам восторги молодости придают энергию, легкость, образность мысли и слова. Отсюда яркие и молодые поэты Золотого и Серебряного века, включая Пушкина и Лермонтова, Маяковского и Есенина. Шолохов написал «Тихий Дон» в 27 лет – он к тому времени пережил Гражданскую войну. Это исключение, которое только подтверждает правило, что прозаики созревают после тридцати пяти, а то и сорока лет. Неспроста возраст нашего журнала ограничен именно 40 годами.

Идея «толстого» журнала молодых авторов – талантливых и уверенно владеющих словом – в Иркутске вызревала как минимум несколько лет. Потенциал пишущей молодежи Иркутской области крайне велик. В этом, самом первом, номере под одной обложкой представлен тридцать один молодой автор нашего региона (двадцать один – до тридцати лет) из Иркутска, Жигалово, Братска, Зимы, Байкальска, Усолья-Сибирского, Ангарска, Шелехова, Нижнеудинского и Иркутского районов. У кого-то напечатали одно, а то и несколько стихотворений (рубрика «Визитница») или эссе, или миниатюры, у кого-то – полноценную подборку. Кто-то – в начале творческого пути, а кто-то уже сформировался как писатель. Самому младшему автору этого номера 13 лет.

Для обмена опытом в рубрике «Гость номера» мы будем публиковать лучших молодых авторов из других регионов – поэтов, прозаиков и критиков. В этом номере мы знакомим читателей с поэзией Дмитрия Филиппенко, молодого члена Кемеровского областного отделения Союза писателей России, главного редактора альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень».

Взаимосвязь между поколениями – то, без чего невозможен постоянный рост молодых талантливых ребят. Поэтому номер открывает Владимир Петрович Скиф, советник губернатора Иркутской области по культуре, впервые опубликованный в «толстом» литературном журнале «Дальний Восток» в двадцать лет.

В 2020 году мы отмечаем 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. В те годы писатели уезжали корреспондентами на фронт. Не все из них вернулись.

В рубрике «Страницы истории» мы публикуем стихи поэтов-иркутян, погибших в годы войны: М.А. Рыбакова (1919 – 1943) и И.П. Уткина (1903 – 1944).

Иркутским региональным Советом молодых литераторов Союза писателей России за полтора года своей работы проведены два Областных литературных конкурса: «Лето поэта» и «Зима фантаста», что позволило выявить новые имена. Их произведения выйдут на страницах журнала в этом и следующем номерах.

Иркутская областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина провела конкурс школьных сочинений и эссе «Молодежь читает о войне». Лучшие работы участников дополняют рубрику «Эссе».

Культурное пространство области не ограничивается литературой, поэтому на страницах журнала мы уделяем особое внимание живописи и скульптуре, музыке и театру – в их тесном переплетении. Чтобы это подчеркнуть, раздел «Критика» первого номера посвящен анализу рисунков художника номера Ирины Железняк и театральной критике на спектакль Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова «Любовь – книга золотая» по пьесе А.Н. Толстого. Обложки этого и последующих номеров журнала будут иллюстрироваться живописью и графикой молодых писателей региона, многие из которых не только поэты, прозаики и критики, но и профессиональные художники, актеры, режиссеры, музыканты и вокалисты.

Находкой этого номера является рубрика «Поэзия в прозе», автор которой дизайнер Ирина Железняк доказывает уже озвученный выше афоризм «талантливый человек талантлив во всем».

Завершает журнал рубрика, посвященная заметным культурным событиям конца 2019 года: обзору на Международный театральный фестиваль современной драматургии им. А.В. Вампилова и годовому отчету о деятельности молодежного лито «Азь-Арт» Иркутского Дома литераторов. События 2020 года будут представлены во втором номере.

Благодарю всех, кто оказал неоценимую помощь в создании журнала. Не стану приводить сухой и весьма внушительный список из десятков фамилий тех, кто учил, своевременно консультировал, делился мудрыми советами, предлагал и обсуждал идеи, подбадривал, высказывал опасения, предупреждал о сложностях, выполнял многообразную техническую работу. Без каждого из них журнал мог так и не появиться или выйти не в том виде, в котором получился.

Максим Живетьев

Моззия

Фото С. Переносенко

ВЛАДИМИР СКИФ, 1945 г.р., Иркутск

Родился на станции Куйтун Иркутской области. Окончил Тулунское педагогическое училище и отделение журналистики Иркутского государственного университета. В середине 70-х был руководителем ТОМа (Творческого объединения молодых писателей). Поэт, детский писатель, литературовед. Член Союза писателей СССР. Член Союза писателей России (с 1989). Председатель правления Иркутского регионального отделения СП России (2009 – 2011). Член Приёмной коллегии Союза писателей России, заведующий отделом поэзии журнала «Сибирь». Советник губернатора Иркутской области по культуре. Публикуется в изданиях: «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Сельская молодёжь», «Академия поэзии», «Братина», «Юность», «Сельская новь», «День поэзии», «Всерусский собор», «Родная Ладога», «Сибирские огни», «Подъём», «Гостинный двор», «Врата Сибири», «Кубань», «Енисей», «Доля», «Затесь», «День и Ночь», «Земля сибирская, дальневосточная», «Простор», «Аргамак-Татарстан», «Бийский вестник», «Иркутский Кремль», «Первоцвет», «Байкал», «Дальний Восток», в «Литературной газете» и других. Автор книг «Зимняя мозаика», «Журавлиная азбука», «Бой на рапирах», «К сопернику имею интерес», «Себя не признаваху» и многих других. Участник Второго Всероссийского семинара молодых сатириков и юмористов в Москве (1982). Вошел в «Антологию русского верлибра» (Москва, 1991), «Русская сибирская поэзия. Антология XX век: Стихи» (Кемерово, 2008), «Русская поэзия. XXI век. Антология» (изд-во «Вече», 2010). Победитель V Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо – 2008». Лауреат ряда престижных литератур-

ных премий, в том числе имени П.П. Ершова (2009) и имени Николая Клюева (2014), Имперская культура (2016). Лауреат Большой литературной премии России (2018). Первая крупная публикация в «толстом» журнале «Дальний Восток» появилась в 20 лет.

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Я видел,
как молния шла шаровая
По лету,
по лесу,
потом по ручью,
Взошла на пригорок,
траву обжигая,
Держа наготове пружину свою.

Она была внутренним пламенем сжата
До малых объёмов,
до твёрдого дна,
До судорог неба, до красок заката,
Не взрывом,
а некой загадкой полна.

Она не катилась,
лишь только качалась,
А после ко мне совершила прыжок,
С моей
раскалённой душой
повстречалась
И в тысячу вольт получила ожог.

ПОСЛЕДНИЙ ШАМАН

У шамана от бед почернело в душе,
Он уже не запалит кострище.
Он когда-то плясал.
Он не пляшет уже.
Чёрной бездной свистит пепелище.

Рысьи когти на шее
совсем не бренчат:
От печали они заскорузли.
Сокрушается, цокает стайка бельчат

Над водой в умирающем русле.
Стала жухнуть вокруг молодая тайга,
Всё живое уходит из леса...
Бьёт тревогу на звонкой скале
кабарга,
Снизу – мёртвое вторит железо.

Изваяньем шаман против тучи стоит,
Залетевшую молнию ловит,
Одеянье огнём и водою кропит –
Вдохновенную пляску готовит.

Тот, последний костёр,
достаёт до звезды,
Купол неба на бубен натянут.
И погубленный лес восстаёт из воды,
Тот, что был человеком – обманут.

Начинается пляска костей и когтей
В этом праведном, огненном круге.
И шаманит шаман, чтобы умер злодей,
А другого – разбили недуги.

В ближних сёлах такая пошла
круговерть,
Что соседа сосед перепутал.
И носилась по свету ожившая твердь,
Словно стая базальтовых уток.

В запредельность вагоны
уткнул машинист,
Пассажиры попадали с полок.
Ощетинились рельсы, как будто магнит
Миллионами ржавых иголок.

Кто-то к Господу горестно
руки простёр,
Кто-то к правде ушел от обмана...
И увидела совесть людская – костёр –
И последнего –
в небе –
шамана.

ШЕКСПИР

Стою и слышу море,
Из тёмной ночи встав.
В небесном коридоре
Мне чудится Фальстаф.

Он то ли слёзы точит
Под небом там и тут,
То ль весело хохочет –
Изгой и полушут.

И, кажется, что море
Свой начинает пир:
В небесном коридоре
Является Шекспир.

Он – виндзорских
насмешниц,
(Язвительности полн),
В толпу
русалок-грешниц
Бросает среди волн.

Одна из них до смерти
Целует босяка.
А, может, это Верди,
Непризнанный пока...

МАРГАРИТА

Калитка памяти открыта,
И там порой гуляю я.
Там древний Вильнюс. Маргарита.
Там юность дерзкая моя.

Я не был Мастером маститым,
Я подмастерьем звонким был.
И тут явилась Маргарита,
Я Маргариту полюбил.

Я в этой ветреной столице
С ума сошел наверняка.
Любовь неслась над черепицей

И поджигала облака.

В один клубок мы были свиты,
Дышали жаждою одной.
Три ночи билась Маргарита
Форелью белой подо мной.

От глаз людских мы были скрыты,
Нам пел небесный окоём...
И вдруг однажды Маргарита
В оконный канула проём.

Она над городом спешила,
Где я всего неделю жил.
Она у Воланда служила,
А я Всевышнему служил.

Я подарил ей на рассвете
Стихов раскидистую сень,
Но Маргарита о поэте
Забыла на четвёртый день.

Ах, Маргарита, Маргарита,
С печатью неба на челе.
Зачем так горько, так забыто
Стихи ютятся на столе?

Мне больно сделалось в потёмках,
Капель сорвалась со стрехи.
Я чую – сердце кто-то скомкал,
А это скомкали стихи.

Боль обожгла и отпустила,
Как будто разомкнулся круг.
И сверхъестественная сила
Мне показала Вильнюс вдруг.

Невероятное событие
Случилось от меня вдали:
Мои стихи о Маргарите,
Как маргаритки расцвели.

День Маргариты тьмой был полон,
И вдруг она цветы прочла...
– Исчадь ада! – рявкнул Воланд

И рухнул около стола.

Я живу на таких скоростях,
Что, наверно, не каждый способен
Жить, как я, на разрыв и врасяг:
И пружине, и ветру подобен.

Я живу на таких скоростях,
Что из глаз вырывается пламя,
И года, как осколки свистят,
И души развивается знамя.

Пусть меня тормозные простят,
Им неведом полёт надо всеми...
Я живу на таких скоростях,
Что за мной не угонится время.

Лизе О.

Пообещай скользнуть в оконце
К самой себе, к тому лучу,
Что согревал тебя, как солнце...
А лучше – к моему плечу

Сумей приникнуть
и прижаться
Всей кожей, всем существом,
В моих ладонях оказаться
Туманным, тихим островком,

Гнездом, ещё не разорённым,
Цветком в таёжном далеке,
Горячим, светоносным лоном,
Ещё нетронутым никем.

Пообещай не обходиться
В жестоком мире без меня.
Пообещай опять родиться
Со мною вместе – из огня...

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

Е. О.

Знаю волчьи ягоды – крушину –
С давних, незапамятных времён.
Память неспроста разворошила
Про крушину сказку или сон.

Бабка мне в деревне ворожила,
Говорила древним языком,
Что однажды дерево крушина
Явится мне в облике другом...

Это будет некое создание,
Что сойдёт из глубины веков,
Обретёт обличье, бытованье
И ухватку цепкую волков.

Бабка проводить меня решила
В будущее на исходе дня.
Наварила зелья из крушины,
Напоив без памяти меня.

Долго не испытывал я жажды,
Бабка говорила во хмелю,
Что волчицу встречу я однажды
И её навеки люблю.

Бабка, мне с тоской не разлучиться...
Лучше б ты сожгла меня вином.
Вон опять грызёт меня волчица
И крушина воеет под окном.

ЕЛИЗАВЕТА ОВОДНЕВА, 1998 г.р., Иркутск

Родилась в г. Тайшет Иркутской области. Студентка отделения драматургии Иркутского филиала ВГИК им. С.А. Герасимова. Публиковалась в альманахах и журналах «Первоцвет», «Бийский вестник», «Северо-Муйские огни», «Родная Кубань», «Сибирь» и др. и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Я не выдам тебя никому». Победитель Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018» в номинации «Поэзия». Член Союза писателей России.

И. С.

Я не выдам тебя никому
Ни в своём, ни в чужом доме.

Не шепну твоё имя ветрам.
Я тебя никогда не предам.

Крылья тяжкие выброшу ввысь,
Я тебя умоляю, держись!

Знай, не судят любовь по годам.
Я тебя никому не отдам.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Говорили, мол, Серёженька,
Не взлетай, как ястреб к солнышку:

Обожжешься, скинет боженька,
Разобьешься, словно стёклышко.

А Сереженька: – Ну скажете!
Вон какая красотище-то!
С высоты Русь не изгажена,
С высоты она – не нищая.

Только власть, что божий пасынок,
Не даёт дорогу избранным;
Острой бритвою опасною
Крылья режет свыше присланным.

Наша жизнь в предел закована
За кладбищенской оградой,
Ибо всем нам уготовано
Жить предельною отрадой.

Там под каменным под натиском,
Где калиточка уронена,
На великом на Ваганьковском
Пол-России похоронено.

Не могу делать больно

И не могу не делать...

М.И. Цветаева

W. S.

Последний жест – был жест Помпеи.
А я стою, ну выньте гвоздь
Рукой безжалостной Медеи.
Я в этой жизни только гость.

Я боль бы причинить не смела,
Не смела и не причинить.
И вот опять окаменела
В руках оборванная нить.

А ты стоишь немой, ослепший
И ищешь белым взором след
В душе моей окаменевшей
Уже четыре сотни лет.

И я бы руки протянула,
Да руки тянутся к земле.
Когда-то я сама уснула,
Ища пропавший след во мгле.

МОСКВА 1919 ГОДА

М.И. Цветаевой

I

Не позабыла года,
Он не забыл меня.
Кто полюбил свободу –
Не проживет и дня.

За два рубля поношены
Были мои глаза:
Вечером в тьму заброшены,
Днем стерегли образа.

Руки обшарканы стиркой,
Голос обшаркан бедой.
Сердце со старою дыркой
Выдам за цвет молодой.

Платье моё обветшалое –
Ворон его подарил –
Мне бы продать за малое,
Только достали б чернил.

II

Сказано – сделано!
Связано – сброшено!
Сказано меньше, чем сделано.
Связано больше, чем прошено.

Угол – безглавый:
Головы в топке.
Грешен вовек даже правый,
В холод смелей даже робкий.

Голод обглодан,

Голос оборван.
Так за копеечку продан,
Так с зелена был сорван.

Грех заимеется –
Ад не расстроится!
Так и живем – перемелется.
Так и живем – перестроится.

КОСТЫЛЬ

Опора старая, подгнившая,
И сердце поглотила пыль.
Моя душа как будто лишняя –
Её не выдержит костыль.

Под весом диким содрогается
Его потерянная статья,
И в страхе бездны отрекается
Душа по-прежнему летать.

И сколько он ещё продержится,
Пока известно только мне.
Душа скиталица – безбрежница
Едва жива на самом дне.

Прости, душа моя, прости!
Я злой стихией жить устала –
Не от того ли грешной стала,
Что счёты хочется свести

С собой другой или с собой...
Себя вела я не по-братски,
И в этой жуткой качке адской
Иная я перед тобой.

И я пыталась не черстветь,
И умирать не стало больно...
Не страшно мир покинуть дольний,
В себе страшнее умереть!

ЗЕРКАЛА

Я вчера случайно умерла,
В полутьме не помню даже боли.
И, наверно, по своей же воле
Я вчера случайно умерла...

И теперь мне не принадлежит
То, что берегла, на что молилась.
Моё сердце вдребезги разбилось
И теперь осколками лежит.

Зеркала – хорошая примета:
В наших отраженьях молча спит
То, что горькой памятью слепит,
Или за беспамятство отпето.

Я вчера случайно умерла,
В чёрной мгле не помню даже боли.
В зеркалах не жившая дотоле,
Я вчера случайно умерла.

И звезда с звездою говорит...

М.Ю. Лермонтов

Когда сгорит последняя звезда,
Сгорят воспоминанья нашей встречи,
Сгорят мосты, кварталы и места,
Где коротали мы последний вечер.

Сгорят стихи, что рождены гореть
И ночь сгорит, как наши поцелуи
И душ холодных больше не согреть,
Они без чувства потерялись все!

Сгорает всё... так пусть оно горит...
Настанет день и мы сгорим, как звезды.
Но почему не высыхают слёзы,
Когда звезда с звездою говорит?!

Миниатюры

НАДЕЖДА ОНИЩЕНКО, 1993 г.р., Зима

Родилась в городе Саянске, с 2017 года проживает в г. Зима. Училась в Саянском медицинском училище по специальности «Лечебное дело». Окончила курсы массажиста-эстетиста, визажиста, мастера по пирсингу. Свободное время посвящает танцам (восточные, более 15 лет практики), стрельбе из лука, сборианию алмазной мозаики, кручению огненных вееров (фаерщик), воспитанию дочери. Обожает животных, в особенности больших собак. Работает инженером технической поддержки в ООО «ТелеНэт Саянск». Пишет с 14 лет. Публикуется на портале Проза.ру. С января 2020 года является членом Российского союза писателей. Работает над собственным сборником.

ФЕНИКС

Период никчёмности... Выгорание. Не знаю, как правильно это обозвать. Период, когда самокритика доходит до максимума. Когда считаешь, что ты ни на что не способен. Дома бардак, в голове бардак. Когда понимаешь, что в этой жизни у тебя не получается ничего. Смотришь на людей, счастливых людей, и задаёшься вопросом – почему? Почему у меня не так? Почему привычные вещи перестали радовать, а люди раздражать. Хочется схватиться за эту волшебную ниточку, дабы начать жить по-новому. Но хва-

таться не за что. Лучшие твои качества превращаются в недостатки. Хочется бросить и послать всё, закрыть глаза и надеяться, что всё будет по-другому. Что жизнь заиграет новыми красками, появятся новые идеи для прозы, отношения с людьми приобретут нечто иное. Период, когда обесценивается всё. И, закрыв глаза, хочется больше их не открывать. Внутренний ребёнок уже не радуется и не бьётся в истериках, он давно молчит. Я выдохлась. Я перегорела. Во мне больше нет того огня, который творит, идёт напролом и согревает. Он даже не уничтожает. Просто пепел... Ничего не осталось. Феникс, сгорая, возрождается из пепла. Я не Феникс.

ХОЧЕТСЯ В ПУТЬ

Каждый день, проходя возле вокзала, мне хочется спонтанно взять билет на ближайший поезд и отправиться в путь. С детства обожаю путешествовать на поезде. Такой любви больше нет ни к одному транспорту. Будучи маленьким ребенком, я всегда хотела залезть именно на верхнюю полку, но родители не разрешали. Мол, упадёшь, высоко очень. Но добрые соседи всё-таки помогут взгромоздиться, открыть окно. И наслаждаться. Пролетающими деревьями, пейзажами. Ветерком, развевающим волосы в разные стороны. И, несмотря на замечания родителей, сидишь на верхней полке до последнего.

А остановки на станциях... Ох-ох-ох, это особая романтика. Даже если ты ранее бывал уже на этой станции, впечатление о ней всегда как в первый раз. Люди с чемоданами, которые спешат погрузиться в романтику железной дороги. Бабулечки с пирожками и чебуреками. Горячими, запах которых развеивается по всей станции. Обязательный атрибут любой поездки – это омуль горячего копчения. И желательно побольше, и неважно, что цена его кусается. Не знаю, но у омуля, который продают на станциях, свой особый вкус. Когда покупаешь такую рыбку в городе, вкус уже не тот. Видимо, всё это взаимосвязано – атмосфера и вкус.

Когда приходит время собираться, на душе становится грустно. Сидя возле окна, с уже подготовленными чемоданами и доедая шоколадку, мечтаешь, чтобы твоя станция была чуть-чуть попозже. Хочется налить горячего чаю, залезть на верхнюю полку и снова окунуться в эту романтику. Романтику железной дороги.

И каждый раз, покидая поезд, я обещаю себе побыстрее отправиться в очередное путешествие. И мысленно прокладываю новый маршрут.

ЛЮДИ ПЕРЕСТАЮТ ЧИТАТЬ

Печально наблюдать, как культ чтения постепенно покидает нас. И дело даже не в том, что книги чаще всего заменяют на электронные носии

тели. Люди перестают читать. Всё чаще я слышу о том, что чтение является скучным занятием, и, мол, я лучше посмотрю фильм/мультяк по этой книге, чем её прочту. В такие моменты меня охватывает недоумение. При просмотре фильма по какой-либо книге человек видит уже готовую картинку, да и сюжет частенько искажают от оригинала. При чтении книги всё иначе. Это полет фантазии, в голове воображение рисует уйму картин. Ты сам изображаешь главных героев, обстановку в некоторых моментах. Это ведь так увлекательно. Также часто слышу, что, мол, у меня нет времени на книгу. Вы серьезно? Я работаю на двух работах, сутками меня нет дома. Но перед сном непременно читаю. Мне это помогает уйти от прошедшего тяжелого дня, расслабиться и настроиться на прекрасные сны. Не обязательно выбирать книгу из отечественной литературы. Это могут быть фэнтези, детектив, даже детская сказка. Часто перечитываю книги Рейчал Мидт. Люди, не отказывайте себе в полёте за пределы этого мира, этих дней. Налейте вечером чашечку горячего чая, возьмите вкусняшек и посвятите немного времени самим себе. В компании с бумажным другом.

ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?

Что есть Любовь? Химическая реакция нашего организма, или то, что дано нам свыше? Потребность или желание? Влечение или интерес? Это непонятное чувство, которое не поддается никаким законам. Точные науки и Вселенная бессильны перед ответом на этот вопрос. Дар это или исцеление? Это безграничное ощущение счастья и умиротворенности. Когда всё вокруг перестает существовать, стоит лишь взять друг друга за руки. Одно лишь прикосновение, один только взгляд... Эти прекрасные глаза, в которых, кажется, находится весь мир. Мир для двоих, с зелёными лугами, домиком, голубым небом и глубоким чувственным океаном. Мир, где не бывает зим и непогоды. Там царят гармония, нежность, трепет и единство. Эта прекрасная страна. Раненые, одинокие, опустошенные никогда не прекратят искать её. И даже однажды упав со скалы в пропасть, с кровоточащими шрамами, мы вновь хотим попасть туда. Там мы ищем исцеления, принятия, тепла и счастья. В этом прекрасном мире, на границе реальности и снов. Чтобы вновь взлететь вверх, воспарить в чистое голубое небо. Словно пушинка поддаться ветрам судьбы и лететь. Лететь вместе, только вдвоём... Просто быть счастливыми. Просто любить... Любить, не желая ничего взамен. Только эти родные глаза и теплые руки. И, растворившись в объятиях, просто остановим время, чтобы этот миг никогда не заканчивался.

МАРИЯ БАЙБОРОДИНА, 1985 г.р., Иркутск

Окончила Исторический факультет Иркутского государственного университета по специальности «История». Участник археологических экспедиций. Работает научным сотрудником в Иркутском областном краеведческом музее.

ФОТОГРАФИЯ, КРЫСЫ И ВОРОВСТВО

Рассказ

*А фотографии будем посылать
в журнал «Наука и жизнь».
Простоквашино*

1

Света не любила рынков. Да и не Света она уже была, а Светлана, а то и Светлана Юрьевна – учительница музыки, не потерявшая веру в свое ремесло несмотря ни на что. Но было лето, и больно уж хотелось клубники, потому решила сделать небольшой крючок, пренебречь более спокойной улицей возле своего дома и отправиться вдоль торговых рядов, вдоль гор абрикосов,

слив, фиников, мимо попрошаек и исполнителей афганской лирики. Светлана, даром, что строгий преподаватель, считала, что люди, музицирующие ради небольших денег на улицах ее родного города, не портят, а напротив, украшают его, и если сейчас поют они не очень хорошо, то это дело поправимое. «Например, – думала она педантично, раскапывая в глубинах памяти что-нибудь про экономику, – если все начнут подавать деньги музыкантам, то возникнет конкуренция, и останутся на улицах только самые лучшие, и будет мило, привлекательно для туристов (кстати, вот тебе даже экономическая выгода). Будут красивые шляпы, скрипки, гитары, саксофоны, любовь, а я – в таких замшевых туфлях...» – но это уже было из той области, о которой Светлана Юрьевна себе думать запрещала – слишком больно было. Но музыкантам она обычно подавала, веря, что каждый ее пятак, брошенный в шапку, приближает наступление Парижа среди холодности сибирских улиц.

Бросила несколько монет мужичку плешивой и похмельной внешности, который неплохо играл на аккордеоне, вплетая в известный народный мотив собственные неожиданные и красивые переливы.

– Спасибо, барышня!

«Лесть и фальшь, а приятно! Ничего, не умру, если улыбнусь ему!»

– Вам спасибо!

– Ой, постойте, постойте! Барышня! Вы кем работаете?

– Хм. Преподавателем музыки.

– Ой, вот удача! Мы с вами почти коллеги! Только я не преподаю... Я продаю! Вот так-то! Знаете, что продаю? Душу! Ну и еще некоторые вещи подешевле! Купите фотоаппарат, недорого!

– Нет, что вы, нет... – говорила она, но уже знала, что попалась. Слишком уж надолго задержалась. Слишком тепло улыбнулась, клонув, дурочка, на «барышню». Теперь или убежать, не оглядываясь, неся тяжелый осадок в душе оттого, что на улыбки-то все способны, а вот реально помочь, не пожалеть денег – это никто не может. Или остаться и попытаться как-то выкрутиться. Или покупать.

Не выкрутилась. Шла под зелеными трепыхающимися ветками неизвестных городских деревьев, старательно убеждая себя, что фотоаппарат – вещь неплохая. И черт с ней – с клубникой! Зато сможет теперь фотографировать дочку, и еще можно будет сажать иногда учениц за рояль и снимать их, а потом дарить им фотографии – будут ее долго помнить, навещать... Доставала из сумки, крутила в руках дешевенькую «мыльницу», стараясь не проводить аналогий. А аналогии так и напрашивались. Ведь так у нее вся жизнь и выстраивалась: вечно она шла у кого-то на поводу, принимала навязанные решения, делала вид, что ей все это на пользу, сама начинала в это верить.

Она постоянно чувствовала себя героиней кино, которая безупречно следует сценарию. Сейчас героиня – молодая еще женщина, идет по цвету-

щему городу в немного старомодном, но славном легком платье, смотрит на фотоаппарат, который купила из милосердия. В следующей сцене она уже хорошо научится делать фотографии, и ее какие-то незнакомые пока и замечательные друзья будут восхищаться снимками, а она со смехом расскажет им историю о том, как ее чудесное увлечение началось с разговора на рынке, с подержанной «мыльницы». Но Света знала, что сценарий будет совсем не такой, потому что ее жизнь – тягостное перестроечное кино, у которого нет ни начала, ни конца, ни красивых сцен. Был только один раз, когда она отступила от написанного, пошла всем наперекор, выстрадала по-настоящему и ни капли не пожалела. Когда все были против, приводились сотни доводов, не считая молчаливого осуждения, были даже ссоры и слезы, она никого не послушалась и родила дочь. Теперь, кроме дочери, никого из участников тех неприятных эпизодов ее жизненной ленты рядом уже не осталось, и хотя все они когда-то казались бесценно нужными, самыми близкими, только маленькая Лиза сейчас делала ее жизнь немного счастливее. И даже несмотря на то, что уже не было назойливых «желаю тебе добра», «ты меня еще вспомнишь, когда наплачешься», «поживи с мое», постоянное навязывание продолжалось. Даже желание съесть немного клубники слабый характер превращал в обладание ненужным и, возможно, даже нерабочим фотоаппаратом.

Но когда-нибудь софиты погасят, с нее смойт грим и разрешат сменить строгую одежду учительницы на удобный и простой наряд, и начнется, наконец-то, настоящая, только ее жизнь. Она в это верила.

2

– Привет, арфа.

Старый друг Володя, который всегда был некрасив, неказист и молчалив, а года три назад вдруг похорошел и женился, зашел вернуть книжку и взять новую. Он всегда говорил что-нибудь такое: «Здравствуйте, орган!» или «Отворяй-ка, балалайка!». Хуже всего было «Хайль, альт!»

*

– Так ты его купила?! Знаешь, на таких, как ты, мир держится. Из-за таких, как ты, у таких, как ты, всегда будет работа. И всегда будет нищета. Ну, давай, показывай!

*

– Света. Сколько заплатила? Продай.

*

– Да один в один! Месяца два назад ей подарил, у нее как раз недалеко от рынка где-то украли! Он, скорее всего, и спер, а тебе перепродал! У нее вот тут, правда, наклейка была кругленькая, я с работы приносил, а она ляпнула на фотоаппарат, а здесь ее нету. Ну, может, твой виртуоз и оторвал, чтоб примет не было. Я деньги верну, не переживай, просто очень уж жалко

было, когда украли – даже толком пофотографировать не успела. Слушай, я даже тебе его попользоваться дам – скажу, что коллега просит, что ему для работы надо! Ну ладно, ладно, знаю, что не стоит ей врать. Спасибо, Свет, ты – чудо просто.

Ушел, обещал вечером забежать, принести наклейку, чтобы потом порадовать жену чудесным обретением фотоаппарата. Света сидела на кухне и даже не пыталась понять, отчего люди – такие странные существа. Ведь уже и не жалко, что не поела клубники. Уже даже не жалко себя, купившую на последние деньги ненужную вещь. Просто жалко отдавать эту мечту – о друзьях, восхищающихся ее искусством, о навещающих учениках, о снимках дочки на стенах в красивых рамках. Спасает только мысль, что Володя будет рад радостью жены, и что ради него...

3

Кто-то позвонил в дверь.

– Здравствуйте! Извините нас, пожалуйста, мы квартиру собираемся покупать этажом выше, думаем пока, а вы не пустите нас посмотреть, как у вас мебель стоит, и как ванна устроена? А то там у них как-то неудобно все, вот думаем сравнить с другими квартирами той же планировки... Вы извините, если помешали, просто такое решение принимать... Да нет, мы разуемся, что вы, у вас очень чистый пол!

Когда они ушли, Свету вновь обступили тишина и одиночество. Призрак чужих важных решений маячил перед глазами, питаясь завистью и печалью.

4

Каждое возвращение Лизы из школы маму будоражило. Хотелось как-то по-особому встретить ее, но не наигранно, а будто между делом. Словно не было какой-то особой подготовки и полусознательных размышлений: что лучше сказать, чем рассмешить с порога, чем восхитить в рассказе о своем сегодняшнем рабочем дне, над чем совместно поразмышлять, чем вызвать нежность...

Но сегодня все планы полетели в тартарары. Дочка принесла из школы крысу. Маленького смешного крысенка в маленькой деревянной клетке с проволочными прутьями.

– Мама, только не ругайся.

– Что случилось?

– Обещай не ругаться.

И уже собирается плакать.

– Хорошо, я не буду ругаться, но, если ты сделала что-то плохое, мы сядем, и будем обсуждать это до тех пор, пока не решим, как можно дело исправить. Исправлять, конечно, придется тебе – ведь дело твое. Но я помогу

тебе советами.

Светлану Юрьевну плохие оценки нисколько не злили и не огорчали, но это казалось ей странным, потому она старалась скрывать свое отношение. Настроившись на разговор об оценках, она приняла вид участливой жалости с тенью недовольства, но гримаса тут же съехала с лица, оставив только недоумение.

– Лиза, это кто?

– Крыса. У одноклассника их родилось девять штук, его папа их топить собрался, вот он и принес в школу нескольких, чтобы спасти. Это же ужасно! Я считаю, что Леше надо будет через два года уйти из дома – нельзя жить с таким папой. Сейчас, конечно, его на улице поймают и вернут домой, но если копить деньги два года, то можно будет куда-нибудь далеко уехать и работать, разносить газеты, например, выгуливать собак, сидеть за деньги с маленькими детьми, накопить на свой дом. Придется, правда, очень мало есть, но это же возможно...

– Лиза, стой! Ребенку нельзя убегать из дома! Никто в нашей стране в наше время не возьмет школьника на работу на почту или сиделкой с детьми! Тебе надо поменьше читать старых книжек. А теперь смотри: топят обычно детенышей совсем маленькими, а у этой крысы уже глаза открылись. Она уже подросток. Наверное, ее и не собирались топить!

– Нет, собирались! Лешин папа специально ждал, чтобы они подросли!

– Что ты сочиняешь? Зачем он мог этого ждать?

– Не знаю! Если ты мне не веришь, то ладно, но это так!!!

– Я не знаю, собиралась ли ты меня обмануть, чтобы оставить эту крысу, или тебя обманул твой одноклассник, чтобы ты ее взяла, но я уверена – топить ее не собирались. Завтра отнесешь обратно.

– Мам, ну пожа-а-алуйста!

– Ну как мы будем ее держать? Нам с тобой скоро ехать в лагерь, я там буду работать целыми днями, а ты – купаться, загорать, играть в волейбол. Кто будет за крысой смотреть? Нам даже не разрешат ее взять с собой.

– Ну, мама-а-а! Я могу не ехать в лагерь – поживу одна. Один раз можно и без него прожить!

– Лиза. Ну почему ты такая жестокая? Одну я тебя не оставлю. Ты думаешь, мне нравится ездить в этот лагерь и заниматься пением с детьми целыми днями? Как ты можешь быть такой неблагодарной? Я же работаю летом, чтобы можно было тебе купить новые красивые вещи на учебный год, подарить тебе хороший подарок на день рождения.

Света уже сама плакала от жалости к себе, от полной невозможности выйти из той колеи, в которую она попала, от одиночества и тоски. Она понимала, что несет полную чепуху, почти слово в слово совпадающую с тем, что говорила когда-то ее мама, но отступать было некуда. Слезы так и

бежали, потому ушла на кухню. Встала у окна. Стала бездумно представлять себе крысу, которая живет в их маленькой квартире.

Маленькие ручки обняли сзади. Лиза уткнулась лицом в спину матери и тоже всхлипывала.

– Прости меня, мама, прости, пожалуйста. Просто было очень жалко, что утопят...

– Ничего. Что-нибудь придумаем.

5

«Ну что за день. Столько переживаний, а с другой стороны – столько впечатлений, и даже не с кем поделиться: ни любви, ни друзей, а Лизу просто нужно держать подальше от всего этого, пусть растет нормальным ребенком. Сейчас бы кто-нибудь просто взял и написал небольшой рассказ об этом моем дне, об одном дне – иногда скупыми выражениями, иногда – длинными предложениями с чередой описаний. Чтоб я в этом рассказе была похудее и потрагичнее, чтоб это был просто кусок из жизни, который заставлял задуматься. Начать его можно было бы со слов «Она была простой учительницей музыки и целыми днями слушала гаммы и пьески, но в душе ее постоянно звучали сонаты и оратории...» Да нет, к черту! Начало должно быть обыденным. Вот, например: «Света не любила рынков...» – это было бы в самый раз... Опять звонят в дверь. Ну что за день?»

– Ой, Светлана Юрьевна, здравствуйте! Лизоньки дома нет? На танцы ушла? Ну, хорошо! Вы представляете, у нас сегодня мошенники по квартирам ходили! Говорили, что надо посмотреть планировку... И у вас были?! Так это ж ворюги были! Вон, у Славиных унесли золотую цепочку, у Кати – смешно сказать – бутылочку коньяка взяли! Я вот хожу по квартирам, узнаю, у кого они побывали, милицию будем вызывать, да кошмар, до чего ушлый народ пошел, вообще никому дверь нельзя открывать, ужас просто какой-то, надо внизу железную дверь поставить, как в соседнем подъезде, кошмар, ну времена настали, вот в молодости у меня, дверь на цепочку запирали – никто не зайдет, все оставляли, ничего не боялись. А у вас-то что пропало? Так вы посмотрите скорее, чтоб в протокол занесли, глядите внимательно! Фотоаппарат? Это ж надо, ну до чего наглые, гады просто, а она еще приличная такая, даже не подумаешь, хотя я-то сразу что-то не то в них заметила, на лестнице их встретила, когда домой шла – он еще на меня так посмотрел странно, я тогда еще подумала: что-то тут не так. Ну, надо же, фотоаппарат, поди диких денег стоит! Ладно, пойду дальше узнавать, кошмар, кошмар, будем деньги собирать на железную дверь...

6

Стояла спиной к стене, к нему – профилем. Смотрела в потолок, го-

лова плыла. «Вот она – твоя жизнь, все за тебя решается, ни на что повлиять нельзя». В ногах была слабость, в душе – пустота и приятная печаль.

– Володя, нет его. Украли у меня его сегодня. День просто какой-то невероятный.

– Украли?

– Ага. Сперли прямо из-под носа. Пришли якобы квартиру посмотреть, сказали, что думают купить этажом выше, интересовались, как стоит мебель и все такое. Потом оказалось – воры, у нас в подъезде так несколько квартир обошли. Они, видимо, брали у всех что-то одно, чтобы в карман или в сумку поместилось. У соседей, например, только цепочка золотая пропала, коньяк даже у Катерины стащили, цирк просто.

– Сволочи, расстреливал бы!

– Да ладно тебе, Володя! Ты только подумай – до чего изобретательные, с творческим подходом люди! У меня вот только смех вызывают такие ситуации.

– Да я уже так настроился, что сегодня ей принесу аппарат, придумаю какую-нибудь невероятную историю его возвращения, она бы поверила, это точно... Ну, сволочи, а? Поставьте вы уже железную дверь – вон в соседнем подъезде же есть...

– Могу вместо фотоаппарата предложить крысу. Зовут Альт. Лиза притащила из школы, а нам в лагерь же скоро...

– Вот вечно зайдешь к тебе и попадаешь в какую-нибудь историю. Света, о тебе надо рассказы писать! И ставить потом по ним спектакли в театре абсурда. Тащи крысу, посмотрю хоть.

*

– Альт, говоришь. Меня, конечно, дома порвут на много маленьких альтов, а потом заставят играть на них похоронный марш... Ладно, возьму. У меня в детстве были крысы – забавные они такие, сил нет! Дай мне хлеба кусочек – покормлю его! Ну, давай, счастливо! Железную дверь поставьте, недотепы!

Эпилог

А через день Лиза принесла нового крысенка, скоростижно спасенного от злого Лешинного папы. Заявила, что если мама не разрешит его оставить, Лиза уйдет из дома вместе с ним. И бросит танцы. И даже перестанет есть. Немного поспорили.

– Лиза, ты еще маленькая, а я – взрослая...

*

– ...ты даже за собой-то ухаживать не можешь, не то, что за крысой!

*

– У тебя блажь, а я потом буду за ней убирать.

*

После того, как услышала сама от себя «Наплачешься еще» целых два раза, решительно встала со стула и подошла к клетке.

– Но ухаживать за ним будешь сама.

– Буду, мама, буду!

– И кормить.

– Конечно, мам, спасибо большое! Ура, ура!!!

– Как же с лагерем-то быть?..

– Мам, да не переживай, отдадим на время дяде Володе, у него же один уже есть, им вдвоем весело будет!

– И то верно.

А крыса внимательно и весело смотрела на нее черными блестящими глазами и активно принюхивалась.

– А после лагеря купим фотоаппарат – их с рук иногда очень дешево продают, буду вас с крысой фотографировать...

Поэзия

АНТОН ЗОРКАЛЬЦЕВ, 2003 г.р., Иркутск

Окончил лингво-математический класс Лицея ИГУ. Студент гуманитарного факультета НГУ по направлению «Фундаментально-прикладная лингвистика». Занял II место в литературном конкурсе «Лето поэта», по результатам которого опубликован в альманахе для юношества «Первоцвет». Победитель финала областного поэтического слэма 2019 года.

РОСЧЕРК

«Согрей...» – и, словно отзвуком: «Скорей...»;
молитве не дают распространиться
блокада стен,
бойницы батарей,
знамёна отрывных календарей,
убитых дат
крещёные гробницы.

Так мир порой предательски велик,
что,
каждою верстой творя картины,

он этой же верстою отдалит
две точки на поверхности земли,
которые стремятся стать единым.

Всё против шерсти, горла поперёк,
Бог говорил терпеть –
да как утерпишь?
И в тёмный час
под тусклым фонарём
душа, ушедшая на век вперёд,
который раз задаст вопрос о смерти.

Остаться нужно росчерком пера –
стремительным, немного угловатым,
таким,
что до конца не разобрать,
и убеждённым в том, что жизнь – игра,
что игроки
ни в чём не виноваты.

ОРНАМЕНТЫ

От потолка и неоткрытых штор
до улицы,
полуслепой и занятой,
езде в глазах затейливый узор:
орнаменты,
кругом и сплошь – орнаменты.
Снег контуром обнял мощёный сквер
и плотно лёг в закономерность плиток,
и меж ресниц сплетает зимний свет
свои лучи
в слезящееся сито.
В узлах чугунных ниточек оград
как будто
песни мира
отпечатались –
то листья в них несмело шелестят,
а то гнездится
вечность непочатая.
Закономерный в ходе солнца крен
рисует
по своей извечной практике

созвездия летящих фонарей,
им вторящих
оконных звёзд
галактики.

...И ты,
почти что с вечностью в ладах,
льёшь монолиты
фосфорных звучаний,
момента эфемерность навсегда
в орнаменте из строчек
заключая.

ПРОРОК

В пустыне извёстки, духовною жаждой томим,
тащился пророк за тщеславной мечтой быть последним.
Но вместо того, чтоб явиться, бежал Серафим,
змеиные жала раздав не поэтам – на сплетни.
Наполнен мангал, надо думать, углями сердец.
Зеницы орлов превратились в аш-ди-объективы.
Глаголы остыли. Не жгутся. Застрял в бороде
глас Бога, отвлékшегося на игру примитивов.
Но лёгший как труп вдруг поднимется и проорёт:
«Вернись! И прости меня!», – крикнет, не зная, похоже,
кому: то ли Богу, проклявшему имя «пророк»,
а то ли любви, до которой добраться не может.
Смирившись, склонившись, едва ли кого-то виня,
и втайне желая ответа на гордость молчанья,
и, как в трёх соснах, заблудившись в оставшихся днях,
пытается боли придать благородство звучанья.
Ошибся пророк – или просто не смог удержать
ту долю судьбы, что лежит за пределом пророчеств.
Теперь... Что теперь? Как поля в ожидании жатв,
спокоен пророк: понимает, что смерть не отсрочить.
Но хочется верить ему, что, уйдя за черту,
оставит потомкам он голоса божьего рокот.
Не зря кровоточили сердце и лира во рту.
Не зря и Творец каждый век возрождает пророка.

ВОВРЕМЯ

Как оказывается вовремя
книжным людям смертельная маска –
для цветущего и для хворого
кульминация и развязка.

Как оказывается вовремя
книжным людям любовь бездонная –
будто в сердце сразу подобрана
сердца встреченного гармония.

Как, однако же, трудно вовремя
осознать, что мы сами – не книжные,
что мы в жизнь как попало вогнаны,
как из песни – в парилке с лыжами,
что живём мы, может, не вовремя –
не во время чего-то большего –
сонмы неба сменили сворами,
обвенчали лебедя с коршуном.

Только так же отыщется вовремя
схожесть в этом бумажном наследии
современности с миром возраста
меньше нынешнего на столетие.

Из-под плитуса, из-под вороха,
из пучин круговой поруки
как порой достают нас вовремя
книги, к нам попавшие в руки.

СОЗЕРЦАНИЕ

Коротая часы безделия,
разбавляя минуты горечи,
охлаждая секунды радости,
избавляясь от костенения,
погружаемся в созерцание –
поиск сущности в аллегории,
понимание и открытие
находящегося вне зрения.

Иногда – разуверясь в истинах,
проклиная доброжелателей,

пребывая в опустошении,
и боясь своего отчаяния –
заостряем свой взгляд на маленьком,
созерцаем бездвижно, тщательно,
и на внешнее проецируем
всё из недр своего сознания.

И в полученной полувыдумке,
где красоты везде разбросаны,
где ключи от закономерностей
снова тайны в себе несут,
понимаем: никак без сомнения,
мы всегда ведомы вопросами,
и, наверно, недаром сказано
было: cogito, ergo sum.

ДА! ОНИ – В НЕДОСМОТРЕННЫХ СНАХ

...Да! Они – в недосмотренных снах,
за мгновенной стеной отвлечения.
Безвозвратно уносит течение
все гармонии лучших сонат.
Но порою миражный куплет
выгоняет к тропинкам исхоженным
и ведёт по следам недожитых –
или недозапомненных – лет.
И, чужими стихами дыша,
со своими, забывшись, их путаешь;
и спокойство, и веру несут они,
замедляя взволнованный шаг.
Кровь степенна, как стрелки часов.
Страх исчез перед пропастью тления.
На мгновенье – на век – исцеление.
Впереди, как всегда, новый сон.
Впереди, как всегда, новый звук,
заглушённый души Ниагарою,
заставляющий взяться за старое,
возвращающий – снова – на круг.

КАЖЕТСЯ

Что сказал, пройдя по лезвию ножа,

в ступе мыслей перемалываю в кашу.
К пониманию не ближе ни на шаг –
только кажется,
и кажется,
и кажется...

Пирамидой на столе вознёсся хлам,
усыпальница покоя и порядка,
запрещая отлучаться по делам,
поднимая муть вчерашнего осадка.

Старый глобус на английском языке –
для земли не сыщешь лучше параллели.
Есть десятки стран на узком пяточке,
нашу прокляли – простор не пожалели.

Остаётся пить с ковром на брудершафт,
чей-то новый грязный след в себе заметив.
Знать, не всем даётся счастье удержать,
да и есть ли кто счастливый на планете?

Золотистый с чёрной крапункой шар
затуманила костлявая рука жнеца.
К пониманию не ближе ни на шаг –
только кажется,
и кажется,
и кажется...

ОН, или РУССКИМ КЛАССИКАМ

Мир на нас, гостящих, смотрит строго
сотней глаз из-под веков-забрал.
И никто не поцелован Богом –
Бог целует тех, кого забрал.
Заглянувший за вуаль при жизни,
впрочем,
предвкушает поцелуй.
И, недораспятый, он повиснет
меж эпох,
похожий на скалу.

Он готов быть повсеместно раздан –
быть для всех;
он даже сам спешит

ни к кому – и в лица всем и сразу –
говорить – кричать – про боль души.

И смотреть в глаза – достиг эффекта? –
и твердить про жадную любовь,
и учить всех стойкости, – по Фету, –
и – подтекстом – звать всех за собой.
Раб толстовского консерватизма,
чеховской иронии – в своём
рабстве
волен он. И до трагизма
одинок перед своим врагом.

Одинок, как Чацкий, как Живаго,
с бременем безрукой чистоты.
Бог – его оплот, его отвага.
Мир и время – тяжкие кресты.

ФОРМА

Как третье лицо, за собой наблюдаешь,
и всё отдалилось, и серая свежесть
с дорогою небо равняет,
и брезжат
остатки лучей над ребристую далью.
Пульсары моментов – три шага,
от леса,
что веером веток навевает истому,
до мрака каморки,
родной по-чужому.
Три шага – дорога сгущает безвестность:
к чему-то идя, от чего-то уходим.
Настойчиво, твёрдо, но неуловимо
тоска
по достигнутой наполовину,
неполною грудью вдохнутой свободе
возникнет,
нависнет тяжёлою тенью,
угрюмо гудящим укором,
намёком
невнятно расскажет о верности рока,
о духе и знанье,
о мысли и теле.

Подставит к кровати костыль безупречный
изысканной формы – залога посылы;
отбросить костыль не находится силы –
к холодному дереву тянутся плечи.
...И в эту минуту губительно слово,
лишённое смысла, лишённое связи,
рождённое с общим звучаньем во фразе.
Об мысли, как в берег, убьётся, и снова,
и снова возникнет, и снова нахлынет.
Единственно верное в пытке звучаньем –
отдаться бездумью,
и будет молчанье,
как гонг в суматохе,
как вечер в пустыне.

РАСТВОРЕНИЕ

Крокодильи морды мысов
провожают реку взглядом,
Рябь уходит по-английски,
не прощаясь,
торопясь.
Тени делая длиннее,
день повис,
дыша на ладан –
Ладан,
видно,
задымился
в облаков смурную вязь.

Успокоил нежно ветры
воцарённый полувечер,
И застыла паутина
из корней
и из ветвей.
Мотыльком в неё
вплестись бы,
в рябь березовых насечек,
В шкуру сброшенную сосен,
и, застыв,
внимать листве.

И трамвайчик из мечтаний

мимо рельс
меня уносит.
Жизнь рисуется, как вежи,
всё в грядущем – цепь столбов,
Планы все и ожидания –
вышки на пустынях просек.
Так
среди деревни старой
возвышается собор.

ДО МЕНЯ

До меня
кто-то всё уж давно сотворил:
Землю, видимо, Бог,
человек – остальное,
всё кирпичное,
каменное
и стальное,
к Богу этому вторгнувшись в неба акрил.
До меня всё,
что можно,
изобретено,
и увидено всё,
что доступно для глаза,
континенты открыты
и космос излазан,
лишь не понято
времени веретено.

...Время –
в маленьком смысле –
есть выставка эр,
В нашей эре, похоже,
устроился вирус –
Людам, кажется,
нечего дать больше миру,
Их стремления –
гонка
за стаей химер...
Но не сходится что-то.
Столетия назад
людям тоже их эра казалась последней –

Раз за разом.
Но кто-то
из вроде бы бредней
совершал новый шаг.
Открывал новый взгляд.

Навсегда полупуст наших подвигов зал –
Окрестят через век
и Титаник
корытом.
Верю я:
в мире,
полностью с виду
открытом,
Я скажу то,
что прежде
никто
не сказал.

ДРУГАЯ ЛУНА

На проводе вспыхнули –
тут же погасли –
искры,
и мысли –
с ними –
вспыхнули и погасли.
И снова в погоне,
в погоне за лунным диском
скольжу,
отбиваясь
от гомонов и напраслин.
А лунный диск,
словно жемчуг в глыбе гранита,
в слоях облаков,
как на карте клад,
затерявшись,
куда-то плывет,
повернувшись к чужим орбитам,
и свет свой стелет,
задумчивый и уставший.
И этот свет

мне на завтра упрямо кажется:
вот я,
другой, устремлённый и хладнокровный,
пропавшие чувства
уже не считая пропажей,
вздымаюсь по лунной дорожке,
скользкой,
неровной.
Единый с ночью,
всеведущий,
безграничный...
Но что-то во мне очнулось:
не надо,
не стоит,
не стоит того –
небеса для нас
непривычны,
наше дело простое
и счастье
тоже
простое.
На небо не нужно –
небо – страшные сети,
небо открыто
ценою сотни прощаний.
Другая, другая,
другая луна мне светит –
к себе не зовёт,
дорогу лишь
освещает.

БЕЛЫЕ ПЯТНА

Есть три белых пятна.
Есть три тайны, пока не открытых.
Много лет им ещё
Страсть познания теплится в умах.
Всё, что можно на суше,
Увидено и перерыто,
Но вне тверди мы слепы,
И долго нам рыскать впотьмах.
Нам сперва суждено

Изучить океанские виды,
А затем – разобраться
В небесных межзвёздных сетях.
Отыскать под водою
Величие стен Атлантиды,
На далеких планетах
Увидеть инопланетян.
Мир не склонен кричать,
Мол, я ваш, подойдите, измерьте,
Но к упрямству склонится
Любая на небе звезда.
Всё увидев, что можно,
Мы вспомним, наверно, о смерти,
Что нас ждёт?
Что нас ждёт?
Верю, после ответ будет дан.

Третья ж тайна – навеки в тени
И прекрасна навеки.
Это страсть между душ,
Это пламя звенящих стихов.
Как умеет один
То мгновенно найти в человеке,
Что привяжет сильнее
Верёвок, цепей и оков?
Как умеет влюблённый,
Страдая в страстях и разлуках,
Не сказать,
Что он любит,
Святыни не тронув покой?
Те прошли времена,
Когда брак назначался из лука,
Гордость в страсти нова,
Хоть и, кажется, есть испокон.
Разделённой любви
И в каморке
Для счастья клетей нет,
А несчастной – весь мир
Состоит из стесняющих черт.
И, похоже, понять
Уз любовных премудрость сплетенья
Мы не сможем.

От плоти
Любовь ещё дальше, чем смерть.

ТЫ ЗНАЕШЬ

...Ты знаешь: здесь есть то, что не дано
опошлить до простого восприятия.
Мне мало красок, слов, шагов и нот –
пытаюсь всё сказать, сомкнув объятия.

Я знаю: в них не просто не гарант
ментальной связи – в них, скорей, сомнения...
...Душа – алмаз. Чем больше в нём карат,
тем больше граней, больше искажения.

Мы знаем: мы – алмазы, мир – алмаз,
мы – мир (чем продолжать ассоциации?),
мы – мир – что дальше? сшествие с ума?
мы – мир – вот колыбель вселенской грации?

Ты знаешь...

ЭЛЕГИЯ ОСЕННЕГО ОБНОВЛЕНИЯ

По аркам листьев бледность фонарей
вчера прошла позднее, чем сегодня.
Да, всё быстрее, всё каждый год быстрее,
но осознанье к чистоте подводит.
Нов каждый шаг, как будто по воде
ступаешь, главной жертве уподоблен.
Прохожих всех в деталях разглядев,
опустишь взор, вникая в каждый образ,
пытаясь, обновившись, в нём найти,
что прежде было сердцу недоступно.
Себя мы в прошлом видим, как в сети,
а будущее нас ввергает в ступор.
Пожалуй, здесь без силы никуда,
чтоб в смерти мира видеть обновление,
чтоб тротуар (подвижен, как вода)
нёс сам собой дрожащие колени
навстречу ненаставшим временам,
что благодать даруют тем, кто память
смог отпустить, лишь позволяя снам

напоминать тоскливыми ночами
про выглядевшую уютной сеть,
сеть веры, не прошедшей тесты жизни;
так вспомнишь пару стареньких кассет,
чей звук душевный стариною признан.

КНЯЗЮ МЫШКИНУ

Бывают дожди на душе, если книги как тучи.
(Естественно, дождь – обновление, манна небес.)
Но редкий герой в них библейским примером научен,
однако ж наученный отдан несчастной судьбе.

Дитя Достоевского, верная чуткость несчастья,
князь Мышкин; и было б с ним можно вступить в разговор...
...Князь Мышкин, а часто ль встречать нам Аглаю с Настасьей?
И как выбирать нам, чтоб смерть не нашла никого?

Как руку для денег не сунуть нам в пламя – и дальше,
и в чей-то карман, и в сюжеты подстроженных сцен?
и можно ли сделать уют, как в семье генеральши,
и в высший – в поверхностный – свет не попасть, словно в плен.

...Да, эти вопросы, конечно, не ваша забота,
ведь знай вы ответ – не пришлось бы пролить столько слёз.
Князь Мышкин, когда у нас в моду войдут идиоты?
Князь Мышкин, когда нами править начнёт князь Христос?

АНТОН МАКАРОВ, 1985 г.р., Иркутск

Родился в г. Усть-Илимск. Работал спортивным корреспондентом местного Илимского ТВ. Окончил Байкальский государственный университет экономики и права по специальности «экономист менеджер». Старший менеджер по продажам. Играет в баскетбол на чемпионате Иркутской области. Публиковался в альманахе «Первоцвет». В региональном литературном конкурсе «Лето поэта» занял II место в номинации «Проза». Участник областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность» (2018), Школы молодых писателей Сибирского федерального округа в Кемерово (2019), Ежегодного Всероссийского Сопевания молодых литераторов в Московском государственном институте культуры в Химках (2020), Межрегионального совещания авторов Сибири и Дальнего Востока (2020). Включен в список участников XX Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (перенесен на 2021 год).

КОМА

Рассказ

Бой с тенью в спорте – примитивное упражнение, в психологии – неудачный пример, в жизни – нескончаемый раунд с самим собой. Утопать в рассказах о конфликтах с внутренним миром означает не что иное, как

загонять себя в угол. И как бы ни старался каждый «утопающий» отыскать спасательную шлюпку, переполненную душевной гармонией, в конечном итоге все эти мытарства приводят в тупик. На выходе получаешь картину, где главный персонаж ты сам. Ты, оставленный один на один со своей душевной болью и панической боязнью одиночества. Ты, переживающий заново все свои страхи, казалось бы, раз и навсегда тобой побеждённые. Твоя жизнь, которая, оказывается, стоит меньше, чем пачка сигарет «Richmond». Твой нерожденный ребёнок, пропавший без вести отец (географическое местоположение последнего давно тобой идентифицировано где-то на севере области). Воспоминания, юношеские комплексы, физические боли от ранее полученных травм, давным-давно забытые обиды, несбывшиеся мечты, нереализованные цели; та девчонка из универа, которая так и не попала в сети, несмотря на пятимесячные конфетно-букетные подкаты...

Твой внутренний мир, как правильно выразился когда-то Пелевин, не нужен абсолютно никому!

Весь этот набор загонов, да-да, именно, загонов, не даёт уснуть по ночам: а днём, утопая в бумагах, отчётах по продажам и прочей рутине, ты боишься вечера. Ты не ждёшь его, оттягиваешь это время, погружаясь в «Инстаграмм», где в основном преобладают картинки, содержащие женственность, грацию и пробуждающие естественные мужские потребности. И самое страшное – главную причину душевной агонии не представляется возможным осознать. Вместо того, чтобы зауглить координаты ближайшего психолога, ты ищешь, чем или кем (хотя это маловероятно, если речь не идёт о любви за деньги) заполнить ночную убивающую своей тишиной пустоту. И в тот самый момент, когда выбор падает на органическую смесь, тебя догоняет осознание психологической западни, ямы, из которой самому не выкарабкаться.

Сегодня из капкана заблуждений на какое-то время тебя вывозит линейный руководитель. Кстати, сейчас не модно говорить «босс», «шеф», «патрон» или «комбат», так же как отдел кадров любой уважающей себя организации давно заменил страшное для всех слово «увольнение» гордой и хорошо звучащей «оптимизацией».

И ты сидишь спиной к большому панорамному окну, открывающему вид на осенний серый город и холодную Ангару, ворочаешься в кресле из коричневого кожзама, смотришь снизу вверх на Валентина Степановича (не повезло твоему руководителю с именем), молча внимая его речам.

Заветное желание – отыскать кнопку перемотки, чтобы не слушать, как Валя, постоянно приглаживая рукой остатки русских волос на голове и поправляя очки из восьмидесятых, долго и фальшиво стонет про то, как много ты сделал на благо компании и развития банковской отрасли в целом. После неожиданно прозвучавшего слова «оптимизация» дальнейший разговор становится тебе неинтересен, и тем же вечером, получив полный расчёт,

ты вываливаешься из своего порядком подзадолбавшего тебя за все эти годы офиса в вечерний Иркутск.

Хотелось вскочить на стол, подражая герою Козловского из фильма «Духлесс», и, образно говоря, послать всех коллег вместе с Валею туда, где жизнь берет свое начало. На деле уходишь скучно, по-английски.

Столица области встречает тебя слякотью и холодным, пронизывающим каждую клетку твоего помятого тела воздухом. «Последняя» сигарета, казавшаяся в данную секунду панацеей, положение не улучшает, а, скорее, наоборот, добавляет ощущение сухости в горле и осознание того, что ты debil, снова и снова попадающий в никотиновую ловушку. Совет курильщикам простой: пластыри и жвачки – хорошая идея для бизнеса, не более.

Дом

Ты отвык просыпаться по утрам рано. Изнурительные скитания из комнаты в комнату заканчиваются мигренью и поздним пробуждением, как правило, не раньше одиннадцати.

На всех существующих сайтах по поиску работы мелькает твоя фотка, которую украшают лёгкая небритость и темно-серый пиджак. Но, даже приложив к своему портфолио приличный послужной список, ты вынужден признать: работодатели не очень-то торопятся выстраиваться за тобой в очередь. Катастрофически сложно понять, что напрягает больше: молчаливый телефон или заканчивающаяся послезавтра (если тебя опять не понесёт во все тяжкие) записка. Просить у мамы, как выразился бы друг Серега, «зашварно». Напиваться на материнскую пенсию способны только маргиналы. И как бы ты себя в трезвом состоянии ни ругал, таковым себя точно не считаешь. По крайней мере, пока не считаешь...

Избегая момента, когда непрекращающаяся депрессия уступит место голоду, начинаешь штудировать контакты в телефоне. Через полчаса выясняется, что у тебя нет друзей, и, будь уверен, нормального человека это бы явно расстроило, а тебя почему-то забавляет... Возможно, лишь потому, что есть все же один друг.

Доказательством служит смс с номера 900: «Сергей Олегович Б. перевёл вам пять тысяч рублей».

Дабы не нарушать устоявшихся традиций, вечером накидываешься дешёвеньким виски из «Бристоль».

Психолог

– Пожалуйста, расскажите о каком-то своем поступке или действии, за которое вам больше всего стыдно перед ней.

– Вы знаете, сложно что-то выделить, – неумело врешь ты, – трудный вопрос, ну, наверное, овцой покрашенной назвал...

– Ну, нет, так мы с вами никуда не продвинемся, рассуждения о том

любите вы ее или нет, допустим, мы из уважения к вашим чувствам, пропустили. Простой вопрос: употребляете ли вы наркотики, только в силу того, что вы видите меня впервые, я тоже согласна оставить без ответа. Но то, за что вам стыдно, потрудитесь вспомнить и озвучить.

Начинаешь сожалеть о том, что пришел? Логично, но неразумно...

Ерзаешь на стуле, чешешь затылок, смотришь в окно; на самом деле ты знаешь ответ. Ты знал его с самого начала, с того самого момента, когда она застучала тебя одного в спальне... Тебе до сих пор стыдно за это; собираешься с мыслями и начинаешь рассказывать. Запинаешься, вытягиваешь по слогам слова, и получается скорее мычание, чем связная речь. Хотя, казалось бы, чего стесняться? Нельзя оценивать своего психолога по гендерному признаку и сделать это вроде бы несложно, учитывая вашу разницу в возрасте. Но на деле все иначе. Холодный пот проступает по всему телу и вызывает ощущение еще большей скованности и неуверенности. Ловишь себя на мысли, что становится только хуже, и единственное желание – сбежать, как в детстве, и спрятаться в плательный коричневый шкаф...

– Это уже что-то, – говорит психолог Светлана, – постарайтесь вспомнить к следующей нашей встрече самую сильную детскую фобию и пропетируйте рассказ, чтобы мы не разбирали каждое слово. Разгадка всех ваших неудач кроется в вас, и никто кроме вас не сможет ее разгадать. И не замыкайтесь в себе, хотите что-нибудь разбить – разбейте!

– Как разбейте?

Светлана хватает прозрачную кофейную кружку и четким движением направляет ее в желтую стену, где рядом с картиной пейзажа беспокойного бурлящего моря моментально появляется коричневая клякса, а кружка разлетается на мелкие стекляшки.

Тебе становится легче, словно это ты разбил кружку. Хватаешь ключи от машины, включенный на авиарежим мобильник и быстро раскланиваешься, с добавлением фразы: до следующей недели. И тебе неловко, что, заплатив перед этим пару тысяч рублей, ты рассказал совершенно незнакомому человеку о самоудовлетворении перед женой, случайно появившейся на пороге спальни комнаты. И как вам обоим потом было стыдно, и ты не мог смотреть жене в глаза, избегал ее, а она стеснительно и сдержанно улыбалась, не произнося ни слова. Ты хотел поговорить об этом, но не хватило смелости. Вы оба сделали вид, что забыли...

Теперь тебе стыдно не только перед бывшей женой, но и перед психологом. Зачем-то даешь себе слово, что не позвонишь больше Светлане, что не заплатишь ей ни рубля, но тем же вечером хрустальная ваза разбивается о стену твоей квартиры, и ты спокойно засыпаешь с одной только мыслью: «работает».

Зачем?

В одиночестве существует масса плюсов и преимуществ. Не нужно поднимать с пола носки, выносить мусор каждый день, оказывается, не обязательно, а питание фастфудом вызывает какую-то невинную детскую радость. Не панацея каждый раз стряхивать со стола хлебные крошки, а трехдневная пыль на полу может и еще пару деньков потерпеть. Ты уже и не помнишь, как пахнут домашние котлеты и свеженький наваристый борщ. Душевная пустота очень быстро заполняется случайными знакомыми и многообещающими флирт-переписками в соцсетях. Шлешь подальше каждую, кто хотя бы пытается изобразить намек на серьезные отношения, тебе хорошо одному в твоём слепленном из одиночества мире.

Часто берешь в руки пыльную красную корочку, в которой написано «КМС по боксу», пробуждая на какое-то время свое задремавшее после увольнения и развода ЭГО. Спортивные регалии прошлого — сейчас единственная отдушина для тебя. В спортзал принципиально не заглядываешь, лень опять победила!

С недавних пор ты работаешь грузчиком на овощебазе, где всем управляет большой, толстый и всегда потный азербайджанец Рустам. Ты бы с удовольствием отправил его в нокаут за унижительные крики в твой адрес, обидные сравнения с животным миром и постоянные штрафы за курение. Ах да, и за подколы а-ля «грузчик на «Скайлайне», «разнорабочий на «Ниссане», «принеси-подай на автомобиле».

Фразы вроде «сожалеем, вы нам не подходите»; «простите, но у нас нет вакансий»; и самая обидная «мы вам перезвоним» заставляют тебя, стиснув зубы, таскать мешки с полугнилой картошкой, выращенной где-то на западе. Лживая учтивость каждый день разъедает твой мозг.

Приходя домой, ты заваливаешься на мягкий тканевый диван и повышаешь количество просмотров на ютуб старым лирическим песням, блогерам-беспредельщикам и, куда же без этого, советскому кино. Когда становится совсем паршиво, ты разбиваешь какой-нибудь хрупкий предмет о стену, на которой преобладающим множеством отчеканены вмятины от ранее произведенных бросков.

В твоём доме практически не осталось стеклянной посуды. Ты перебил все чашки и стал пользоваться пластиковыми стаканами. Далее закончились тарелки, фарфоровые блюда, граненые стаканы, рюмки и после того, как разбилась о ту же стену последняя хрустальная ваза, ты понял: релаксировать больше нечем. Через несколько дней, сгорая от ломки к новой зависимости, вдребезги расколотил люстру, которую двумя годами ранее сам же и собирал. Как странно устроены люди: мы разрушаем в первую очередь то, что сами годами, а иногда и веками строили, мы легко уступаем свое здоровье дешевому кайфу, невзирая на возможные последствия, и весь этот

псевдо-ЗОЖ, которым сейчас каждый третий усиленно занят, является при творством, фикцией.

Ты скитаешься по ночным улицам Иркутска, смотришь в пронсящи- еся мимо иномарки, откуда выглядывают измученные нерусские таксисты, пьяные мерзкие клерки, размалеванные дамочки, идущие в базовой комплек- тации с богатыми неродными им папиками. Через одного все курят вейпы, айкосы, лоджики и кальяны.

Зимними длинными, даже порой нескончаемыми вечерами ты смо- тришь на снег часами. Ты не замечаешь времени и засыпаешь только под утро.

Сайты по поиску работы словно все сговорились и поставили тебя в ЧС. Спрашивается, зачем нужно было пять лет учиться на юриста, чтобы потом с утра до вечера транспортировать овощи на бакалее? Зачем нужно было проходить путь от рядового банковского терпилы до руководителя де- партамента, чтобы спустя пять лет нежданно-негаданно уволиться по согла- шению сторон? Статусы, связи, годовые бонусы, бесплатные путёвки – все это словно кануло в пропасть с тех пор, как тебя отправили в расход. Стои- ло ли изображать корпоративную шавку на всех брифингах, презентациях и официальных сабантуях?

Напрашивается вывод: от тебя не зависит ровным счётом ничего, так же как лететь в самолете на высоте десять тысяч метров со скоростью девятьсот километров в час. Ты в руках электроники. И даже если ты пи- лот, то вынужден действовать по определенному скрипту, словно ты опера- тор кол-центра, каждый день достающий незнакомых людей финансовыми предложениями. На этом незамысловатом постулате зиждется твоё никчем- ное существование, а все цели, ранее поставленные, потеряли всякий смысл.

Следующим под удар попадает зеркало в ванной комнате: ты бьешь со всей силы кулаком в своё отражение, и оно тут же размножается у тебя на глазах на тысячи мелких кусочков, разлетающихся сию секунду по блед- но розовому кафелю. В тусклом свете диодных бликов твоя кровь капает на пол, на раковину, задевает серую шторку ванной комнаты. Ты обматываешь раненую руку полотенцем и с чувством полной удовлетворенности провали- ваешься в сон.

«Harat's»

Сегодня в «Harat's» много разномастного народа, к числу которых в гордом одиночестве присоединился и ты. Замечаешь какие-то не то пьяные, не то обкуренные лица, которые вполне бы могли рекламировать услуги бар- бершопа. Не обходится тут и без полуголых дамочек, искоса сканирующих каждого в баре. Пару накаченных татуированных быков, быстро уничтожа- ющих виски по акции. Кажется, что помещение пропитано запахом нефиль- трованного и пережаренных гренок с колбасками. Но есть в этом что-то род-

ное для тебя, вызывающее двоякое ощущение «своей тарелки». Место, где когнитивный диссонанс поставлен на паузу, чтобы ты ни употреблял, даже кофе.

Вдруг кто-то аккуратно хлопает тебя по плечу, нехотя разворачиваешься и видишь перед собой лысеющего гнома, через пару секунд идентифицируешь в нем Валю, Валентина Степановича, палача, отправившего тебя восвояси полгода назад.

Выглядит он куда хуже, чем в вашу последнюю встречу. Хорошо заметные красные капилляры в уголках глаз свидетельствуют либо о хроническом недосыпе, либо о злоупотреблении алкоголем, передозировке успокоительного, но что самое вероятное – всего сразу. Он бесцеремонно подсаживается на свободный барный стул и начинает, дыша перегаром и запахом ржаных гренок, трепаться о политике. Ничего не меняется, думаешь ты.

– Я пятнадцать лет отработал на благо компании. Я выступал на брифингах в Москве, Берлине, в Париже. Я написал кучу разных алгоритмов, каждый департамент развивался у меня на глазах. Все смотрели мне в рот, когда я получал годовые бонусы. Я жил этой работой, понимаешь? Да ничегошеньки ты не понимаешь... Куда тебе до меня: вечно кайфующий аппендикс, вот ты кто!

Молчишь.

– Ты упустил все сам: и жену и работу, ты ж ни за что особо и не держался. И обижаешься теперь, что я тебя выкинул? — залпом опрокидывает в себя стопку водки, морщится пару секунд и с немного подбешивающей гримасой жует лимон, — а меня за что «оптимизировали»? Что я им сделал? Изменили структуру, где меня просто нет, понимаешь? Предложили, для приличия, супервайзером, а для меня это унижительно, слышишь? Я не для того в грязи валялся, чтобы туда же и опуститься. Но я им устрою... У меня такой компромат на них есть, ты даже не поверишь. Стоит только отправить это все в прокуратуру, и все банковские транзакции заморозят. Вот тогда, будь уверен, полетят головы.

Смеется на весь зал с чувством самоутвержденности и возбуждения. Просит у бармена еще водки, потом косится на тебя и добавляет: еще одну. Пить ты не очень-то хочешь, но, чтобы не спорить, опрокидываешь огненную жидкость в себя. Размышляешь, как бы побыстрее испариться. Затем Валя делает серьезный вид, указательным пальцем привлекает к себе внимание и пристально сверлит тебя зелеными глазами.

– Слушай, сынок, – ты не заметил, как унижения в твою сторону сменились лестью, – у меня для тебя есть поручение, я всегда в тебя верил, только ты способен это повернуть. Нужно найти Кирилова и попросить его об услуге, если он даст нам доступ в систему, мы еще и денег поднимем. Мы их с тобой всех согнем. Вы ж с этим Кириловым кентовались, а меня он не

особенно-то переваривает, ну он не говорил, но я догадываюсь... Ну и еще я это, его девушку после корпоратива покатал на своем «Porsche», деньги подкинул, ну она и обмякла... Но не суть... Давай еще с тобой бахнем, брат.

После нескольких выпитых залпом под лимончик рюмок Валя начинает рыдать и сквозь слезы выдавливает из себя фразу, что он в полной жопе, поскольку, благодаря последней своей афере, остался без денег и репутации. И ты смотришь, как твой бывший босс разлагается перед тобой и не испытываешь ни жалости, ни отвращения; он всего лишь напоминает тебя. Да-да, тебя, изо дня в день жалеющего свою жизнь и ругающего несправедливую судьбу!

В твоей памяти Валя навсегда остается сидящим у барной стойки с кислым лимоном во рту. Ты хлопаешь его по плечу и покидаешь «Harat's», предварительно купив бутылку пива в дорогу.

В темени заснеженных улиц и свете фар автомобилей ты плетешься в сторону дома, размышляя о своей жизни, о том, что сказал тебе Валя. В одном этот псих оказался прав: ты сам все потерял. И жена ушла только потому, что ты стал невыносим. Каждый день давил ее своим неугасающим, пропитанным синтетикой эгоизмом, плевать хотел на ее жизнь и ее родных. Ты гнобил жену не потому, что не любил, а потому что тебе стало с ней скучно. Тот идеальный мир, стремившийся к совершенству, разрушен твоими руками. И тот снимок УЗИ, выброшенный тобою в форточку автомобиля, поставил жирную печальную точку и в ваших отношениях, и в еще не начавшейся маленькой жизни. Вы оба не простили друг друга. Ты так переживал, что начал пить, просыхая только на работе. И ты сам обрек себя на увольнение постоянными опозданиями, оплошностями в делах и нескончаемыми больничными. Ты разрушил свой дом и в психологическом, и в физическом плане.

И вот сейчас, стоя с бутылкой в руках на проезжей части, закрываешь глаза. Ждешь удара, который навсегда избавит тебя от боли. И когда-нибудь, в следующей жизни, ты будешь счастлив. Выкинешь из дома всю побитую посуду, наведешь порядок. Ты, конечно, не вернешь жену и работу, но появятся другие отношения, которые наполнят жизнь эмоциями и дадут импульс к покорению новых вершин. А пока ты подберешь с улицы серого кота, мяукающего на обочине дороги и дрожащего от холода, и станешь заботиться о нем, как заботился бы о сыне. А он, в свою очередь будет встречать тебя с работы и тереться под ногами, выпрашивая жидкий корм... Его желтые глаза навсегда прогонят скуку... Внезапно вспышка яркого света и... пустота...

Ты просыпаешься в своей квартире от того, что кто-то шершавым и мокрым язычком лижет твою щеку. Его зовут Гоша, и он хочет кушать, покорми его, оболтус, и собирайся на работу, тебя ждет новый интересный день.

ВОЗВРАЩАЙСЯ ВЧЕРА

Рассказ

Это было давно, хотя на самом деле практически вчера. Но обозначать временные рамки в данном случае не имеют никакого смысла, поскольку у любой трагедии нет и не может быть прошедшего времени. Поэтому всё начинается здесь, в центре города, где неподалёку от недавно отремонтированного торгового комплекса стоит двухэтажный «Шанхай Сити», в котором за сравнительно небольшие деньги можно разжиться одеждой и обувью. Китайцы, таджики, турки, казахи – кого тут только не встретишь! Многих наших соотечественников, на каждом шагу демонстрирующих показушную любовь к родине, эта интернациональная торговля наталкивает на мысль: «понаехали». Внутри здания пахнет китайской кухней и новыми вещами, ждущими своих владельцев в открытых ларьках.

– Всё, что можете: шмотки, обувь, постельное бельё, мыло – короче, все подряд и по максимальной скидке, – Глеб обратился к трём таджикам, вышедшим к нему из-за своих прилавков.

Парни смотрели на незнакомца недоверчиво, но они давно чувствовали себя на рынке хозяевами и не растерялись при виде кудрявого здоровяка с большим золотым крестом на каучуковой нитке.

– Вахид, – вальяжно протянул Глебу руку коренастый чернобровый таджик. Его друзья тут же последовали примеру земляка и представились Рустамом и Анзором.

– Значить, говоришь, затопило всё? – засовывая руки в карманы синих джинсов, спросил Вахид, – мэногоумэрла?

– Не знаю, не слежу за новостями. Всё равно там правды не дождёшься. Я видел то ли труп, то ли мешок, привязанный к мосту. Мёртвую овчарку, дрейфующую в реке с толстым таким ошейником. Говорят, хряк какой-то бродил ещё...

Вахид не знал, какие эпитеты используются в русском языке для выражения глубокой скорби и потрясения от услышанного, поэтому заменил все эти формальности известным русским матом, бросил что-то на своём языке Рустаму и Анзору, которые, едва выслушав наставление, скрылись в глубине торговых рядов.

Стояла жуткая жара, спасение от которой Глеб нашёл в своём автомобиле, где работал включенный на полную мощность кондиционер. Парень открыл бутылку, стоявшую в подстаканнике, и принялся жадно пить. Вода стекала по широким скулам и пухлым розовым щекам на красную футболку с надписью «Россия» на груди. Трое суток прошло с момента, как трассу «М-53» снова открыли, а Глеб никак не мог поверить в то, что пережитое им действительно случилось, и воспоминания о мёртвой собаке, постоянно всплывающей перед глазами, не галлюцинация и не плод воображения...

Неожиданно в окно постучали.

– Друк, открывай багажник, – низкорослый длинноволосый Рустам стоял с огромным баулом в руках, в кривой улыбке показывая передние золотые зубы.

Две минуты потребовалось растроганным торговцам на то, чтобы забить арендованный джип Глеба под завязку. Каждому, кто подходил с зелёным мешком к автомобилю, молодой человек жал руку и кланялся в знак уважения. Парень не мог, да и не хотел скрывать своего удивления от происходящего: совершенно незнакомые люди другой национальности и веры бескорыстно и незамедлительно откликнулись на клич о помощи, в то время как на месте происшествия, где Глеб четырьмя днями ранее чуть не расстался с жизнью, до сих пор мародёрствовали свои местные воришки.

Пока чёрный «Terrano» не скрылся за поворотом, торговцы молча смотрели ему вслед, размышляя о своём. Постояв минуты две, покуривая крепкий ароматизированный табак, Вахид поспешил вернуться к работе, в то время как Глеб ехал по улице Ленина мимо стадиона «Труд». Проезжая по Ангарскому мосту, ответил на входящий телефонный звонок. До синей таблички с перечёркнутой надписью «Иркутск» Глеб объяснялся с разгневанной женой на предмет того, что сегодня опять не будет ночевать дома.

– Будь аккуратнее там и возвращайся скорее, – прошептала Катя.

В ее голосе чувствовалась обида. Глеб вытер слезу со щеки и повернул на заправку, где разжился стаканчиком крепкого кофе и накормил джип топливом. Дорога до Тулуна предстояла неблизкая, хотя Глебу не привыкать видеть дорожные указатели, сигнализирующие о расстоянии до нужного пункта и ближайших АЗС. Благодаря семилетнему водительскому опыту, приблизительно через два с половиной часа парень рассчитывал оказаться на месте. Глядя на пунктирную линию, убегающую вдаль к горизонту, иногда сменяющуюся сплошной белой чертой, Глеб погрузился в воспоминания. Даже музыка, специально включенная, как говорят в наших краях, «на все деньги», не помогала отвлечься и забыться. Огромные, светлые бежевые облака уносились вдаль на фоне синеющего небесного простора, под которым по обе стороны асфальтовой дороги зеленела степная раскатистая равнина. Деревянные одноэтажные дома, железнодорожные переезды, придорожные кафешки, реки мелькали перед глазами, навстречу попадались огромные фуры, рейсовые автобусы и легковые машины. Это подтверждало то, что жизнь вернулась в привычное русло, но мысли о проведённой вблизи Тулуна ночи вновь и вновь возвращали Глеба в ту самую секунду, когда он босыми ногами ступил на твёрдую землю...

Неизвестно сколько времени прошло с того момента, как Глеба высадил на берег щупленький и ворчливый дед Евдоким, который в глазах пар-

ня навсегда останется мужественным спасателем и заядлым рыболовом. На прощание дед, подмигнув единственным левым зелёным глазом (второй, по рассказу Евдокима, был утерян в Чечне), махнул парню веслом и поплыл вниз по течению тёмной реки. Словно и не было его, этого ангела-спасателя, явившегося в минуту отчаяния и полнейшего отсутствия сил на борьбу со стихией. Глеб хотел отблагодарить деда, но не знал как, поскольку кошелёк, документы, ключи от машины, впрочем, как и сам автомобиль, были унесены течением. Но Евдоким, усмехаясь, заверил парня, что искреннего «спасибо» вполне достаточно.

По непроглядной темени и спавшим вдоль обочины людям было понятно, что уже давным-давно за полночь. Куда податься, неизвестно. Мужик в тельняшке сообщил, что проезд в Иркутск затоплен, и, по всей видимости, рассвет придётся встречать здесь же, у дороги. Но эта неутешительная весть устроила Глеба куда больше, чем утонуть в проклятых проточных водах реки Ия. Люди разделились на группы: кто-то спал, кто-то плакал, кто-то курил, глядя вдаль, в сторону моста, где прикрытые сумраком ночи покоились разбитые вдребезги деревянные дома. Не обошлось и без пьяниц, которым только дай волю под предлогом снятия стресса припасть к бутылке и потеть возможность видеть трупы животных, слышать душераздирающий плач пострадавших людей, дрожать от холода. Непроизвольно постукивая зубами, Глеб решил, что так до утра ему не дотянуть, необходимо было искать тепло. Парень видел, как в лесу, на обочине, вдоль дороги вокруг небольших костров располагались люди. Крики, стоны, плачь, вопли – всё наталкивало на ужасное сравнение: началась война... Война со стихией! Воистину неравный бой...

– Врача, врача... человеку плохо! – в панике кричала женщина в цветастом платье, склонившись над мужчиной, у которого голова была перевязана какой-то тряпкой.

Глеб брёл дальше. Отмороженная в воде рука напоминала о себе пронизывающей адской болью, а озноб и мокрые босые ноги заставляли искать убежище.

– Слышь, дружище, жрать хош? – пучеглазый и коротко стриженный мужичок, слегка прищурившись, уставился на Глеба.

– Ещё спрашиваешь? Конечно, хочу, а у тебя есть?

– Есть, – мужик сплюнул себе под ноги, – белый хлеб, свежий.

– Божественно, – протянул Глеб, – давай же его скорее!

– Нет, братан, так дела не делаются, гони двести рублей...

– Да ты совсем офигел? Откуда у меня деньги? – Глеб разозлился и приготовился отвесить бритому заслуженную оплеуху, – я из реки вылез только что, чуть не утоп! Ты чего же, сволочь, на чужом горе наживаешься?

– Не горячись, братан, – на лице пучеглазого заиграли желваки, и он, сплюнув в очередной раз под ноги, продолжил, – вон видишь тех ребят спра-

ва у костра? Я только свистну, они тебя махом тут закопают! Понял? Вали отсюда, раз денег нет.

– Да как ты так можешь-то? – оценив ситуацию, Глеб решил, что устраивать драку ему невыгодно – даже при условии, что он, хоть и в далеком прошлом, КМС по боксу среди юниоров.

– Не тебе меня судить. Я всего лишь продаю хлеб, покупаю и продаю. А если я его бесплатно раздам, как я новую партию закуплю? Молчишь? Тот и оно, моя правда. И я не один такой: в магазине, на подъезде к городу, водичка сто рублёв стоит, а хлеб – сто сорок!

Глеб не знал, что ответить, поэтому просто молчал, вызывающе глядя в наглые и упрямые глаза торговца. Желание разорвать на части своего собеседника боролось с инстинктом самосохранения. Секунд через тридцать, оценив обстановку, торговец сдался:

– Ладно, некогда мне тут с тобой разгалго...разлаго...базарить короче...

Этот разговор Глеб считал бессмысленным, поэтому продолжал молчать, наблюдая, как пучеглазый упырь (именно так Глеб привык называть подобных проходимцев) привязался к группе подростков, греющих руки у маленького костра. Спустя несколько минут довольный торговец сверкал пятками, направляясь куда-то в лес, на бегу подсчитывая свою прибыль. А тем временем Глеб уже брел дальше вдоль раненых людей, напуганных до ужаса детей и лежавших без сил домашних животных. А река угрожающе завывала и шумела, напоминая о своем присутствии, и не позволяла расслабиться, как бы намекая людям, что в любую секунду наводнение может продолжиться.

Парень увидел старика в костюме защитного цвета, с понуро опущенной, на три четверти лысой головой, и маленькую дворняжку, лежащую в ногах у своего хозяина. Коричневого окраса пёсик периодически легонечко постанывал, но спал беспробудно, даже не обратив внимания на приближение чужака.

– Не помешаю? – тихо поинтересовался Глеб, не привыкший по жизни просить помощи у посторонних людей.

– Конечно, нет, – прохрипел в ответ старик, – давай скорее к костру, вон промок весь, глядишь, так и заболеть недолго. Чай будешь?

Обрадовавшись такому счастью, Глеб воспрянул духом и без всякого стеснения опрокинул внутрь две чашки, закусывая пшеничным, немного подсохшим хлебом. Тепло постепенно просачивалось внутрь, словно медленными струйками дотягивалось до сердца и пусть на самую малость, но успокаивало, наталкивая на мысль, что всё позади. Сухой, размоченный в чае хлеб голод не утолил, и Георгич (так звали старика), словно почувствовав это, начал сбивчиво объяснять, что, спасаясь от потопа, успел прихватить только котелок и совсем немного еды. Старика, как, впрочем, и остальных

ных, вода застала врасплох, не дав времени опомниться. Собачку, которую Георги́ч представил Шерманом, унесло течением вместе с домом, в то время как напуганного до смерти хозяина подхватили спасатели. Тут следует добавить, что благодаря безграничной любви деда к сыну, увлекающемуся игрой «Ворлд оф Тэнкс», беспородный маленький кобель получил имя модели американского боевого танка времён Второй мировой войны. Иногда, правда, за мелкие пакости и провинности Георги́ч в наказание переименовывал Шермана в Шельму.

Старик, не надеявшийся увидеть своего питомца и, по совместительству лучшего друга, живым, от нечего делать разгуливал вдоль обломков домов, прибитых к мосту. Вдруг он услышал едва различимый собачий стон и, прислушавшись, понял, что это Шерман.

– Где я его только не искал, – с удовольствием рассказывал старик, почувствовав, что нашёл себе собеседника по душе, – вдоль реки всё облазил, думал, приплывёт. К спасателям из питомника К-9 три раза нукался, спрашивал, не нашли ли. Они за полдня столько живности с затопленных домов посымали! Жуть! Кошки, собаки, петухи, даже свинушку совсем молодую спасли, причём непонятно, как она на крыше оказалась. Хотел было себе прибрать, это ж живое мясо, но потом, слава господи, опомнился: фазенда-то потонула. Старая охнула бы, если бы я это... – засмеялся Георги́ч, – хряка в дом завёл. Короче говоря, моего чертеньша среди спасенных животных я так и не нашёл. Матом отходил этих волонтеров, шоб не расслаблялись. И чёрт меня дёрнул свою разбитую хибару отыскать... Так и сидел бы там Шельма, хай не я...

– Да-а-а, повезло, – тяжело вздохнул Глеб и уставился на огонь, – а родственники, жена, дети?

Оказалось, что Георги́ч, в силу любви к алкогольному хмелю, с супругой был во временных контрах, оттого и укрылся на трухлявой фазенде, которую унесла разбушевавшаяся стихия. Потерей своего второго дома старик не очень-то и сокрушался, его больше напрягала мысль о навсегда потерянной заначке, унесенной безжалостной рекой. Как по суше добраться домой, в двухкомнатную квартиру, старик не имел ни малейшего понятия, потому и болтался у костра близь одинокой толстоствольной берёзы.

– Мы тут с тобой, Глебушка, как в мешке.

Парню стало смешно от мысли, с какой скоростью он в глазах Георги́ча превратился из Глеба в Глебушку. Так и до обидного «сыно́к» недалеко, однако, поправлять старика почему-то не стал.

– Этот паводок, чёрт его дерит, разделит город на две части. Попробуй ишо в такой темени разбери, где пройти. Тулун-то он это... на изгибе этой чёртовой реки стоит. Слышь, паровоз гудит? Железку-то не затопило. Вот так ты завтра и попадёшь домой, нам бы только утра дожждаться...

Дети Георги́ча давно облюбовали Новоси́б и приезжали исключи-

тельно по серьёзным поводам, поэтому дома честного труженика ожидали только разгневанная жена и требующий немедленной починки польский сервант, пострадавший от семейных разборок. На логичный вопрос о том, не переживает ли старик за свою благоверную, хозяйственный семьянин и любящий муж, фыркнув, ответил просто: «Говно не тонет». Тем более, что их пятиэтажный дом, опять же со слов Георгича, стоял на горе.

Сдерживая стягивающий горло смех, Глеб отметил, что его случайный собеседник совсем седой. Невысокого роста, сгорбившийся и грубоватый он, однако, был приятен своими ненавязчивыми смешными историями. Огонь стал затухать, и Георгич подкинул в костёр мелких сухих щепок, придавив их сверху поленом. Запахло смолой и гарью, пламя разгоралось всё больше, и сквозь дымовую завесу Глеб с удовольствием смотрел на морщинистое, какое-то скукоженное, лицо собеседника, ожидая очередной забавной истории. Но внезапно Георгич вопросительно уставился на собеседника. Глеб, поняв все без слов, начал рассказывать.

В общем, дело было накануне... Мы с приятелями возвращались из Красноярска: в командировку по работе мотались. Ну, знаете, два дня имитации бурной деятельности и один расслабона. Плюс ночь, естественно... В пятницу выдвинулись домой и только в Тулуне осознали, что, не задержись мы на сутки, успели бы проехать. Но, благодаря любви к разгульной жизни, оказались в западне: дорожная пунктирная полоса, вместе с асфальтированной дорогой федеральной трассы, плавно, словно так и задумано, уходила под воду.

Признаюсь, мы горевали недолго: тачку поставили на стоянку, сняли небольшой домик, затарились продуктами и водочкой на два дня и загудели. Резались в карты, играли на внезапно попавшейся под руку гитаре. Я на радостях, уже совсем пьяный, бывшей позвонил, дурак. В общем, весело так было, ещё смеялись, что река сейчас разольётся и унесёт нас прямо в домике в Иркутск... Три идиота! Бывает же такое! Короче, напились, как последние сволочи, угомонились только к рассвету. Потом – пустота... Ничерта не помню. Чувствую, голова страшно болит, словно на ней с вечера прыгали, а глаза не желают открываться. Скорее всего, местный самогон оказался палёным. В состоянии нестояния мне привиделось, что правая рука, словно в снегу, будто я где-то на «борде» катаюсь и в сугроб угодил. Глаза открываю и вижу, что наша комната в воде, и её уровень уже до пустой велюровой тахты доходит! Благо, моя металлическая кровать повыше будет, только свисающая с неё рука и намокла. Товарищи мои исчезли, как будто их никогда и не было. Понятное дело, я подскочил, как по команде «подъем», и ринулся к выходу, вышиб дверь, а вокруг река шумит, обломки сараев и бань проплывают и, главное, поблизости – никого. Выбрался из домика, а вода уже мне по пояс, и

холодная до ужаса, немудрено, что я её со снегом спутал. Мобильник намок в кармане джинсов и отказался включаться.

Понять, где берег, не представлялось возможным, потому что Ия к тому моменту походила на море, холодное и безжалостное. Выражение «некуда бежать», которое я люблю вставлять в различных беседах, идеально подходило к сложившейся ситуации.

– Помогите! Люди?! Спасите! – ору без устали, срывая голос.

А в ответ только шум этой проклятой реки, напоминающий гул.

Со стороны моста, на котором мы с моими неизвестно куда пропавшими друзьями ещё вчера делали селфи на фоне поднимающегося уровня воды, течение несло старенькие дряхлые домики, собачьи будки (к некоторым были прикованы цепями мёртвые собаки), теплицы, гаражи... Иногда постройки сталкивались друг с другом. Слава богу, я не видел трупов, хотя и догадывался, что где-то там, в пучине, они точно были – слишком много темени и смрада излучала эта убийственная река. Учитывая, что пловец из меня никакой, попытка выбраться вплавь будет приравнена к самоубийству...

В шоке от увиденного, словно загнанный в ловушку волк, я решил, что правильнее всего будет вернуться в дом. В спешке возвращаясь обратно, наступил ногой на колючую проволоку и тут же увидел, как по течению потекло багровое пятно крови. Ещё несколько минут и меня бы снесло с ног, но я вовремя сообразил ухватиться за гнилой дверной косяк, который едва не треснул. Вваливаясь на одной ноге в дом, я увидел дрейфующие пустые бутылки, окурки, остатки варёной колбасы, остановившийся на отметке в ноль-пять двенадцатого механический будильник и ещё много других предметов, – в общем, всё, кроме моих кроссовок. Было крайне сложно сосредоточиться, да и раскалывающаяся голова не позволяла трезво оценить ситуацию.

По внутренней самодельной лестнице, порвав штанину о торчавший гвоздь, я вылез на треугольную крышу, и чуть было не навернулся с четырехметровой высоты, поскользнувшись на потрескавшемся красном шифере, лишь наверху смог сесть на корточки, подпирая печную трубу. Получилось слегка отдышаться и успокоиться. За это время вода подобралась к нижнему краю окна – это вселяло уверенность, пусть во временную, но безопасность. Я оторвал кусок своей футболки и обмотал им раненую ногу, вымокший сотовый телефон положил рядом (вдруг просохнет), а сам свернулся калачиком от холода. Пригревшись под палящим июньским солнышком, я не заметил, как задремал. Досадно, но я не слышал ни говорливую реку, ни звук мотора проплывавшей мимо лодки, а когда проснулся от солнечных ожогов, резиновая посуда уже скрывалась вдали, не оставляя мне шанса на спасение. Вода, тем временем, подбиралась к крыше. Внезапно стоявший в трёх метрах маленький домишко буквально начал скользить по реке, скрипя и кренясь на левый бок. За ним ещё и ещё. За сорок минут, в радиусе пятнадца-

ти метров не осталось ни одной постройки. По счастью, разбушевавшемуся течению мой временный ковчег был неподвластен – скорее всего, его фундамент в далёком прошлом воздвигали на совесть.

Когда я уже окончательно сдался, случилось маленькое чудо: включился телефон и позволил позвонить в службу спасения, где мне пообещали, что помощь незамедлительно придёт. Меня это заверение не очень-то и вдохновило, поскольку, учитывая масштабы катастрофы, спасатели могли опоздать. Погруженный в размышления «успеют – не успеют» я заметил проплывающую мимо адресную табличку с надписью «улица Ленина 9», а прямо над ней, высоко в небе чертил белую линию пролетающий мимо пассажирский самолёт. Я смотрел на него и думал, что стихии не подвластен весь мир: граница этого безумия – рядом, но мне до неё не добраться...

В такие минуты воображение часто порождает зловещие видения, и человеку, обречённому на смерть, отроду даже некрещёному, обычно почему-то приходит мысль попросить помощи у Бога. Он вдруг начинает искренне жалеть, что никогда не ходил в церковь, заочно просит прощения у всех верующих, которых до сегодняшнего дня считал блаженными безумцами. Обещает и себе, и тому парню, что смотрит на землю с небес: если выживет, будет помогать людям, а не проматывать ползарплаты в «Харатсе» с профурсетками! Раскаявшийся грешник плачет навзрыд, даже не пытаясь успокоиться: вокруг всё умерло, и вместе с этим безмолвием сейчас пропадает и он!

– Привет, дорогая, – всхлипывая, я набрал номер жены, – хочу сказать, что я тебя очень люблю!

– Зая, что с тобой? – взволнованно воскликнула Катя. – Ты мне давно в любви не признавался!

– Да так, – стараюсь взять себя в руки, – просто захотелось сказать!

– Точно всё в порядке? Там, слышу, река шумит. Вы где?

– Все нормально, родная. Стою на мосту, смотрю, какой кошмар творится. Мы сняли домик на горе, так что тут безопасно. Кстати, ходят слухи, что завтра трассу откроют – уже совсем скоро увидимся! Ты это ... приготовь мой любимый торт... – я больше не мог говорить спокойным голосом, начал всхлипывать.

– Ты что? Плачешь?...

– Нет, просто связь подводит, извини, дорогая, мне пора, поцелуй наших...

На слове «детешек» телефон безвозвратно разрядился, и я разозлился, что он не дал мне в последний раз услышать голос супруги. Со злости я выбросил смартфон в реку, и он тут же утонул в аспидно-чёрной мути. Начинало смеркаться. Дружелюбное солнышко, будто моргнув на прощание, скрылось за горизонтом, уступив место надвигающейся пустой темноте. А стихия не умолкала ни на минуту – в этом отвратительном, зловещем и страшном шуме не было спасения. Через двадцать минут дальше, чем на полметра уже

ничего невозможно было разглядеть. К этому моменту я, оскальзываясь, взобрался на кирпичную трубу, вспоминая всю свою никчёмную жизнь, и разом предвкушал неизбежную и совершенно нелепую погибель.

– Ну вот и всё, – произнес я наигранно, в стиле еще не встреченного, выдуманного мной Георгия, – отмучился Глебушка!

Глядя в небо, где несколько часов назад парил бело-зеленый самолёт, дыша полной грудью, я долго вспоминал тех, кого в жизни обидел и кому не помог, хотя имел такую возможность. Потом, закрыв глаза, подумал, что о моей смерти никто никогда не узнает, и тело не найдут, а действительная цифра погибших в этом водовороте людей будет утаиваться. И все это для того, чтобы через тринадцать лет, а может и раньше, опять вступить в неравную битву со стихией, которую воздвигнутой дамбе окажется вновь не по силам остановить. Картину грядущего наводнения я видел также ясно, как уровень воды, скрывающий мои ноги по щиколотку. Затем я представил отзывчивых таджиков, дорогу в Тулун с вечными пробоинами и ямами, одноглазого Евдокима, плавающего в полумраке реки в поисках потерпевших бедствие, чертеньша Шермана, которого кормит пшеничным хлебом рассеянный Георгий, золотозубого торговца-спекулянта, разбитые деревянные постройки, лодки-амфибии со спасёнными животными. Я почему-то знал наверняка, что все выдуманные мной герои там точно находятся, но всё, что с ними приключится – в моем воображении уже было: было когда-то давно. Хотя на самом деле, практически вчера...

Уходя в вечность, я мысленно вернулся домой, к грустной жене и двум русоволосым дочкам, которым клялся привезти из командировки велосипед. Умирать вовсе не страшно, но как же это всё-таки паршиво, что я их больше не увижу...

Визитница

ИГОРЬ КУТИМСКИЙ, 2002 г.р., Иркутск

Родился в Киренске в семье учительницы начальных классов и водителя-дальнобойщика. Увлекался астрономией, играл в КВН и ЧГК, стихи пишет с 9 класса. Студент Сибирско-американского факультета менеджмента в ИГУ.

Я
и
так
уже
порой
становлюсь
слегка навязчив.
Беспредметный
тёмный ящик,
опорошенный золой, –
человек неговорящий,
человек совсем простой.

Оставаться трудно спящим
– и становишься собой:
тесно запертым в квартире
посреди планет и лет,
но живущим, где любили
не тебя, а темный свет.

Время-камень буду грызть я,
прежде чем скончаться, ведь,
как известно, смысл жизни –
накопить себе на смерть.

А вот что копить – не важно.
Можно просто миражи.
Рядом дом многоэтажный
восклицающе бежит,
бездуховной твердой жаждой
всеоконно одержим.
Он в вуале голых линий,
он глазам моим предел.
Мы рождаемся глухими
среди массы прочих тел,
что застыли где-то в Риме –
и никто не постарел,
и стареть уже не станет.
Перевязанные лентой –
за перилами из зданий,
за оградой монументов –
вслед плывут за облаками.

Недавно
растворившихся империй
мерещились огни в момент излома.
Насколько бесконечные недели,
когда выходишь вечером из дома.

Спокоен пыльный сад на фоне штиля,
размазанный по сну у лесоруба.
Насколько нынче стала ошутима
безмерность окружающего шума.

ЮЛИЯ ВАСИЛЬЕВА, 1999 г.р., Иркутск

Родилась в поселке Качуг Иркутской области. Студентка отделения гуманитарно-эстетического образования Педагогического института ИГУ по направлению английского и китайского языков. Публиковалась в альманахе «Первоцвет».

Так бывает: укрывшись мыслями,
Словно старым уютным пледом,
Мы в погоне за скрытыми смыслами
Увлекаемся собственным бредом.
И любые советы – неистинны,
Невдомёк и чужие мнения.
Мы, застрявшие в собственной истине,
Ищем нашей души спасение.

От рассвета до заката
Плачут сонные дожди,
В небе ярко-розоватом
Растворяются они,
Вдохновляются лучами,
Уступают их игре,
Исчезают... А ночами
Грезят вновь о новом дне.
Вдохновляющий луч солнца
Прорезает облака
И спешит, спешит в оконца
Теплотою греть дома.
Греть дома, а в них людей,

Греть людское сердце,
Чтобы в самый грустный день
Было, где согреться.

ТАТЬЯНА БУШМАНОВА, 1991 г.р., Жигалово

Окончила ИГУ по специальности «Психолог». Работает главным библиотекарем в центральной детской библиотеке п. Жигалово. Пишет стихи, играет на гитаре. Публиковалась в газете «Ленская новь».

Распускались алые цветы,
Брызги неба впитывала почва,
Навеяв долгожданные мечты.
Но не в прошлом,
а вот этой, тихой, ночью.

Захотелось вдруг остановиться,
Постоять в глубокой тишине,
Осознать: не нужно торопиться
Жить,
потрогать капли на окне.

ОНИ УШЛИ

Они ушли из жизни в сорок пятом.
Они ушли по множеству причин.
Недавние совсем еще ребята,
За год взрослевшие до статности мужчин.

А кто сказал, что умирать не страшно?
На самом деле страх до хрипоты
Сжимал в глазах огонь, но было важно
Смотреть на неба милые черты.

Они молчали, но надрывное дыханье
Все чувства выдавало в тот же час.
Пред боем были сдержаны стараньем,
В бою кричали – как в последний раз!

Весь ужас, пережитый в годы эти,
Они сквозь память поколений пронесли.
Чтоб знали мы! И знали наши дети,
Какой ценою нашу жизнь спасли!

КРИСТИНА СЕРЕБРЕННИКОВА, 2004 г.р., Иркутск

Кристина Серебренникова, 2004 г.р., Иркутск. Родилась в городе Иркутске. Детство прошло в деревне Малая Елань. В начальных классах училась художествен-

ному слову, в средней школе занималась тайским боксом (достигла 4 кхана и имела зеленый пратьят). С 2018 г. увлекается живописью и рукоделием, создаёт проекты по защите окружающей среды и выступает с ними на городских конференциях. С 2016 года пишет рассказы и стихи. Автор сборников стихов «Летние Мотивы», «Рукою поэта», «Чувство», «Горькие цветы». Участник и победитель ряда областных и городских конкурсов живописи и авторской поэзии. Работает над новым сборником «Новое поколение», целью которого является раскрыть положительные и отрицательные стороны разных поколений, дать им понять друг друга.

РОДНОЕ

Разошлись туманы
Вешнюю зарницей,
Плакала березка
Русскою девицей.
Подымались гордо
Русские жарки
Что б рассвет увидеть
Около реки.
Напевал счастливо
Русский соловей.
Вот он я – ребенок
Родины своей.

САДИГ МАМЕДОВ, 1997 г.р., п. Горный

Родился в городе Иркутск, живет в поселке Горный Иркутского района. Магистрант кафедры Политологии, истории и регионоведения Исторического факультета ИГУ по профилю «Административное управление». Занял III место в Областном

конкурсе «Лето поэта», проводимом Иркутским региональным отделением Совета молодых литераторов Союза писателей России. Публиковался в альманахе «Первоцвет».

9 МАЯ

« – Летите, летите, родные мои,
И бейте их сотнями, бейте проклятых!
За нас не волнуйтесь, ведите бои,
Бомбите! Еще! Не жалейте снаряды!

С соседкой мы слушаем яростный гул
Советских моторов, которыми вспорот
Мучительный морок, и в нем же – тонул
Фашистским отродием занятый город.

Кипящая лава эмоций в груди:
Восторг, пожеланье успеха пилотам,
Тревога за мирных... и «номер один» –
До бешенства злоба к зенитным расчетам!

– Поймали! Мой миленький, родненький мой!
Лучами прожектора немцы прильнули
К серебряной ласточке с красной звездой,
И к ней полетели зенитные пули...

– Соколик мой, золотце, выше взлетай!
Наверх поднимайся, скорее, скорее!
О, Господи, сжался, не нужен нам рай,
Ты лишь подними его, скрой от злодеев!..

Ушел мой соколик, ушел невредим...

Я слушаю эти молитвы и знаю,
Что мы непременно в войне победим...»

Они победили 9 Мая.

Небо – малиново, солнце – жирафово,
Аквамариново – водную гладь,
Даль – эвкалиптово, брызги – алмазово
С нежностью стану тебе рисовать.

Снежно-фламингово, флоро-сиренево

Выкрашу я паруса корабля,
Звезды сощурятся флюоресцентнево –
Сделаю я капитаном тебя.

Слева – графитово, сзади – рубиново,
Справа – судьба, впереди – благодать.
В сторону серого или любимого
Править корабль – тебе выбирать.

ОН ЛЮБИТ ТЕБЯ

Ты где бы ни был/ни была –
Под градом пуль, ракет, снарядов/
Где тишь и гладь и благодать,
Напротив от/на стороне
Добра и света/тьмы и зла –
С тобой всегда Он будет рядом,
Спасать, хранить, оберегать
Тебя с другими наравне.

Ты кем бы ни был/ни была –
Ходяч и зряч/ползущим слепо,
Ты начинаешь ли с утра
Есть без молитвы, при мольбе
И есть на краешке стола
Хоть черствая краюшка хлеба,
Хоть черная на хлеб икра –
Он будет помогать тебе.

Ты с чем бы ни был/ни была –
С безбожностью, быть может, с верой
В перерожденье/день Суда,
С любовью к миру/мир губя,
С порезом вен куском стекла,
С порывом к жизни/смерти серой –
Он ни за что и никогда
Не прекратит любить тебя.

В заоблачных далях, на скалах Тибета
Хотел бы я высечь родные черты –
Твой облик невинный, а ниже портрета
Оставить бы надпись, и с той высоты

Подпрыгнуть, и в верхних слоях атмосферы
Твой образ на облаке запечатлеть,
Да так, чтоб его осветили Венера,
Большая медведица, Малый медведь,

Взлететь и составить твой лик из созвездий,
Да так, чтоб звезда осветила Тибет,
И старый монах прочитал бы известье:
«Любимая, скоро прибуду к тебе».

А мне в слепую ночь не спится –
Я в спину слева снова ранен.
А мне хотелось бы напиться...
Да вот нельзя – я мусульманин.

И я ныряю в бред глубокий...
А мне поэзия-подруга
Дает спасительные строки
Взамен спасательного круга.

Впервые я рифмую ночью,
Она поит меня, ревнуя,
И мы сливаемся в межстрочье,
Как будто в первом поцелуе...

СОТНИ МЕГАГЕРЦ

Мне нужен человек, который
Подскажет в трудный час: «Пиши»,
С которым я раздвину шторы
Своей светящейся души,

Которого я искупаю
В ее сочащихся лучах,
Любовь по центру (сердце – с краю)
Расположу в груди, стуча

Волною света вместо пульса,
Пуская сотни мегагерц
(Убьет разрядом – только сунься!)
Меж наших любящих сердец.

ИМБИРНОЕ ПЕЧЕНЬЕ

Смеются ее виноградинки глаз,
Ресницы порхают в двойном реверансе,
А я в роковом гипнотическом трансе
Пытаюсь осмыслить значения фраз,

Слетающих с нежных черешневых губ,
Дышу, выпиваю с имбирным печеньем
Свой чай, про себя отмечая с мученьем:
В сравнении с ней – неотесан и груб.

НОЧНОЙ ЧЕЛОВЕЙНИК

Ночной человежник народом не густ.
Тебя обнимая, иду неуклюже.
Скрипят под подошвами бывшие лужи:
Из трещин доносится жалобный хруст.

Вдыхаю твой нежный фруктовый парфюм
И запах соленый морского шампуня,
И хочется выть, как дитя полнолуны,
И так же, как волк, становлюсь я угрюм.

Звучит всё протяжнее внутренний вой,
Всё яростней в сердце скребется крапива,
Всё больше становится серо, тоскливо
От неотвратимой разлуки с тобой.

ВКУС НЕБА

Тебя унижали,
топтали, давили?
Покинули сила,
энергия, прыть?
Предали друзья и
товарищи,
или
Любовь изменила?
Не хочется жить?

Душою ты вечен!
Так сделай усилие:
Как феникс из пепла с огнем
возродись!

Расслабь свои плечи,
расправь свои крылья,
Почувствуй вкус неба
в стремлении
ввысь!

ПОЭТАМ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Себе воздвигнувobeliski,
О камень росчерком пера
Поэты высекали искры –
Стихи со звоном серебра.

ЛЕНИАФАН

Девяносто процентов проблем побегут,
Обгоняя друг друга, топиться на пруд,
Если ты, затянув свою волю на жгут,
Напрягая все жилы, возьмешься за труд!

Но как только ты сел отдохнуть на диван,
Тебя лень, как чудовищный Левиафан,
С потрохами сожрет, и твой дух будет рван,
Как растерзанный москвой простой целлофан.

Потому ты обязан трудиться как вол,
Как бы ни был твой труд многотонно тяжёл.
И тогда про тебя будут сказывать, мол,
Чтобы стать величайшим – такое прошёл!

И снова осень. Без тебя.
Ты любишь небо ало-бурым.
Я видел по твоим прищурам,
Когда рассвет искрил, слепя.

Плывут листочки в ручейках,
Как будто золотые рыбки.
Я видел их в твоей улыбке,
Когда тебя нес на руках.

Витает пряный аромат:
Ты любишь запахи корицы.
Я видел по твоим ресницам,

Когда пылал ржаной закат.

И снова осень, теребя,
Воспоминаниям подвергнет.
Я не люблю ее. Всё меркнет.
Зачем мне осень без тебя...

ОСЕННИЙ ВАЛЬС

Кружим в воздушных потоках над водами
Речки, журчащей меж скалами. Пульс внутри
Наших прожилок стучится аккордами
Горной артерии... Раз, два, три... Раз, два, три...

Целую вечность я жаждал мгновения,
Чтобы сорвал нас с деревьев – виновников
Нашей разлуки – порыв дуновения,
И вознеслись мы, листочки терновников,

На карусели из красок и нежности,
Чтобы с любимой в прощальных лучах зари
Тихо кружить, с неземной безмятежностью
В танце вальсируя... Раз, два, три... Раз, два, три...

МАКСИМ ЖИВЕТЬЕВ, 1983 г.р., Иркутск

Окончил биолого-почвенный факультет ИГУ по специальности «Биология» и Институт высоких технологий ИРНТУ по специальности «Биоинформатика». Кандидат биологических наук, до 2020 г. – научный сотрудник СИФИБР СО РАН. Член редколлегии сборника материалов II Байкальской международной научно-практической конференции «Снежный покров, атмосферные осадки, аэрозоли: технология, климат и экология» (ИРНТУ, 2018). Стипендиат Министерства культуры Российской Федерации по литературе 2014 года. Публиковался в альманахах «Первоцвет», «Образ», журналах «Пролог», «Сибирь», «Дон», сборнике «Пускай услышат наши голоса». Лауреат областной молодежной литературной конференции «Молодые голоса» (2014). Второе место в номинации «Проза» Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность.» (2018). Вошел в список ста лучших авторов конкурса научной фантастики «Будущее время» (2018). Участник XIII, XVII и XIX Форумов молодых писателей России, СНГ и зарубежья, второго и третьего Ежегодного Всероссийского Совещания молодых литераторов во МГИК в Химках (2019, 2020), Всероссийской Школы писательского мастерства СФО в Кемерово (2019), Третьего регионального совещания сибирских авторов в Новосибирске (2019), фестивалей им. А. Бельмасова (2019) и им. М. Анищенко (2019), «Тарская крепость» (2020). Член Союза писателей России.

КАЗАЦКИЙ ЧУБ

Рассказ

Густые, давно не стриженные волосы, растрепались. Родная казачья станица осталась позади – с гомоном рынка, кричащими курами, любящей

женой Любашей и тремя детьми-сорванцами. Кошка Муська, ласковая и преданная, но, как все кошки вполне себе независимая, сегодня ни свет ни заря окотилась.

Костя разделся и вошел в воду. Нежную и прохладную. Поцеловал настенный крестик перед тем, как поплыть поперек уверенного течения реки. Простор степи и водная свобода пьянили.

Рано утром Муська забралась к нему на топчан и развалилась, прижавшись спиной к хозяйской руке. Сквозь дремоту Костя почувствовал, как рядом с ним стремительно расползается мокрое пятно: на божий свет собирались появиться котята.

На этот раз Муська родила четверых. На последнем из них, едва завидев хозяйку с тазиком воды, кошка рванула прятаться. В зубах она держала трехцветную дочку, не вылизанную до конца. Последний котенок, болтаясь на пуповине, покорно волочился вслед за матерью.

К слову, топить котят на этот раз не собирались.

Костя улыбнулся, выплывая на середину реки. Муська с самого утра всех переполошила: и женка спешно оттирала простыни, причитая на весь дом, и старый дедушка Матвей заворочался на лежанке в углу, а дети только прознали – сразу повскакивали с полатей, будто и не спали вовсе.

С тех пор, как ее второй и третий помет утопили, Муська перестала людям доверять. Она разыскивала старшенького, годовалого Муфусаила, загоняла на топчан, где нынче родила, и кормила. Брошенные новорожденные котята, жалобно скуля, расползались по избе. Особенно неугомонный четвертый, мальчик. Он, весь черный с белым, самый крупный и живучий, постоянно куда-то полз, целеустремленно, непременно на середину комнаты и вопил громче всех. Три трехцветные девочки, все как одна пятнистые, черепаховые, то звали мать и робко ползли вдоль стены, то льнули друг к другу и дремали мохнатой горочкой где-нибудь в углу.

Наказав своим ребятишкам проследить за Муськой и котятами, Костя ушел на реку искупаться. Муфусаила – главную Муськину надежду на продолжение рода – он сгреб в охапку и прихватил с собой, надеясь, что кошка сосредоточится на новорожденных.

И правда, только они вышли из дома, Муська пошла к котятам.

Во дворе Муфусаил запрял ушами и наострился бежать, но вдруг выразительно задумался, прислушался к тому, как брякнула калитка, и остался лежать на руках хозяина. Так они спокойно дошли до реки.

Пока Костя купался, кот преданно сидел на берегу, порой оборачивался по сторонам, а потом снова внимательно смотрел на середину реки. Когда хозяин надолго скрылся под водой, Муфусаил привстал, сосредоточенно посмотрел на опустевшую реку и заорал.

Дети окружили кошку, подтолкнули к ней котят и следили, как те поглощают молоко. Котята ели второй раз от роду. Первый раз они толком не поели, тогда, сразу по рождению, когда хозяйка, причитая и охая, оттирала мокрое пятно за Муськиными родами, а на суматоху и на запах прибежал Муфусаил. Раздвинув маленьких котят, он присосался к свободной титьке, уверенный в своей правоте. Но кошка встала и пошла к своей миске: старшенького уже нечего было кормить, а маленьких – она была уверена – утопят не сегодня – так завтра.

Теперь, когда Муфусаила в доме не было, а хозяйские дети смотрели пристально, Муська наконец-то отнеслась к котяткам со всей прилежностью.

Когда течение потянуло Костю вниз, он сразу и не понял, что происходит. Уже под водой, на глубине, он, продолжая задерживать дыхание, пытался выплыть. Открыл глаза, пробовал всплыть к свету, но водоворот рывками прижимал его ко дну. Казак было закричал, и в рот сразу забила тина. Силы покинули, тело обмякло, и понесло его.

Муфусаил пришел домой не сразу. Безуспешно поцарапался в толстую дверь, потом терпеливо сел на пороге. Когда вышел покурить дедушка, кот наконец-то ворвался в дом. Увидев его, Любаша обеспокоилась: чего это он.

Но панику подняли только вечером.

Поп сразу сказал, без тела он никого отпевать не будет: не положено – а вдруг живой.

Так Костя и остался лежать на дне, неуспокоенным, недооплаканным, под корягой, в илу-песке, с обмотанным вокруг шеи шнурком с православным нательным крестиком.

Любаша вечером окропит слезами найденную на берегу одежду, потешит себя верой, что муж жив еще, может быть, и спать ляжет. Придет Муфусаил, свернется в ногах калачиком, к полуночи к груди переползет, поближе к сердцу прижмется. Так и спят.

Дети с мокрыми глазами смотрят на всех, а спросить боятся.

И только дед твердит: утоп он, что я Костю не знаю *чо ли*.

На восьмой день Костя пришел домой. Рано утром, еще до первых пухов. Пройдя сквозь дверь, огляделся. Любаша долго не могла заснуть, и потому спала крепко. Муфусаил повел ухом, но продолжил лежать, полунакрытый пледом. Муська в обнимку с подрастающими котятками развалилась на топчане, на том самом месте, где неделю назад родила. Матвей кашлял во сне.

Костя подошел к детям. Спят. Катька носом кверху. Васька у нее под мышкой. Петька забился в уголок. Ангелочки.

Посмотрел на них, поправил подушку, подошел к жене.

Провел рукой по русым Любашкиным волосам.
Грянули петухи, и Костя растворился.

Вскорости дедушка захворал. Он лежал на соломенном матрасе, совсем не вставая, и сильно кашлял. Потом и вовсе кашлять перестал.

К полуночи он открыл глаза, поднялся с неожиданной легкостью и пошел курить.

Костя сидел на завалинке и его ждал:

– Эх, батя, вот и ты помер.

– Неужто?

– Получается, что так.

– А што. Один у всех путь – в могилу. Главное, *как* ты тот путь прошел, справедливо ли, по-правильному – али нет.

– Самое ценное на этом белом свете что? – не мог наговориться дедушка Матвей, – сохранение рода человеческого, если так угодно. Продолжение рода своего. Тут я снимаю шапку: ты для этого всё сделал.

– И я, сынок, получается тоже, – дед красноречиво хмыкнул. – Вон Муська – тоже старается, надрывается, рожает и рожает. Как ей не надоест. А ведь правильно делает. Тут она умнее нас будет: знает – как жить и что делать. А мы, люди, глупые, однако, твари. Полжизни чего-то маемся, время понапрасну теряем, растрачиваем себя, смыслы какие-то глупые ищем. А пошто?

– Вот в этом и главное – почему?! Разум нам даден. Он нас и ведет, – ответил Костя.

– Не ведет он нас, а уводит. От правды жизни. Глаза нам застилает. От ума все беды, от ума. Вот сколько твои детишки еще бед натворят? Раскидай мозгами. Кто бы им мозги заранее вправил. Ан нет. Надо каждому на грабли наступать, иначе не интересно. Да еще по нескольку раз на одни грабли, чтоб получше дошло. И еще разок, для точности.

– Вот Костя, думаешь, родил и всё – живи-радуйся? Их же ещё на путь поставить надо, в дорожку по жизни снарядить. А ты уже утоп. Думаешь, всё сделал? Не-е-ет. Всё да не всё. По-хорошему, за ними еще и проследить надо, чтоб не оступились.

– Правильно ты, батька, говоришь. Да только что я сделать-то могу.

– А вот, сынок, можешь ещё, – прищурился Матвей. – Меня-то скорёхонько наверх приберут, а ты, я чувю, тут надолго еще землю топтать будешь.

– То есть?!

– Не перебивай. Вот и проследи за своим потомством. Чего тут зря болтаться. Мозги детям-правнукам повправляй.

– Правнукам?!

– А что? Вдруг ты до правнуков тут. На небеса утопленникам не по-

ложено. Пока. А там, глядишь, законы сменятся, и можно будет туда, наверх.

Костя и без того сизый совсем побледнел.

– А мозги им надо вправлять, – продолжал своё Матвей. – Вот, думаешь, сколько меня раз ангел-хранитель от того света спасал? А ведь спасал! Я-то уж понимаю. Вот залезет что-то в мозги самые. Чувствуешь: не твоё. Но зудит там, в мозгах, зудит. Послушаешься – хорошо, а не послушаешься – всё, хана. Кто-то же мне это мозги вправлял, помогал. На путь нужный ставил. И ты можешь: я уверен. Можешь-можешь: не смотри так. Да и пути у тебя другого нет. Воспитание в тебе моё, отцовское, не позволит по другому. И мой наказ.

– Наказ?

– Да, наказ. Веди себя тут хорошо. Понял меня? – Матвей нахмурил белые брови.

– Слушаюсь и повинуюсь, – Костя вскочил, выпрямился струной и руками по швам хлопнул.

– И тут придуривается, неугомонный, – поворчал Матвей скорее для порядку. – А ты что, сынок, думал? Тут свои законы. Им хошь – не хошь следовать надо.

Из дома послышался вой Любашки.

Минуло ровно двести лет.

Костя сидел на берегу реки. Широкой. Но отличало ту реку не это, а прозрачная студеная в любую жару вода, в которой отражалось синее небо. Только в по-настоящему чистой воде так точно отражается небо.

На дне зеленели камни, сновали рыбы.

За двести лет далеко закинуло костин род – в Сибирь, на берег Ангары.

А у самой кромки воды сидела рыжая кошка и чего-то ждала.

ЧУМА В СТАНИЦЕ

Рассказ

Бабы на базаре шушукались, перебирая тряпье:

– Чума идет, вчерась слыхала. В соседних селах уже мереть начали, не ровен час эта пакость к нам явится.

– Ты чего, Марфа, брешешь. Мой вчера оттуда приехал, ничего такого.

– Просто насупился и сидит весь день и молчит. Ты ж сама сказывала. В глазах тоска, а когда ест – замрет, задумается. Только ложка в руке дрожит.

– Молчит он, конечно молчит. Боится даже заговорить об этаким безобразии. У вас как-никак шестеро по лавкам, и вон с животом Аля ваша. Без слез теперь и не взглянешь.

– Богатый двор, жаль будет, если выкосит такое богатство под корень.
– Тьфу на тебя, скажешь тоже.
– Посторонись, бабоньки! – через толпу пробирались казаки на конях.

– Хоть бы спешились, окаянные.
– Христа на вас нету.
– Митяй, и ты тут. Принесла нелегкая.
– Ой, проказник. Опять сегодня на кого глаз положишь. Гарцует тут.
– На тебя и положу, чего выбирать, – Митяй картинно подкрутил рыжие усы, залихвацки подбоченился и гаркнул так, что весь базар слышал:
– Садись, подвезу.

– Да ну тебя.
– Какой охальник. Нет чтоб Анютку нашу уважить – вон глазки потупила. И не отворачивайся, дура. Стесняется она.
– Анька у нас святая, не трожь.
– Ой, Митяй. Никак застыдился? – бабы прыснули.
– Мы на заставу опаздываем, – сурово напомнил Аглай.

Приторное беспокойство повисло над заставой.

– Митяй, слышал, что говорят: чума.
– Ты больше слушай. Бабьи сплетни.
– А что, если не сплетни, – посерьезнел Аглай. – Тикать надо отсюда, пока не поздно. Всем тикать.

Митяй сжал зубами соломинку, помедлил и выплюнул:

– От смерти не убежишь. Все равно настигнет.

Утром через заставу проходил обоз из города. Стеклянные банки, тюки, дети – все спешно погруженное по телегам бесформенными горами. На перепуганных лицах затаилась надежда.

– Куда? – спрашивал хмуро, но подчеркнуто беспечно Митяй.

– Куда-нибудь за Урал. Так надежнее.

– Хм. Ну-ну, – говорил Митяй в ответ.

Поодаль на краю дороги стояли два купца и переговаривались.

– Ты теперь куда путь держать станешь?

– Да со всем семейством в Сибирь, на промысел пойдем – что поделаешь.

– Верно, а я своих увезу, а сам вернусь. По делам. Как раз все уляжется.

Вечером Митяй сидел за столом и размеренно пил квас из деревянной кружки, по обыкновению смакуя каждый глоток, когда дверь распахнулась и в комнату вбежала Анютка.

Митяй аж привстал:

– Ты как тут взялась?

– Батяка, мамка сегодня чумой заболели. Помоги! Митя! Спаси! – Анютка обняла его робко и крепко. – Я боюсь! – Нет, она не заплакала, но тело ее сотрясалось, будто от безудержных рыданий. – Я к тебе пришла.

Она все решила, и только робость и трепет выдавали ее вопрошающую надежду. И эта безграничная доверчивая мольба во взгляде больших карих глаз и несдерживаемый восторг щенячьей преданности. Они дурманили.

– Увези меня отсюда. Пожалуйста. Я знаю, ты можешь! Только ты один.

– Постой, Анют, а как же дочерний долг... – попробовал образумить ее Митяй.

– Нет, не могу я больше тут оставаться – страх за себя сильнее. Хоть секи. И не уговаривай. Я с тобой хочу. Не могу я больше оставаться в чумном этом месте. Не сможешь – так одна убегу в лес. Только знаю – ты не такой, ты сможешь.

– Пойдем, – тихо сказал Митяй.

Утром Аглай зашел в комнату, взял в руки недопитую кружку кваса, внимательно осмотрел ее, будто что-то пытаюсь прознать, и пошел к привязи.

Коня Митяя на месте не оказалось.

Оттиски копыт были глубокие – вдвоем на одном скакали, но не спешили, и в русле ручья след потерялся.

– Вот хитрец! Знает, что нельзя. Ну хоть бы предупредил. Что я – не человек?!

На видном месте Аглай заметил аккуратно привязанный ремешком к кусту кисет с вложенной люлькой – его давний подарок Митяю. Табака в нем не было – его Митяй весь пересыпал в карманы и взял с собой, чтоб потом скурить.

– Не смог не попрощаться, – улыбнулся Аглай и добавил, пристально смотря на ветку: – Извинения приняты. Не ровен час на заставе и не такой беспорядок начнется.

На подъезде к заставе Аглая разбил кашель.

Аля долго не открывала ворота. Наконец подошла:

– Что? Да хоть повалите их – не открою. Чума у нас в хате.

– Дочка, открой.

Перед ней стоял батюшка Серафим:

– Есть кто живой?

– Нет никого. И отец не ровен час приставится.

– Причаститься? Исповедаться?

– Нет. Сами позовем, если попросит.

– А мы церковь новую строим. Все, кто живые есть. Вот построим и спасемся. Имени святого исцелителя Николая...

Аля не дослушала и захлопнула ворота. Пошла к отцу.

Он был уже совсем плох. Даже не метался и не харкал кровью и гноем. А только спокойно и истощенно лежал. Обманчиво казалось, что ему становится лучше.

Аля подошла, присела рядом, тронула за рукав.

Батя устало открыл глаза и шевельнул губами.

Дочь наклонилась, чтоб разобрать, что он шепчет.

– Аля, сознайся, кто. Мне легче будет.

– Митяй, – сжалилась Аля.

– Я знал, – попробовал улыбнуться отец.

– Не думала, что когда-то скажу тебе.

– Ты у меня умница. Все будет хорошо.

И он умер. Аля перекрестилась, взяла лопату и пошла во двор.

Анютка с Митяем далеко забрались в лес. Разожгли костер. Сидели возле него, грелись, рассуждали как жить будут потом, после чумы. Митяй скрутил волглый – уже пожухлый, но все еще мягкий на ощупь – крупный лист березы, набил табаком, дымил, а Анюта прижималась к нему и понимала, что вот оно, счастье, тут, рядом. И больше никого ей не надо боле. Митяй не противился. Ему было хорошо.

На третий день к вечеру вдвоем они сидели у костра в глуши, у самодельного жердяного шалаша, наспех выстланного ветками, и пили свежий травяной чай, потягивая его, горячий, шумно и с наслаждением. Теплый ветер чуть шевелил листву, конь, привязанный поодаль, переминался из стороны в сторону и обгладывал с близстоящих деревьев листья. Аня покраснела вся, на лбу выступил пот, глаза озорно поблескивали. Митяй смотрел на потрескивающий костер, мельком подумал о том, как утром сходит и осмотрит расставленные на зайца силки, улыбнулся в усы. Посмотрел на Аню: та была как в лихорадке и судорожно ему тараторила о том, как безумно его любит, и что было бы здорово завтра ни свет ни заря сесть на коня и скакать куда глаза глядят.

Митяй пристально посмотрел в широко раскрытые глаза Анютки. Такие милые и живые с многочисленными отблесками костра. Он отказывался верить в то, что чума все-таки настигла их. Поцеловал. Анютка горячо его обхватила за плечи, потом за пояс и судорожно повлекла под жердяной навес. Митяй поддался и растворился в приятном женском тепле.

Утром он никуда не пошел. Сидел возле Ани, которую то колотило, то она рвалась к нему, то вырывалась и бежала домой, к родителям, и Митяй догонял ее и уволакивал снова в шалаш, или садил к костру, поил чаем и ее и себя. Она то бледнела, то серела, то неистово кашляла, то снова розовела и завывала на весь лес. Он не спал возле нее несколько ночей. Наконец она вдруг забылась и вроде бы уснула.

Митяй сходил до силка, принес зайца. Наклонился над трепыхающей-

ся Аниной грудью. Живая. Облегченно выдохнул и стал остервенело сдирать шкуру с зайца. Было жарко. Закопал тушку в остывающие угли. Стемнело. Звезды металась по небу странным неистовым водоворотом. Ему показалось, что Аня уже мертва, и он в приступе отчаяния стал бегать по лесу, кричать, звать на помощь, и ругать себя. Понял, что руки горят, обожженные в углях, пошел до ручья. Не дошел, упал и забился в чумном припадке. Метнулся назад, к Ане, к закопанному кролику, откопал, вцепился зубами в сырое мясо. Съел. Остервенело грыз кости, хрящи, сухожилия. Потроха и шкуру – съел. Стало вдруг холодно и хорошо. Сознание затуманилось, и глаза тяжело закрылись.

Вскоро Митяй вернулся на обезлюдившую заставу. Над крышами домов возвышалась новехонькая деревянная церковь. С минуту полюбовался. И пошел до нее молиться.

Миновал кладбище со свежими березовыми крестами, приблизился к крыльцу. Встретил на пороге отца Серафима. Тот его по-отечески обнял и ничего не стал говорить.

– Она умерла. Я ее пытался выходить, но она все равно умерла. Когда я в лесу сам пришел в себя от болезни, она, ее тело, смиренно лежало рядом.

– Зайди, помолись за нее. Свечку поставь. Как ее звали?

– Аня.

– За рабу Божию Анну.

Помолчал и добавил:

– И за исцеление Господа поблагодари.

Алю он узнал со спины. Она стояла у столика с восемью зажженными свечами и молилась. Он поставил рядом свою. Одну. И они вдвоем долго молча стояли, смотря на образа.

– Митя, пошли домой, – сказала Аля, когда они, наконец, посмотрели друг на друга.

Покинули церковь молча. Отец Серафим перекрестил их со спины и пошел ужинать.

– Я самовар завела. На шишках сосновых. Чаю попьем. Я пироги напекла, – улыбнулась Аля и, придерживая низ живота, сдержанно добавила:

– А тебе, Митяй, роды чую придется принять: рожаю я.

– Шутишь?

– Чего так побледнел-то? Не шучу. Вот и чай горячий пригодится.

С ВИДОМ НА БАЙКАЛ

Рассказ

Капиталина Васильевна сидела за кухонным столом, подперев щеку

рукой, и смотрела в окно, за ограду, на Байкал. Никого она не ждала в это утро. Конечно, где-то на задворках души она и хотела, чтобы порадовали ее неожиданные гости, но так было тяжело шевелиться лишний раз, что и не надо, гостей, не надо.

На крыльце послышалось чье-то грубое шарканье.

– Проснулся, алкаш? – язвительно бросила она, терпеливо дождавшись, когда дверь откроется.

На пороге показался сын.

Она посмотрела искоса и презрительно отвернулась.

– Есть не буду.

Она и не ждала.

– Конечно. Опять вчера с Генкой кочегарили. Молока хоть попей.

– Нет, молоко не идет. – Он отхлебнул из ковша воды, – пройдусь.

– Снова в магазин побежал?

– Мать! Ты опять? – разозлился Сашка.

– Шуруй к себе. В комнату свою. Зачем пришел!

Сашка из вредности дошаркал до холодильника, нагреб квашеной капусты и молча вышел.

Капитолина видела, как сын прошел под окнами. Проводила его, осунувшегося, постаревшего, строгим взглядом до калитки и тяжело встала из-за стола. Доковыляла до печи. Налила трясущимися руками чаю. Размочила хлеб. Постояла, о чем-то о своем подумала и пошла на огород.

В обед из города приехал племянник.

Она сетовала, что не наготовила:

– А чего. Этот се равно ниче не ест. Тока пьет. А я чаю. Сейчас картошки пожарю. Как мать? Чего не приезжает? Сто лет ее не видела.

– Работы много. Да и я на пару дней только.

– Хоть так. Сашку-то видел? Спит поди?

– Да, спит.

– Вот построил себе летнюю кухню и живет там теперь, чтоб меня не видеть. Проспится – поговорите. Он тебе опять рюмку нальет. Тока ты не бери!

– Ладно.

– Вот помру я – как жить будет... И вы в городе. Хорошо, ты иногда приезжаешь к нам, на Байкал.

– Исключительно ради Байкала, – не отпирался Костя. – И в гости заодно.

– Хоть повеселишь бабушку. Я, конечно, иногда выхожу за ограду. Теперь с палочкой: ноги-то не ходят. Посидим бывало на лавочке, со стариками. Молодежь у них вся в институт поступила. Поди там, в городе этом, и останутся. А мы тут доживем как-нибудь. А что потом будет – даже думать боюсь.

– Застроят все... под дачи небось.

– Пока не застроят. Не дадим. Вон вчера у нас сход был. Так, говорят, Зойка всех больше орала. Страшала, что по ночам палить будем – и китайцев, и прочую нехристь. Пока наши старожилы тут – никого нового не будет. У нас семей-то осталось всего ничего... Вон только ненадолго все это. А потом – живите, кто хотите.

– Хоть потоп, – попробовал пошутить Костя.

– Эх. Да что я все о нас. Ты как? Куда ездил опять? Рассказывай.

Костя оживился:

– Все как всегда. В Москву летал. На конференцию по экологии города. Там один ученый мегаполис сравнивал с городом Молохом, который питается человеческими жертвами. Дескать он, мегаполис этот, поддерживается за счет постоянного притока населения из деревень, но в седьмом поколении горожане все равно вымирают. Так одна москвичка возмутилась: она, видите ли, тут живет аж в одиннадцатом поколении – так что его теория вроде как не работает. «Как это не работает, – докладчик улыбнулся. – Это ж статистика: кто-то вымирает уже в третьем поколении, а кто-то в одиннадцатом. А в среднем все равно получается, что в седьмом». Вот такой любопытный был случай.

– Возили нас разок в качестве передовиков села в Москву. Новые сапоги оттуда привезла, – баба Капа мечтательно посмотрела в окно. – Хорошие были сапоги. Удобные. Я их даже на покос брала.

– Был доклад про то, как парки в Москве заселяют улитками, лягушками и прочей живностью, а потом их генетическое разнообразие уменьшается, и они постепенно вымирают. И через четыре года город снова закупает новую партию. «Чтобы жители верили в то, что с экологией у нас все в порядке!» – раздался у меня за спиной громкий комментарий в самый разгар доклада.

– А знаешь, мы на покос далеко ходили по молодости, в падь Сенную. Туда топать часа три. Потом пока накосишь. А подсохшее сено по мешкам и сюда на себе прешь. По тропам да уступам. Лодки у нас тогда не было. Теперь ноги не ходят. Трудились много. Я же в детстве-то жила в степном районе на том берегу, в колхозе. Паспортов тогда не полагалось. Как в рабстве. Один был способ уехать – замуж выйти. Вот так я тут и оказалась. Думала: вырвалась на свободу. Теперь, бывало, сижу за оградой, а прохожие спрашивают: как ты, бабка, сюда попала. Отвечаю: с тюрьмы бежала да на каторгу попала. Они удивляются: как это может быть. А вот так и было. С колхоза да сразу в тяжелую деревенскую жизнь. А ты слушай: я тебе еще и не такого понарасказываю. Пошли за стол!

– Ой, баба Капа, я ж гостинец привез: чай индийский.

Она попивала крупнолистовой круто заваренный чай, подбеленный молоком, и приговаривала:

– Зерно собирали и потом – в свою очередь – ходили его на мельницу молоть. Работали и так вот приговаривали: «С миленочком на мельнице мололи толокно. У миленочка под мельницу трусы уволокло». Или еще чего пошибче. И работалось легко. Или такое: «Я на пенсию пошла. Немного приделася. Отдохнули руки-ноги – деда захотелось». А ты ешь, ешь.

После ужина Костя убежал гулять на Байкал. Миновал поселок. Перешел по замшелой досточке через речку-ручеек с черной прозрачной водой и оказался у кладбища. Мимо не смог пройти, будто позвал кто, и зашел за покосившийся забор.

Вот зажиточные Вещевы лежат, вот суровые сибирские Суворовы... А вот рядом мраморные надгробия Максимовых... Три семьи... как три вехи...

– Так ведь запретили у нас хоронить – зона, вишь ли, санитарная... – Вспомнил он голос Капиталины Васильевны, – и заповедник тут.

С черного надгробья ясным взглядом смотрел на него высеченный портрет Василия Суворова: добрый, стальной и сильный взгляд.

– Зона санитарная, – ухмыльнулся Костя и подумал: – да не зона... подождут немного, и можно кладбище сравнять, и дома будут новые... с видом...

В глубине души Костя надеялся, что он ошибался.

«Вот как мы живем? Чем свою жизнь меряем? – задумался вдруг Костя и подпер собой кладбищенский забор, выкрашенный голубой краской. – Работой? Должностями? Тряпками? Домами? Или что о тебе потом на поминках хорошего вспомнят? Чем? Чем можно эту жизнь измерить? И никто тебе этого не скажет, в чем он, этот загадочный смысл жизни. А если вдруг и скажет, даже если красиво сформулирует – все одно глупо и неправильно покажется».

Костя дошел до воды и присел на берегу: «А может тем, что ты для этого мира хорошего сделал? О чем даже и не вспомнит никто? А оно, дело твое, останется?»

Бойкая волна докатилась до его ног и отпрянула восвояси.

Откинув невольные думы, Костя расправил плечи, снял рубаху и пошел купаться в ледяной Байкальской воде.

*Светлой памяти
Капиталины Ивановны
Суворовой посвящается.*

ЮРИЙ ХАРЛАШКИН, 1985 г.р., Иркутск

Магистр филологии по специальности «Русская литература». Работал продавцом в сети книжных магазинов, журналистом в районной газете. Методист в Иркутском Доме литераторов. Печатался в альманахах и журналах: «Первоцвет», «Образ», «Зелёная лампа», «Веретено», «Сибирь», «Дон новый», «Бельские просторы», сборниках «Молодые голоса», «Новые писатели» (2016, 2019), «Пускай услышат наши голоса». Дипломант третьей степени в номинации «Проза» Областной молодёжной литературной конференции «Молодые голоса» (2014). Участник Совещания молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего востока в Томске (2015), в XV и XVII Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в Звенигороде и Иркутске (2015, 2017), II и III Ежегодных Всероссийских Совещаний молодых литераторов Союза писателей России в Химках (2019, 2020), Всероссийского фестиваля поэзии им. А. Бельмасова в Ленинске-Кузнецком (2019) и Третьего регионального совещания сибирских авторов в Новосибирске (2019). Победитель Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018» в номинации «Проза». Стипендиат Министерства культуры РФ по литературе 2016 года. Прозаик, член Союза писателей России. Руководитель Иркутского регионального отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России.

ЧЕРНЫЙ ТУМАН

Рассказ

Узе давно бегут муласки, а в голове – килпиць, тязёлый-плетязёлый и класный. Килпици всегда класные. А муласки не визу, они холодные, я от мулазек замёлз, а мама головит, у меня – зал. Она сюпает лоб. Мама не лубит когда муласки, я – тозе. Мама уклывает меня под одевало, подтыкнула. Одевало холодное; голову к подуске плизал килпиць, тязёлый. Мама головит, ей совсем не нлавятся мои муласки. А они бегают по ноге и по зивуту.

Я лязу и глеюсь, но не мозу выглеться: всё – холодно, и вовнутли – лёд. А в голове – килпиць, голуву повелнёс, а он – тлескаться – больна! И блови упухли, на глазах свиснут.

Мама подушла, говолит, я сосал сосульки, а я не сосал: я больсой, знаю, нельзя сосать сосульки, они для класоты. А для вкусоты – молозено. Мы с Васькой купили один, два, пять, тли молозено – много вкусоты. Мы скусали всё, вот поцему вовнутли лёд. А сосульки я не ем: я не дулак, я холосый. А одевало плохое – не хочит меня глеть. Я мёлзну, а мама головит, зал. А я совсем очень не залкий...

– Мама, дай Мулзика. Он тёплый и мяккий. Я быстло соглеюсь.

Мама плинесла гладусник, всунула в подмышку. Ой-ёй, холодный. Мама головит, так надо. Телпю. Долга! Килпиць давит, в лобу болит, а я не стукался лобом. Мама сядит лядом. Она сама класная, сельёзная и не сутит. Только гладит волосы и ласказиваит. Мама взяла гладусник. Ланьсе я болел и гладусник всегда помозал. Него надо наказать и лазбить. Мама нево позалела и только помахнула: пелдупелдила, а я лазбил бы. Нехолосых надо бить и вставить в угол.

– Дадай лазобью! Он нехолосый. Дай лазобью. Он сам в подмышкой соглелся, а мене не соглел.

Не дала. Отдала папе, говолит, тлицадевать и дува. Папа усол. У мамы лицо класное совсем. Килпиць, а не лицо. Сла туда и сюда. Тозе ушла. Головят с папой. Стласно головят: тихо и сопотом. Головят быстло и неспокойно. А я пухну. Лицо упухло. Стало залко. Одевало не надо. Оно мокрое и подуска моклая. Я запотел одевало. Афлика! В Афлике залко. В Афлике зивут неглы. Хоцю быть неглой: когда лозается негла, нево окунывают в соколад. Потуму неглы колицьневые. Холосо окунываться в соколад. А мозет, их окуновывают в каку?

– Мама! Мама! Во сто окунывают неглов? Неглы – это в Афлике зивут. Не надо меня уклывать. Я соглелся. Гладусник холосый. А я хотел лазбить, а он холосый, плавда? Ой, мама, а у неглов есть холосые гладусники?

...Узе вецел. Окна класные, и стена класная. Одевало залкое и воняет. В зивоте молозено ластаяло. Подуска твёлдая, а голова мяккая и упухсая. Залко. Пальцы слипцивые как неглы после соколада. Мама ушла. Сумит сум в длугой комнате. Говолят голоса. Кто-то плисол. Входит белое на класное. Мама включает свет. Воклуг туман. Визу класную маму и белую дядю. Они головят. У дяди усы и сумка. Сумка больсая, а дядя белый и стласный, от него идёт туман. Всё бело, а на велху – усы. Я боюсь. У дяди в луках – вукол. Он злой и белый. Я хотел быть неглой, а меня укунули в кипячёное молоко!

– Мама, убели молоко! Ты зе знаес, я не лубю кипячёное молоко!

А злой белый дядя готовит вукол. Мама убилает одевало. Пелеволацивает меня на зивот. Я тыкаюсь в белую подуску. Клугом бело!

– Мама, не надо вукола, одевало тозе белое!

Я заклыл глаза. Там белая сумка с усами. Стласно. В бловях – тязесть. А с заклытыми глазами класный свет. Снимают плавоцьки. Будет вукол. Это больно. Не хоцю, не надо, не буду! Белый – злой. Плохие усы. Они глинные как у Мулзика. А Мулзик завтла меня поцалапал. Ой, вата! После неё всегда вукол. Мама головит, это доктул. Все доктулы стласные, белые. Ай! Нельзя! Больно! Плохие!..

Плацю в подуску. Мама целует и уклывает. Доктул усол. Нему холосо, нему не больно. Больсой, плисол и обидел. Вот выласту, тозе нему вукол поставю. Сколей бы... Мама выключила свет, села лядом. Залко и темно. Вокруг цёлный туман. А мезду окнов очень темно. Там стоят люди. Они высокие, они нехолодые, но стоят смильно, боются маму. Цёлные неглы. Огломные-е. И за окнами – на вулице – кто-то заглядывает, смотрит, но не влезут. Мама лядом. Я вздыхнул. Хоцю спать. В голове – опять килпиць. Тыкаюсь в маму. Она – в цёлном тумане.

...Сколо день лозденье. Мама головит, сколо, послевцела. А сицяс день лозденья у лисенёнка. У лыzego такого. Он сидит под столом. Он здёт длугих звелёнков. Будут подалки. Вот они плиходят. Звеленёнки плясуют. Весело! Я иду к ним. Мы бегаем, иглаем. Там толт. Бальсой и вкусный. Звеленёнки кусают, но в небе облака. Цёлные-цёлные. Летят бабки-ёски. Они пугают и стласные. Я пляцюсь под одевало. Бабки-ёски меня не видят и говолят. Они говолят, плазник – плохо, цёлный туман – холосо. Они говолят, меня надо укласть и скусать. Они лохматые, глянзные. Плохее неглов. Звелята лазбезались. Лисенёнок плацет.

– Мама! лисенёнок плацет! Бабки-ёски заблали толт!

Мама в цёлном тумане. Она стоит в двели. Мама стланная. Она – цёлное пятно. Кливая. Мама не головит, а стланно сумит. Бабки-ёски бояться, смотрят на маму. Они отосли к окну, говолят, давайте отлавим маму. Одна бабка-ёска белёт зелёный помидол. Бабки-ёски смеются, они говолят, скусай, мама, зелёный помидол.

– Мама, не ес зелёный помидол!!!

Мама белёт и ест. Она кливая и кливится. Цёлная в тумане, а в луке помидол.

– Мама, нельзя есть зелёный помидол! Мама, мама! Сто ты делаес?! Он зе зелёный! Зелёный! Мама!

Мама плакала в цёлном тумане. Мама стала цёлным туманом, а бабки-ёски долго – до утла говолили и говолили. Я плакал. И туман плакал. И в тумане кто-то ходил.

«СПРАВИМСЯ!»

Рассказ

В 1628 году в Великомученицком монастыре, что у берега Онежского озера, некий дьяк Порфирий по изъявлению архиепископа Константина составлял перепись имеющихся книг. Настроение у дьяка Порфирия было отвратительное: как раз сегодня должна была прийти Малаша и принести брусничной браги, а он оказывался занят. У дьяка Порфирия текли слюнки при мысли о знатном лакомстве и о Малаше – младшей дочери Гришки Заборольного. Тот хоть и был юродивый, а дочки выросли на загляденье.

Дьяк Порфирий повздыхал-повздыхал и достал из кованого сундука целый ворох грамот. Писаны они были на телячьей коже. Он стал их вносить в список. Разворачивал, по складам читал заголовок, причмокивая слюнявым ртом, всякий раз задумывался на пару мгновений и только после вносил корявой скорописью в список. Одна из рукописей его насторожила, лишь пальцы коснулись её. На пергамен она похожа не была, от чего-то по краям слоилась, будто несколько кож кто-то склеил. Дьяк Порфирий пригляделся, так оно и было. Дьяк Порфирий поскрёб толстым жёлтым ногтём, понюхал, лизнул и пришёл к выводу, что клеили на смолу. Он развернул грамоту и прочитал: «Яз поядеах людие». Вздрогнул.

«Что это?» – подумал он и решил прочитать странную грамоту.

Дверь скрипнула ржавыми петлями, и вошёл настоятель отец Артемий. Был он толст, но выражение лица имел всегда самое постное. Все знали: разговляться отец Артемий любил.

– Это писано не от Бога, – с дрожью в голосе сказал дьяк Порфирий и протянул грамоту.

Отец Артемий глянул на ту одним глазком и поморщился:

– Знаю. Это писано от человека. На исходе двенадцатого века он водил людей на лысую гору. Он устраивал блуд, заставлял поклоняться идолам. Много христианской крови там пролилось. Потом Бог обрушил огонь и серу, и гора ушла под землю.

– Это правильно... случилось, – заметил дьяк Порфирий, качнув головой. – Бесовским пляскам не место на Руси. Но что это за грамота?

– Он описал свои дела. Говорят, всего три листа. Каждому ученику – по листу. Тех поганцев тоже трое было. Двое скрылись, а последнего сожгли, и в пепле нашли этот лист.

– Он не сгорел?

– Грамота не горела в огне, не тонула в воде, не рвалась на куски, не оставалась в земле и всегда тянулась к людям. Она ищет того, кто мог бы стать новым учеником... Было решено хранить её здесь.

Дьяк Порфирий не поверил. Отец Артемий добавил:

– А ты почитай, а потом огоньком можешь...

Дьяк Порфирий стал читать. И чем больше он читал, тем ему становилось всё невыносимей, удушливей, жарче. Перед его очесами вставляли страшные картины: невиданный блуд, кровавый алтарь, зловещий Перун, смотрящий на язычников и радостно принимающий жертвы, люди, едящие стариков и младенцев, беременные женщины, которым выкалывали чрева...

Дьяк Порфирий с отвращением выпустил грамоту из рук. Он понял, что писано сие на человеческой коже.

Отец Артемий поднял лист с пола и поднёс пламя свечи. Огонь лизал грамоту, но та не загоралась. Отец Артемий убрал свечу:

– Поверил?

Дьяк Порфирий молчал.

– Забудь о бесах прошлых, – сказал отец Артемий. – Я не просто так зашёл. Тебе надо ехать в город.

– Зачем? А перепись?

– Грамоты подождут, а спасение души нет. Ты дружен с Никиткой. Уговори его. А то у Фёдора нашего лихорадка сильнющая.

Дьяк Порфирий встал:

– Это можно. А что Никитке сказать?

– Поймали мы колдуна одного. Вечером осудим. Не видит он пути истинного. Глаза его обманывают. Надо выколоть. Фёдор мастак, да вот беда – жарит его лихорадка. Бредит, святая душа. Так что поезжай, а я за Фёдора молиться буду.

Они спустились во двор. Дьяк Порфирий залез на телегу, поудобнее устроился на соломе. Отец Артемий сказал: «Ну, с Богом!» – перекрестил и отправился к трапезной, проверять яства на пригодность в пищу. Пахло свежим ржаным хлебом. Дьяк Порфирий облизнулся и сказал: «Трогай!».

Мужик крикнул: «Пошла!»

Завизжали колёса, затрещали оглобли – лошадь потащила телегу. Они выехали за монастырские ворота, и дьяк Порфирий лёг. Телега тряслась, навевая дремоту. С Онежского озера дул тёплый ветер. День стоял солнечный. Дьяк Порфирий заулыбался, вспоминая несгораемую грамоту. «Силён дьявол, но справимся, справимся», – подумал он и присел. Навстречу телеге шла девушка. Когда поравнялись, сказал:

– Останови.

Малаша забралась на телегу, и они снова поехали.

– Здравствуй, Малаша, – сказал дьяк Порфирий, забирая у неё крынку. – Брусника? – спросил и, сделав несколько глотков, замочил бороду. – Хороша бражка. Умелица ты.

Малаша улыбаясь потупила глаза. Дьяк Порфирий не спеша допил, убрал крынку в сторону, взворошил солому.

– Езжай, не оглядываясь. Как тебя там?.. Холоп, – сказал он и уложил Малашу. Потом задрал её суконное платье и, прикрывшись рогожевым меш-

ком, предался блуду.

В 1928 году в так называемом Великомученицком монастыре, что у берега Онежского озера, молодой красноармеец Сивухин проводил ревизию. Он достал из старинного кованого сундука какие-то церковные клеёнки, свёрнутые в трубочки.

Красноармеец Сивухин был очень любопытен. Он даже умел читать. Он развернул одну клеёнку и увидел забавные буквы. Но, как ни старался, прочесть не мог. То ли почерк корявый, то ли не по-русски написано. Насупившись от обиды, он побросал бумаги в жестяное ведро и поджёг.

Сивухин заулыбался, вспоминая то множество церковных книг, которое он сжёг. «Силён бог, но справимся, справимся», – подумал он и стал греть озябшие руки над огнём.

Бумаги сгорели. Все. До одной.

СИГНАЛКА

Рассказ

Мишка собирался порыбачить после школы. Половить широк на удочку да проверить морду, спущенную вчера. А что ещё делать в начале ноября? Картошку выкопали, капусту срезали, а «мятные», помороженные первыми студенными ночами ранетки остались только на макушке на радость птицам. Да и рыбалка эта – не просто развлечение, а польза – ежели рыбка крупная – можно и на сковородку её, а мелочь – так подкопить, да мама потом через мясорубку её, сала кусочек туда ж, хлебушка, яичко, если есть, конечно, – и всё, котлеты от магазинских не отличишь! А уж столовские и рядом не валялись!

Нет, конечно, можно было закинуть домой пакет с тетрадками да учебниками, и айда с ребятами грязь месить по посёлку. Но чего толку-то? В казаки играть, Витька опять начнет сигаретами трясти, батю свою избражать, сплёвывать и материться. Сашка скажет, пойдём на Тракторную, а там драка опять будет, чё туда ходить-то? Там Амирадна живёт, наркотой торгует...

Уж лучше к речке, тем более, что протекает она узенько как раз за огородом: вместо забора – обрыв с торчащими сухими бадылями, отживающей резной крапивой, пахучей осыпающейся полынью. Речка – Олхатка – неширокая, однако ж и не перепрыгнешь, спускалась с гор, извивалась в долине и в омутах давала кров широколобкам. Вот летом, когда компанией, кто взрослей в самый омут – рыб пугать, остальные их гонят, а потом рыбки и сами в сети плывут, заранее расставленные по течению...

Но то летом...

До рыбалки надо перекусить, и Мишка отрезает два куска хлеба от

купленной по дороге булки, остальное любовно заворачивает в полиэтиленовый пакет и кладёт в центр обеденного, покрытого грязной клеёнкой, стола. В морозилке за куриным супнабором притаился бумажный свёрток с... ммм... маргарином. Мишка положил на хлеб ярко-желтые тонко нарезанные пластики, посыпал их сахаром. Такой пир он не каждый день себе устраивал. Вот поест, порыбачит – и картошку пора будет чистить на семейный ужин. Но это потом, а пока, откусывая кусочек за кусочком, Мишка громко швыркал горячим трижды заваренным чаем...

Вдруг залаяла Найда. Кто-то пришёл.

Мишка вышел во двор. В приоткрытую перекошенную воротину заглядывали женщины. Одну он узнал: та уже несколько раз приходила к матери, ругалась, грозилась, допрашивала Мишку так, будто мамы рядом и не стояло:

– Был в школе сегодня? Что сегодня ел? Почему на коленке ссадина? Где сестрёнка, где братик? Тебя на Тракторной видели, с кем дружишь оттудова? – и так далее.

А Мишка всегда честно и серьёзно отвечал:

– В школе был! Ел макароны! На физре играли в футбол, вот и упал. Галька и Борька у тети Маши гостят в городе, это мамина сестра, она врачиха, а в детсаду ремонт – потолок упал, вы не слышали?

И привирал иногда:

– А на Тракторной не был!..

Сегодня знакомая женщина была в полицейской форме: пиджачок, юбочка, – нарядная, одним словом. Мишка аж залюбовался.

– Собаку закрой! – донеслось хором из-за ворот.

Мишка в пару прыжков подскочил к Найде, обнял её, погладил по спине. Лохматая псина замолчала, но волны гнева продолжали перекатываться по загривку. Он с усилием развернул её, прикрикнул и запихнул головой в конуру, вставил полусгрыженную доску во вбитые металлические скрепы.

– А щенок где?! – громко спросила знакомая.

Мишка только пожал плечами. Мол, знать не знаю, бегают где-то по улице, поди.

Озираясь по сторонам, во двор вошла комиссия: знакомая полицейская, три незнакомки в деловых костюмах, в таких ходят тётеньки в телевизоре, и один мужик в робе и с дрелью в руках. Подойдя к крыльцу, гости вдруг обнаружили хозяйские замашки.

– Так, капусту убрали, а чего листья валяются на огороде?

– Почему забор не почините?

– Да мужика у Таньки нет.

– Ага, нет, каждую неделю с новым бухает, знаем мы, а дети все зачуханные! Чё, за бутылку никого нанять не может забор подпереть?

– Ждёт, пока старшенький подрастёт?

Смеются. А Мишка только глазами хлопает: как же! Забор новый справить – так это ж доски нужны, а не бутылка, а где их взять-то?

– Так, дрова купили? Ага, вижу... Свинья у вас ещё вроде была? Ага, слышу...

И, не спрашиваясь, пошли в дом. А Мишке стыдно вдруг стало: пол не подметён ведь, со стола-то не убрано, а тетрадки на стуле валяются.

– Обедаеть, значит? Чего тут? Ага, ниче не сварено. Сковородка немытая. Мать где?

– На работе...

– Знаем мы её работу. Младшие где?

– Так ещё в детском садике. День же, где им быть-то?

– А ты? Со школы только пришёл?

– На автобусе приехал... со школы. На школьном автобусе я, – ему вдруг показалось очень важным, что он не пришёл пешком, а именно приехал на автобусе.

– В каком классе учишься? – спросила одна из тех, кто в костюмах.

– В шестом, – тихо и растерянно ответил Мишка.

– Так, с продуктами у вас получше стало, – сказала знакомая, когда проверила холодильник и буфет, и обратилась к остальным. – Видите, летом крыша протекала, в полах – щели, под потолком – тенёты. В грязи живут, а я тут ходи их проверяй. Короче, до первого загула, а там детей отбирать будем.

– Крепить будем здесь, в спальне! – вдруг невпопад сказал мужчина в робе.

– Смотри! – сказала знакомая. – Мишка, ты взрослый уже. Это ради безопасности ваших младшеньких... В городе мы провели благотворительный концерт, на средства, собранные от него, мы купили вот эти замечательные пожароизвещатели для таких семей, как ваша! Если вдруг начнётся пожар, он как заорёт! Спать будете – так все проснётся! Зато никто не задохнётся, не сгорит...

Мужчина привинтил плоскую коробочку к потолку. На ней замигала красная неонка.

– Запомни! – мужчина обратился к Мишке. – Она может среагировать на дым, сырость и пыль. Так что печку топите аккуратнее, крышу залатайте, чаще убирайтесь, да пылюку не поднимайте!.. В случае пожара немедленно выводите всех из дома! Если пожара нет, звук сам прекратится через пару минут. Смотри! – и поднёс зажигалку к прибору, чиркнул...

Что тут началось! Мерзкий, тонкий, отдающий звоном в ушах, но главное – невыносимо громкий – сигнал выкурил из дома абсолютно всех, и в первых рядах – тех, в костюмах.

– Вот видишь! Не пропадёте...

Мишка отошёл на середину двора, зажимая ладошками уши. Голова кружилась, сердце готово было выпрыгнуть из груди, а в голове звучал этот

душераздирающий, не предназначенный для человеческого слуха, писк.

– И не дай Бог открутите! – пригрозила знакомая.

Когда звук прекратился, с чувством выполненного долга благодетели покинули двор.

Мишка выпустил Найду, обнял её за шею и молча посмотрел в огород. Рыбалка отменялась. Когда утих звон в ушах, Мишка чмокнул собаку в щёку, потрепал по голове и пошёл домой.

Пульсирующая красная бусинка под потолком притягивала взгляд. Как замороженный он смотрел на неё и смущался её присутствия, словно вошёл не в свой дом. Огонёк мерцал, будто предупреждая: я здесь хозяин... И было что-то ещё в этом мигании-подмигивании: нехорошее озорство, злобное веселье, обещание хлопот.

«А как младшие услышат? – подумал Мишка. – Я кое-как очухался. А уж им-то...»

«Обязательно услышат, – подмигнула бусинка. – Вот печку вечером топить станете и услышите. Все».

«А если ночью дождь пойдёт?»

«Дождь будет обязательно. Вот увидишь», – подмигивал огонёк.

И Миша пошёл за отвёрткой.

Поэзия

НАТАЛЬЯ ДОБАРКИНА, 1988 г.р., Иркутск

Родилась в городе Удачный в Якутии. Фармацевт. Заняла I место в литературном конкурсе «Лето поэта», публиковалась в альманахе «Первоцвет», журнале «Сибирские огни». Участница Третьего ежегодного всероссийского совещания молодых литераторов в Московском государственном институте культуры (Химки, 2020), Межрегионального совещания авторов Сибири и Дальнего Востока (2020). Лауреат Сибирского фестиваля искусств «Тарская крепость» (2020).

ХЛЕБ

Черный душистый хлеб
зрел на поду печи.
Он ноздреват и слеп,
и иногда горчит,
сдобренный молоком,
зеленью и слезой.
Срощенный с языком,
с вымесившей рукой.
Мягкий, как чернозем,
в колкой щетине ржи.

Небо впитал с дождем.
Пот – из мужицких жил.
К праздничному столу.
К постным остывшим щам.
Хлеб – голова всему,
Рыбам и чудесам.

Светлоокая берегиня,
береги меня, береги меня.
От несчастной любви коварства,
от коня и горящего царства.

Мне березы твои, как сестры,
только выше меня по росту
И не знающие печали.
Береги меня, как в начале.

Милая, знаю: это всегда непросто –
сузив глаза, терпеть свои боли роста.
Всплески эмоций – не буря в стакане чая.
Милая, не доводи меня до отчаяния.

Больше не надо слез до ушного звона,
слово твоё рифмованное – корона,
щит твой и меч, оружие против мира.
Милая, ты меня словом одним сразила.

Где-то фонари красные,
А где-то они разбиты.
Давят ленты атласные,
Гулко звучат сюиты.

Чьи-то голоса звонкие,
Я же на полуфразе
Смолкла, и вышло скомкано,
И тишина не скрасит

Горечи безответного,
Звуки шагов сворует.

Сумрака предрассветного
Вынести не могу я.

ДНИ

Дни тянутся медленно,
года пролетают быстро.
Май обещают ведренный,
где-то в двадцатых числах.

Бусины одуванчиков
встряхивают седины.
И вереницы дачников
горбят в надежде спины.

Солнцем гряда обласкана,
зелено междуречье.
Неба лазурь атласная
рухнула мне на плечи.

Ласкай меня, ласкай меня, волна,
Хрустальностью своей заворожив.
Мир вне тебя не светел и не жив –
Не тронутая пальцами струна.

Неси меня вдоль чуждых берегов,
Не позволяя гавань обрести,
Замолкнуть, зажимая дух в горсти,
И разделить с унынием свой кров.

Храни меня. И в горечи ветров,
Несущих весть о сожженных полях,
Пустых мечтах и позабытых днях
Я все же различу твой вечный зов.

ТЯЖЕЛЕЕТ РЯБИНА

Тяжелеет рябина, извне янтарем наливаясь.
Тучи дней пробегают, рисуя асфальтный ручей.
А во мне умирает пожухлая завязь
Слов, что осами жалили столько ночей.

Скошен луг, образующий золото стога,

Сдернут лета цветастый небрежный платок.
А во мне где-то прячется замысел Бога,
Разглядеть бы его между ломаных строк.

Море внутри, снаружи и через край
Плещется в самых улитках моих ушей.
Сердце стучит: «лови же меня, спасай».
Разум кричит: «убей же меня, убей».

Каждая мысль – игривый воздушный змей,
Пляшущий неустанно над головой.
Боже, избавь меня от моих страстей,
Или от самой пагубной, от одной.

Руку мою отсеки, если соблазнит.
Вырви язык, и рифмы умрут во мне.
Море внутри волнуется и болит,
Слезы и горечь в каждой его волне.

ПЕРЕПИШИ

Перепиши случайность наших встреч,
Добавив послевкусие забвенья.
И новый день – его разящий меч
Разгонит тени в жажде отомщенья.

За то, что выбрали в свидетели покров,
Усыпанный бриллиантовою пылью.
За то, что мир не светел и не нов,
Но все же подарил влюбленным крылья.

Лучи ворвутся в спальное окно –
Слепящи, переливчатые и смелые.
На чашке чайной алое пятно,
А на бумаге то, что отболело.

ЮЛИЯ ОЛЬХОВСКАЯ, 1987 г.р., Шелехов

Окончила отделение журналистики Иркутского государственного университета. Лауреат областной конференции «Молодость, творчество, современность – 2008». Автор книги стихов «Между тенью и светом». Печаталась в журналах «Сибирь» и ряде коллективных сборников. Член Союза писателей России.

ВОЛЧИЦА

Со своей одинокой судьбою
Ты блуждаешь во мраке лесов,
То ты воешь одна под луною,
То бежишь от охотничьих псов.

Словно дьявол, в ночи пролетая,
Надругалась судьба над тобой:
Прогнала тебя дикая стая,
Отвернулся и волк молодой.

Отгорели привычные страсти...
И тебя согревают в пути
Только пар, выходящий из пасти,
Да усталое сердце в груди.

Одиночество – злейшая вьюга,
Больно жалит она, как змея,

Но одна у тебя есть подруга –
Одичалая тень – это я!

Вместе мчатся по серой метели
Нам с тобой сквозь холодную мглу,
Дни и ночи, часы и недели
Вместе выть нам с тобой на луну.

Как и ты, я давно одинока,
Как и ты, никого не ищу.
Осторожна, безумна, жестока.
Только вою, бегу и рычу.

Отгорели привычные страсти...
И меня согревают в пути
Только пар, выходящий из пасти,
Да усталое сердце в груди.

Ни добычи, ни стаи отныне.
Где-то смерть нас несчастная ждёт.
Пусть уж лучше на скользком обрыве
Нас с тобою охотник убьёт.

ДИАЛОГИ

Я чёрным цветом обозначу
Одно число в календаре,
И вновь, безумная, заплачу,
Как серым утром в декабре.

Я не забыла, не забыла,
Что снова мрак боготворю.
Печальный дом спросил уныло:
«Поговоришь?» – «Поговорю».

«Ты любишь ночь?» – спросили стены.
«Немало лет, – сказала я. –
Но всё же жду я перемены
И жажду света и огня».

И вдруг, зажглась свеча искусства...
Не то пишу, не то пою.
Опять терзают те же чувства:
«Поговоришь?» – «Поговорю».

«Сердитой тьмой, порой nocturno
Ты ждёшь любви?» – спросила страсть.
Шепчу я: «Да, но надо мною
Висит, как хлыст, разлуки власть.

Уйду отсюда, сброшу горе
И в шумном море утоплю».
Пришла. Меня спросило море:
«Поговоришь?» – «Поговорю».

«Ты пьёшь печаль, как кубок с ядом?» –
Пролепетала вдруг вода.
Меня луна ласкала взглядом,
И я ответила: «Всегда».

Топила горе. Мало прока.
Мне снова плакать и кричать.
И вот, зовёт меня дорога:
«Поговоришь?» – «Хочу молчать».

Иду, молчу и вспоминаю
Вишнёвый галстук, чёрный фрак.
Куда иду, сама не знаю,
А впереди глубокий мрак.

Моя дорога бесполезна,
Давно погас надежды свет.
«Ты хочешь жить?» – спросила бездна,
И я кричу досадно: «Нет!»

НА ЧЁРНОМ КОНЕ

Ты носи меня, верный мой конь черноногий,
По разбитому небу, где стихла гроза,
В серебристом седле по широкой дороге,
Чтобы звёздная пыль нам летела в глаза.

Я покоя стихии ничем не нарушу,
Чтоб понять, наконец, что такое – летать,
Подарить облакам чёрно-белую душу,
Ни о чём не жалеть, ни о чём не мечтать.

Покорив высоту, пролетев километры,
Мы узнаем с тобою, как греет луна,

Как приятно ласкают могучие ветры,
Как в единстве прекрасны смычок и струна.

Пусть увидят меня те, кто рядом летают,
Пусть пространство течёт, как речная вода,
Может, здесь и полюбят, и душу познают,
Ну, а там, на Земле, не поймут никогда.

ВНЕ ВРЕМЕНИ

Пред глазами вьюга проносилась,
В серых далях медлила заря.
Было это, или только снилась
Ель седая в стуже января?

Звуки были вкрадчивы и редки,
Тишина, казалось, длится век.
Мягкие узорчатые ветки
На ветру раскачивали снег.

На морозе я одна стояла.
Люди шли, смотрели на часы.
Ель ветвями тяжкими качала.
Ветки-лапы. Белые весы.

Как одна, недели пролетали.
Так одна стояла и стою.
Серые безжизненные дали
Туго опоясали зарю.

Ничего не помню, только смутно
Пред глазами кружится метель.
Серое злопамятное утро,
Белым запорошенная ель.

ПРО ИВАНА

*Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад...
Ю.П. Кузнецов*

Узелок поставил он к порогу,
Глянул вдаль – повсюду гладь и тишь.
«Матушка, меня ты на дорогу

По какой цене благословишь?»

В долг благословила мать, и в поле
Ринулся Иван – дурак и царь.
Чтоб не заблудился он на воле,
Камень на пути лежит, как встарь.

Он пошёл налево. Где-то сладко
В тот же час запели соловьи.
Может, на дороге ждёт мулатка? –
Ваня так мечтает о любви!

Вот какой-то тихий городишко.
Полночь. Тротуары. Фонари.
«Милая, как звать тебя?» – «Иришка» –
«И по чём ты любишь до зари?»

Утром разыгралось вдруг ненастье.
В пору бы напиться от души.
«Сколько заплатить, бармен, за счастье?» –
И отдал последние гроши.

Площадь отошла от бури лютой,
Ильича отмыл от пыли дождь.
Ванечка спросил: «Какой валютой
Прежде покупал ты титул ВОЖДЬ?»

Памятник дослушал молча фразу,
Странно, но не хмурил важно бровь.
Мог бы говорить, продал бы сразу
За советский рублик марку «КРОВЬ».

Мимо шёл мужик – одет с иголки –
С личиком девчонки (просто смех!).
«Подскажи, в Сибири иль на Волге
Оптом закупаешь ты успех?» –

Но мужик молчал – зачем делиться,
Конкурент страшней, чем в дебрях волк.
Что ж Ивану вновь пойти напиться?
Нет. Во всём он сам узнает толк.

И свернул направо – стал богатым,
Стать красавцем лет до ста.
И пошёл в больничные палаты:

«Сколько, доктор, стоит красота?»

Дальше было тоже всё, как в сказке.
Каждый день свидания и пир.
И царевен всех доступны ласки,
И подвластен весь крещённый мир.

Встретил старика он как-то утром
Там, где в поле снега белизна:
«Сколько стоит мудрость в мире мудром,
Где, старик, таится новизна?»...

Как умрёшь, когда – совсем не важно,
Платишь – отпевают, говорят.
И пошёл к аптекарю отважно:
«Сколько ты берёшь за сильный яд?»

Он летит счастливый, бестелесный,
Смерть ему другой открыла край.
Молвит: «Подскажи, Отец Небесный,
Я – Иван, в какую цену рай?»

ПЕРЕД БАЙКАЛОМ

Мой персонаж взрастил в блокноте месть,
Но лирика слаба для этой роли.
Так хочется и думать, и прочесть,
Что не боюсь ни холода, ни боли.

Сплошной обман, что с чистого листа
Другую быль напишешь виновато.
Настало время возраста Христа,
Но на пути ни друга, ни Пилата.

Есть озеро священное одно,
Где можно по-Цветаевски распасться,
Недолго плыть, но долго видеть дно,
Легко дышать, но нелегко спасться.

Из глубины достигнутых высот
Плевком своё разбавить отраженье.
И только если стоишь бездны вод,
Она возьмет без якоря на шее.

Так хочется порой, чтоб не нашли,

Познать круговорот и выпасть снегом.
Но бездна спит для тех, кто на мели
И от себя спастись пытался бегом.

ИДУ К ВЕТРАМ

Все тот же город лиц, как прежде, постных,
Какой бы здесь ни вился в небе флаг.
А там, в полях, как в детстве в девяностых,
Есть стая неприрученных собак.

Им хорошо, свободным от отчизны,
По-человечьи не умеют выть.
Они спасать не обещали жизни
И никому не обещали жить.

И кровных уз, а, может быть, кровавых
Не знают, и никто их не предаст.
А я хочу по-детски ползать в травах,
Но руки обжигает снежный наст.

Из прошлого ещё глядит сквозь годы
Со старой школьной парты голубой
Заоблачная статуя Свободы,
Начерченная маленькой рукой.

Но растопил её неровный факел
Мечты американской воск свечи.
Я повзрослел. По счастью, я не запил,
Но чахну, как Емеля, на печи.

Лишь по ночам для чувства мнимой воли
Иду к ветрам, чтоб воск сумел застыть.
Что с той мечтой мне делать в русском поле,
Не давшем ни увидеть смерть, ни жить?

Я умирал, как в ту свободу вера.
Не я за жизнь, а жизнь в меня клещом
Вцепилась мертвой хваткой бультерьера,
Но мне не стала дружеским плечом.

Людских голос я слушаю жестокость,
И только в маске выйду на крыльцо,
Скрывая то любовь, то одинокость,

А, может, просто постное лицо.

Придет весна, текут другие воды,
А под луной все тот же будет лай,
Как лёгкий вой непонятой свободы,
И прозвучит команда: «Выбирай».

КУКЛОВОД

Диктатура кровавой и смуглой луны
Кукловодом владеет, как жертвами жало.
Его куклам не снятся спокойные сны,
Небеса изменились от дымки пожара.

Только нити не вечны, все падает ниц,
Улыбается слабость на тонком фарфоре.
Для того он лепил одинаковость лиц,
Чтобы проще собрать, если сбудется горе.

Но пока у огня ещё есть хороход,
Он с лихвой задает непосильные ритмы.
Чтобы нить прервалась, и ушел кукловод,
Здесь хватило бы даже и маленькой бритвы.

Но безмолвствует мир, как и в дни нулевых,
Куклам в этой игре пистолет не положен.
Защищаться и править – удел волевых.
От живых к неживым путь случился, он ложен.

Под небом опять потоп,
На землю смотрю сквозь воду:
Здесь нет и не будет троп
В обещанную свободу.

Прикрылась дождем луна,
А прежде была полезной.
Одна лишь стезя видна:
Горящий канат над бездной.

Мой древний воскрес каприз:
Идти меж землей и небом,
И если не гляну вниз,
Встречай меня солью-хлебом.

Качают ветра канат,
А пройдено слишком мало.
Глядит исподлобья ад,
Я знаю его – бывала.

Вглядевшись в его глаза,
Я стану еще капризней.
Не смоет водой гроза
Всей памяти прошлых жизней.

Не надо светил и дня
Тому, кто в ночи крадется.
Как лист, пусть дрожит земля,
И дерево мира гнется.

ПЫЛЬ

Не даст мне сорваться с кармы
На память оставленный волос.
Со мной только близость зимы
И в северном ветре твой голос.

Не сказку я слушаю – быль,
С позором объявленный дембель.
Вернусь, как ненужная пыль,
В твой дом на старинную мебель.

Нажил и врачую один
Болезни и тела, и сердца.
Пусть даже приму аспирин,
От шрамов, увы, не раздеться.

Под тяжестью сгорбленных плеч
Сутулится дух мой страдальцем,
Хочу в тишине твоей лечь,
Быть стертым настойчиво пальцем.

Отправь на последний покой
Ту память, что кружится искрой.
Смахни меня лёгкой рукой
И стань за двоих за нас чистой.

Ступаю не глядя, уже поневоле.

Пейзаж неизменен под грифелем лет.
И сладко, и горько жить окнами в поле,
Где ветер в лицо, только воздуха нет.

Знакомого древа корявые розги
Стегают мой дух по дороге домой.
Не вызрел здесь плод, только червь уже в мозге
Грызет сердцевину и шепчет: «Ты мой».

Мне преданный север вобрал мою верность,
Здесь были мечты и дела на потом.
Мне кажется, если изменится местность,
Мятежный в душе обретет ли свой дом?

Читай у окна все известные мантры,
Смотри, как в домах тихо гасится свет.
Вся тьма без прикрас, без единой гирлянды.
И город, и люди – все сходит на нет.

Дурман в голове, если смотришь под ноги,
И слепит глаза неминуемый лед.
В семи этажах я от скользкой дороги,
Которой что души, что птичий помет.

Холодные звезды от края до края.
Впервые пусть воздух проникнет в окно.
Со мной только ночь первобытная, злая.
Мне вниз или вверх, и не все ли равно?

Треплет куст на столбе афишу.
Вижу кружев твоих узор,
И сияние рампы вижу,
И затмивший сиянье взор.

До полуночи стань мне ближе
Оттого, что здесь Древний Рим,
И спустилась Венера ниже
Белым шлейфом к рукам моим.

Стань родной потому, что слышу
Спетый нежно тобой апрель:
Первый дождь, разбудивший крышу,
И воскресшую птичью трель.

Снова странное вспомню детство
И над книгами тихий плачь,
Где Французское королевство
И на Гревской стоит палач.

Стань родной потому, что знаю,
Как сжигали таких, как мы,
Поклонявшихся тьме и маю,
Рвущих травы среди зимы.

Стань родной мне за то, что в хоре
Слов и звуков мой слух остёр.
Стань мне ближе затем, что в горе
Слёз никто мне рукой не стёр.

Что за праздник сегодня – не знаю,
Но в числе приглашенных давно.
И готовился долго к свиданью
Арлекин, покоровший окно.

Пролетел он столетья и версты
И вернулся на прежнюю ось.
Опадают бумажные звезды.
Загадала желанье. Сбылось.

И пришло моё время умчаться,
Не гася равнодушных лампад.
Он вращался и будет вращаться,
Повторяя слова невпопад.

Зима не время года – время века.
Пустыня запорошенных идей.
Пусть сердце обросло бронёй из меха,
Но в ней душа продрогла до костей.

История для лесты и декора
Продолжит свой стремительный отсчёт,
И, овладев искусством живодёра,
Из шкуры сердца чучело сошьёт.

Зима Фантаста 2020

Фантастика в том или ином виде всегда сопутствовала человечеству. Наши далёкие предки мечтали о чудесах, умели видеть их наяву, верили в своих духов-покровителей, но при этом посмеивались над предрассудками соседних племён. А что такое вообще легенды о получении огня и другие культурные мифы, как не первые фантастические рассказы с элементами научных знаний о мироздании?

И сегодня, когда казавшееся невозможным становится обыденностью, когда каждый день совершаются открытия, когда развитие технологий, приближающих экологическую катастрофу на Земле, только ускоряется – именно сегодня очень важны надежда и вера в светлое будущее человечества.

Фантастика в своей основе изначально гуманистична: даже рисуя мрачные картины будущего, писатели-фантасты прежде всего предупреждают, а не просто «пугают». А фантазия? Да она же главный признак пытливого ума!

Поэтому молодежное литобъединение «Азь-Арт» Иркутского Дома литераторов провело в 2020-м году Областной литературный конкурс «Зима фантаста». Рукописи принимались по трём номинациям: «Научная фантастика», «Фэнтези» и «Волшебная сказка».

Конкурс пропагандировал нравственные ценности, сохраняя традиции русской и зарубежной классической литературы.

В «Зиме фантаста» приняли участие, в том числе ранее неизвестные, но перспективные талантливые авторы со всей Иркутской области, всего 38 человек, из которых пятеро – сразу в двух номинациях.

15 работ было прислано в жанре «Волшебной сказки», 14 – «Фэнтези», 11 – «Научная фантастика». 7 авторов прислали свои стихотворения, но, к сожалению, выдержать в качественной поэтической форме предложенные жанры, никому из них не удалось.

География конкурса получилась обширной: 20 авторов – из Иркутска, 7 – Зима и Зиминский район, 3 – Ангарск, по одному участнику из Братска, Усть-Илимска, Усолья-Сибирского, Тулуна, Черемховского района и (вне конкурса) Москвы, Новосибирска, Кемерово.

В жюри вошли:

Зубакова Светлана Владимировна – главный редактор альманаха «Первоцвет», заместитель директора Иркутского Дома литераторов,

Лаптев Александр Константинович – прозаик, фантаст, член Союза писателей России,

Пяткина Светлана Вячеславовна – поэт, прозаик, член Союза писателей России,

Живетьев Максим Аркадьевич – прозаик, член Союза писателей России,

Харлашкин Юрий Станиславович – прозаик, член Союза писателей России.

Представляем работы победителей. Лучшие конкурсные произведения других участников опубликуем в следующем номере.

РОМАН КОЗУЛИН, 1989 г.р., Братск

Окончил учетно-экономический факультет Байкальского государственного университета экономики и права по специальности «Мировая экономика». Работает в компании «2050.digital» по проекту оцифровки работ по ремонту локомотивов. Публиковался в рамках проектов поэтической библиотеки имени Сербского, в сборнике рассказов в сотрудничестве с издательством «Altasphera», сборнике «Пускай услышат наши голоса», в альманахе «Первоцвет». Участник Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018». Имеет запись и публикацию отрывка в формате аудио рассказа в проекте «Я молод, и я творю».

РЫЦАРЬ

Первое место в номинации «Фэнтези»

Стенобитное орудие вежливо стучало в стену крепости, а рыцарь сжимал рукоять меча, надеясь, что благородный клинок сам справится со всеми проблемами. В данных обстоятельствах решение пойти в крестоносцы казалось ему не такой замечательной идеей, как раньше. Прекрасно выглядела мысль пойти на военную службу и сбежать из родового гнезда. Домашнее имя было полно невыносимых вещей: вечная опека матушки, знакомства с дочерями почтенных семейств и скучные пиры. Наверное, сейчас он больше всего скучал по тем самым скучным пирам с их едой. Он надеялся, что еда тоже скучает по нему, и с нетерпением ждал их встречи уже третий месяц. Гарнизонный повар, вероятно, был известным кулинаром среди бродячих собак и других животных, не обладающих вкусовыми рецепторами. Но для людей он готовить не умел совершенно. Особенно для дворян, пробо-

вавших что-то кроме каши. Рыцарь твердо решил обязательно организовать встречу своего раздосадованного желудка с жареным перепелом, которого готовил их личный повар. Если бунтовщики не разлучат рыцаря с желудком навеки путем отделения одних важных конечностей его тела от других.

Нужно было больше узнать про слово «пропаганда», прежде чем попадаться на ее удочку. Особенно если решил попасться на нее после ссоры с отцом. Глава семейства, конечно, был невыносим, но терпеть его нападки было гораздо проще, чем примириться с раной в теле. Хотя смертельная рана не так плоха, как верные клещи в руках любознательного палача.

После очередного скромного удара послышался скорбный грохот рушащейся стены. Баррикада на месте ворот так и осталась не взятой, но на исход битвы это уже не влияло. Крики верных оруженосцев из удрученно-отчаянных стали тоскливо-отчаянными. Нужно было воодушевить людей, но вот желания делать что-то столь опасное у рыцаря не было. Когда инструктор рассказывал о подобных ситуациях, он забыл упомянуть, что совершать подвиги придётся лично. Как и любое другое образование, воинское оказалось бесполезным в реальной жизни.

Выглянув из укрытия, рыцарь решил, что героические речи не принесут желаемого эффекта. Его солдатам гораздо радостнее от мысли, что их командир в относительной безопасности. Насколько счастливее были бы защитники крепости, зная, что горячо любимый ими предводитель находится за много миль от места славной битвы. Битвы, в которой им суждено сложить свои головы. Но, к несчастью, сегодняшнее сражение они переживают вместе.

Солдаты начали сумбурное отступление, и вскоре сражение переместилось во внутренний периметр замка. Пыль, поднявшаяся после разрушения стены, застилала унылую картину приближающегося поражения. Но лязг оружия ощущался каждой костью в теле и, совершенно игнорируя разумные приличия, без разрешения приближался к рыцарю. Наиболее удачливые защитники замка занимали места на внутренней стене. Наименее удачливые понимали, что внутренние ворота могут закрыть, не дождавшись их героического бегства. Поэтому отступление становилось менее героичным, но более быстрым.

Отовсюду слышался рев старого адъютанта. Этот бородатый зануда со шрамом через все лицо вечно критиковал каждую гениальную тактическую идею. Хотя рыцарь, отслужив около месяца, осознал, что армия – одно из самых закостенелых мест в мире, и её срочно нужно менять самым смелым образом. А старик вечно ныл о необходимости сохранить тот или иной пережиток. Но, надо отдать ему должное, своей болтовней он навел рыцаря на мысль об использовании старого замка. Пусть это заброшенный каменный чулан, но в нем гораздо безопаснее сражаться, чем в чистом поле.

Случайная стрела чиркнула по шлему, четко дав понять, что за окном

нет ничего интересного. В который раз за этот день рыцарь осознал, что даже самым отважным храбрецам иногда бывает страшно. Крики адъютанта прекратились, и звуки боя постепенно стихли. После чудовищного шума, посвящённого смерти и крови, стоны раненых казались оглушительной тишиной.

Стиснув меч в самых страстных объятиях, на которые он только был способен, рыцарь вжался в угол. Судьба сегодня решила обойтись с ним жестоко. Перед глазами проносились прекрасные картины несправедливого, но такого спокойного и счастливого прошлого. Каждый упрек отца теперь казался лишь мелкой неприятностью. Служба в армии теперь виделась досадным недоразумением. Возможно, фатальным и последним недоразумением в жизни.

Грохот тяжелых сапог на лестнице отдавался могильным стуком в сердце неудавшегося героя. К нему приближался неотвратимый рок, который необходимо встречать с мечом в руках и огнем в глазах. Но такого желания у рыцаря не было. Меч предательски выскользнул из рук, а глаза наливались слезами. Раз его солдаты приняли решение сложить оружие и избежать такого подвига, то он, как добросовестный командир, поддержит их в этом своим примером. Дверь распахнулась, и в комнату вбежало несколько бунтовщиков. Обнаженные мечи в их руках казались рыцарю огромными, а пятна крови на лезвиях внушали непередаваемый ужас. Отбросив свое оружие, побежденный командир попытался благородно принять поражение и сдаться, но тяжелый удар эфеса в висок лишил рыцаря сознания и этой возможности.

Пара бунтовщиков подняла тело благородного дворянина и потащила, словно обычного простолюдина, во двор. Каменные ступени словно считали своим долгом отбить ноги рыцаря как можно сильнее. Во дворе его швырнули в пыль, рядом с израненным телом адъютанта. Вся грудь старика была покрыта бинтами в пятнах крови, и в волосах запекалась кровь, но грудь вздымалась равномерно. К центру двора сгоняли пленных солдат. Другой отряд бунтовщиков обеспечивал наличие в замке миролюбивой атмосферы грабежа и вандализма. Запасы оборонявшихся и их оружие собирали в общую кучу рядом с проломом в стене.

Через час с небольшим захваченный замок был полностью осмотрен, и пленников связали в цепочки по десять человек. Лица проигравших были пусты и безразличны к происходящему. Словно пытаясь подчеркнуть настроение защитников крепости, начался небольшой дождь. Капли прибили пыль к земле, и воздух наполнился свежестью с привкусом железа. Где-то на горизонте загрохотал гром. Рыцарь пришел в себя и с ужасом огляделся: рядом лежал раненный адъютант, его солдаты угрюмо молились, а победители стягивали тюки с трофеями.

К рыцарю подошел высокий мужчина с небольшой проседью в тем-

ных волосах, стянутых обручем с драгоценными камнями.

– Даже ваш адъютант не смог спасти вас от гнева графа Лорея, – произнес хорошо знакомый рыцарю голос Далера. – Ваше поведение настолько оскорбило старого графа, что вас не спас бы и король. Тем более никому не нужная старая крепость не могла этого сделать. Хотя вряд ли вы могли отдать такой приказ. Вы бы загнали лошадей в попытке сбежать на родину, не задумываясь о силе пограничных гарнизонов графства.

– Я готов принести графу мои глубочайшие извинения, дабы исчерпать этот конфликт, – дрожащим голосом промолвил рыцарь.

– Ирвэн, вы столь глупы! – со смехом сказал Далера. – По-вашему, граф отправил меня в погоню и снял охранный гарнизон с восточной границы ради ваших пустых слов? Вы и так много уже наговорили. Вам стоило учиться молчать вместо службы в рядах крестоносцев. Вы опорочили армию и опозорили отца, как только надели плащ с крестом.

– Но я не хотел ссоры, всего лишь указал на то, что армейские традиции слишком устарели.

– И потребовали вместе с рекрутами дать вам повара и омаров?

– Но ведь ваше графство славится дарами моря. Логично добавить в постоянный рацион офицеров изысканное блюдо.

– А когда граф мягко указал на малый срок хранения, вы начали втаптывать в грязь память о его военных заслугах?

– Просто напомнил графу, что он давно не участвовал в походах и не понимает современных армейских реалий. Он до сих пор уверен, что рыцарь в походе должен нести те же тяготы, что и обычные простолюдины.

– Если вы забыли, то я напомню, что граф Лорей был простолюдином и получил титул графа за спасение жизни короля в битве при Латарингии. Он покрыл себя вечной славой, но остался инвалидом, неспособным покинуть замок.

– И это было много лет назад!

– Видимо, в вас еще меньше разума, чем мне казалось. Теперь вашу судьбу решит палач, – произнес Далера и отошел к пролому в стене, чтобы обсудить со своим заместителем детали возвращения в замок.

Внутри рыцаря все похолодело от образа раскачивающейся петли на фоне сверкающего топора. Большую часть жизни Ирвэн был уверен, что смерть и казнь случаются со всеми, кроме него. Мысль, что он скоро лично узнает насколько крепки объятия петли, бесцеремонно вытряхнула из головы все остальное. Мир сузился до простой веревки перед глазами. Рыцарю хотелось рыдать от несправедливости. Пленники вокруг начали шептаться об их судьбе.

– Может, граф отпустит нас из уважения к адъютанту Семерсу?

– Говорят, что граф когда-то служил с его светлостью, отцом Ирвэна...

– Мы обречены висеть на деревьях рядом с отрубленной головой нашего молодого господина...

– Молчи! Наверняка еще есть шанс на помилование!

Этот злой шепот напомнил Ирвэну о его корнях и вселил надежду на спасение. Его отец, герцог Латарингский, был близок к королю, и, несмотря на свой вредный характер, не позволит убить своего замечательного сына.

Рядом закашлял адъютант. Могучая грудь в доспехах ходила ходуном. На бинтах показалась свежая кровь. Старый и грозный рыцарь перевернулся на один бок и долго откашливал комки крови. От такой картины Ирвэн чуть не потерял сознание, даже образы собственной смерти не пугали его настолько. Увидев, что адъютант очнулся, к пленникам вновь подошел Далера:

– Мое почтение, месье Сомерс, вы славно потрепали мой отряд, – улыбнувшись, произнес он.

Адъютант усилием воли сдержал кашель и попытался сесть, несколько пленных солдат бросились ему на помощь. Лицо седого ветерана приняло суровое выражение, смешанное со смирением. Взгляд выражал готовность принять свою судьбу.

– Мое почтение, месье Далера, – с хрипом промолвил он. – Надеюсь на вашу милость.

– К сожалению, это зависит не от меня. Юный Ирвэн оскорбил графа, а вместе с ним и меня. Но если бы я мог, то отпустил вас и ваших людей, обеспечив провизией и медикаментами. Я вполне доволен поимкой Ирвэна.

– Понимаю, – тяжело произнес адъютант.

– Если вам что-то потребуется, обращайтесь ко мне или моим людям. Я восхищен тем, как вам удалось организовать побег юного герцога из замка графа в кратчайшие сроки и постараюсь сделать ваш путь комфортным, – сказал Далера и отошел к солдатам, передающим тюки в пролом в стене.

Пленные солдаты собрались вокруг. Их лица выражали надежду и вину перед командиром за проигранную битву. Никто из солдат не смотрел на Ирвэна, все внимание было обращено на адъютанта. Подобное всегда раздражало рыцаря, но сейчас мысли крутились вокруг скорой казни. Дождь постепенно усиливался. Захватчики засуетились и ускорились. Рыцарь ощущал дождь на своей коже, слышал далекие раскаты грома, видел появляющиеся лужи, но все это было где-то далеко. Только теперь Ирвэн осознал весь ужас своей судьбы. До разговора с Далерой казнь казалась чем-то невозможным, далеким. Всегда оставалась уверенность в спасении.

Адъютант снова прокашлялся, повернулся к рыцарю и проговорил:

– Есть надежда на милость старого графа и помощь вашего отца. Но в худшем случае вас ждет благородная казнь через обезглавливание. Будьте готовы и не теряйте присутствие духа. Ради отца вы обязаны сохранить свою честь, чтобы не опозорить ваш род еще сильнее.

– Какой толк от чести, если я буду болтаться в петле? – возразил

Ирвэн.

– Виселица – казнь простолюдинов, дворян никогда не вешают, – сказал один из солдат.

– Ваш отец не бросит вас. Превыше всего он ценит семью.

Осмотр заброшенного замка был окончен. Несколько солдат положили адъютанта на носилки и, несмотря на его протесты, переправили через пролом. После чего собрали остальных пленников в общую группу и повели следом. Небольшой отряд израненных и сломленных солдат неторопливо покидал замок. Рыцарь старался держаться мужественно и сурово, но из-за скудных познаний о подобных чувствах, получалось плохо. Для пленников это оказалось очередным жестоким ударом по самолюбию, а для людей Далера послужило отличным развлечением.

Медики еще раз осмотрели пленных, проверили повязки и помогли погрузить адъютанта в свою повозку. Далера приказал им заботиться о Семерсе, не считаясь с расходами и временем. После этого армия выстроилась в колонну и направилась в сторону столицы графства. Они свято чтит приказ графа: доставить рыцаря на казнь как можно скорее. Хотел бы Ирвэн такого же послушания от своих людей. Его приказы исполнялись, только если их повторял адъютант. Хорошо, что он хотя бы знал свое место.

Правда, после ссоры с графом, Семерс рьяно упрекал Ирвэна за совершенное недоразумение. Надо было тогда приказать выпороть адъютанта, чтобы солдаты знали, кто их командир. После этого они бы наверняка сражались до последней капли крови, и битва не была бы так позорно ими проиграна. Теперь, даже если Ирвэн избежит смерти, его военная карьера началась с поражения из-за слабости подчиненных. Наверняка отец отправил с ним самых бесполезных своих воинов. Все ради того, чтобы служба сложилась подобным образом, и рыцарь вернулся бы домой покладистым и послушным.

Дождь промочил насквозь колонну пехотинцев и пленников, но они словно не замечали холода и смиренно двигались за повозками. Лишь Ирвэн выстукивал зубами марш барабанщиков. Теперь он лучше понимал, почему у многих солдат не хватало зубов. После двух-трех походов под дождем зубы поднимали бунт и покидали хозяина, уязвленные настолько халатным обращением. Как же сильно сейчас Ирвэн скучал по своей карете. Она была такой уютной и теплой, всегда защищала от дождей и пеших прогулок. Сейчас в ней везли фураж для армии графа. Немыслимое кощунство! Мягкие сиденья, обтянутые нежным бархатом, завалили пыльными мешками.

Со временем Ирвэн перестал обращать внимание на происходящее вокруг. От него требовалось лишь переставлять ноги, но через три часа пути под дождем ему пришлось усиленно сосредоточиться для реализации такой несложной задачи. Три дня пути запомнились несколькими моментами: стянутые веревкой руки, объятия холодного дождя и сон на привале. Рыцарь

даже не подозревал, что может с таким наслаждением спать. Причем спать не на пуховом матрасе, а на тонком плаще поверх земли. На такой притягательной и мягкой земле. Которая словно пела колыбельную из детства.

Из изнурительного забытья Ирвэна вырвал смех солдат Далера, – колонна приближалась к городу, в центре которого величественно возвышался замок. Теперь победители открыто потешались над пленным Ирвэном, предвкушая его казнь. Все любят зрелищные казни, особенно когда жертва знатный иноземец.

Город встретил отряд радостными возгласами. Горожане начали кидать в пленников камнями и тухлыми овощами, но Далера остановил их, произнеся речь об уважении к солдатам герцога и адъютанту. Про Ирвэна он не упомянул. Колонна беспрепятственно двигалась к замку, горожане уступали дорогу и радостно приветствовали победителей. Если бы не стойкий аромат черни, которая, видимо, рождалась без обоняния, Ирвэн снова впал бы в отупляющее беспомыслие. Он уже мечтал поскорее оказаться в замке, в котором хотя бы слышали про духи.

Одним из первых приказов Ирвэна было обязать солдат пользоваться благовониями. Рыцарь хотел приучить своих подчиненных к приличиям знати. Хотя они не слишком оценили порыв. Им не понравилось, что духи покупались в счет их жалования. Не страшно. Через полгода они сами бы не смогли жить без нежного запаха роз.

Отряд вошел в крепость через опущенный мост. В этот раз он казался еще более мрачным, чем при первом визите в город. Темный, неказистый с четырьмя башнями по углам, замок был невероятно скучным в архитектурном плане. Из-за всех недостатков конструкции он наводил тягостные мысли на Ирвэна. Лишенный вкуса архитектор создал типичную коробку и даже не удосужился изменить ее цвет. словно для войны не подошло бы военное укрепление, покрашенное в голубой или сиреневый цвет, с изысканной деревянной отделкой и черепичной крышей.

Во время разговора с графом Ирвэн упомянул об этом, но граф лишь удивленно посмотрел на него. Глупые, закаменевшие старые солдафоны не способны понять прелести новых идей. «Лорей умеет только сидеть в башне и казнить юных гениев», – размышлял Ирвэн. После разговора с адъютантом и пешего похода из руин замка рыцарь сумел успокоиться. Точнее, он слишком устал для страха. Боль от длительной ходьбы бесцеремонно выкинула остальные чувства на улицу, став полноправным владельцем разума Ирвэна.

Далера приказал отвести пленных солдат в камеры, адъютанта разместить в лазарете, а Ирвэна отвезти к графу. Солдаты тут же принялись исполнять приказы и потащили рыцаря вслед за Далерой. Рыцарь смиренно болтался на руках своих стражников, словно знамя проигравшей армии.

Перед главным залом они остановились, и слуга распахнул тяжелые деревянные двери. Создатель этих ворот в комнату, иными словами Ирвэн не

мог их назвать, явно искал дерево, максимально напоминающее неотесанный камень, чтобы придать двери максимально безвкусный вид. Сам зал утонченностью также не отличался. Повсюду незадрапированные деревянные балки, все выкрашено в кроваво-красный цвет. На полу вместо прекрасных ковров постелены шкуры диких зверей. Никаких изысков. Никакого вкуса. Никакой фантазии. А во главе зала старый граф Лорей на своей каталке.

Для своего возраста граф выглядел великолепно. Огромный седой старик с многократно переломанным носом, лишенный возможности нормально двигаться из-за травмы спины, одетый в серую рубаху из простой ткани. Но, несмотря на все травмы и возраст, в нем читалась сила и угроза, словно граф Лорей не был калекой и мог зарубить мечом любого обидчика. В глазах все та же суровость, что и в прошлый раз.

– Приветствую вас, месье Ирвэн, – с сарказмом произнес он. – Ваши попытки поднять меня на смех и сбежать не увенчались успехами?

– Как видите, ваша светлость, – сухо ответил рыцарь. – Но я все еще хочу попросить у вашей милости прощения за то, что невольно оскорбил вас, пытаясь предложить небольшие изменения в старых порядках.

– Не назвал бы ваши речи невольными, – грозно сказал Лорей. – Особенно те, что вы произносили перед моими людьми после аудиенции.

– Это было продиктовано моей горячностью, и за это я тоже прошу прощения.

– Вы прибыли ко мне за рекрутами для армии его высочества, потом предложили надуть моих солдат, выкинуть мешки с кашей и заменить их омарами, а когда я не согласился, назвали меня дурным калекой в убогом замке, который упивается победами столетней давности. И, когда я, из уважения к вашему отцу, пропустил вашу речь мимо ушей, вы вышли и повторили её перед моими солдатами. Если бы они сразу вас убили, было бы проще. Но ваш отец был мудрым человеком, отправив с вами Сомерса. Он долго спасал вас от вашей глупости.

– Он с радостью примет любое наказание за своего господина, чтобы искупить вину, – с надеждой проговорил рыцарь.

– Замолчи, глупый мальчишка! Твой адъютант спас тебя от моей тюрьмы, мгновенно организовав побег из города после твоих речей! – с гневом прокричал граф. – Ты омерзитель! Прикрываясь своими людьми, ты позорил свое имя и звание, а теперь ты хочешь отправить на плаху своего самого верного солдата? Это невысказано! Прочь с моих глаз!

Солдаты схватили обмякшего Ирвэна за подмышки и поволокли к выходу. Его состояние было близко к обморочному. Перед глазами вновь возник образ сверкающего на солнце топора. Ужас происходящего полностью поглотил Ирвэна, и он все-таки потерял сознание. Теперь солдаты тащили бесчувственное тело, считая его лодыжками ступени и пороги. Спустив бесчувственного Ирвэна в подвал, солдаты швырнули его на пол камеры. Когда

Ирвэн придет в себя, то сможет почувствовать все прелести подобного обращения с людьми, но сейчас он путешествовал в своем сознании от кошмарного образа петли к ужасающему образу плахи.

Заперев камеру, стражники обсудили со сторожем судьбу заключенного. Если бы Ирвэн смог услышать их разговор, то непременно впал бы в истерику. Стража, весело болтая, обсуждала вид казни и день. Хохот и жесткие шутки стали спутниками рыцаря.

В течение следующей недели Ирвэн научился с теплом вспоминать армейскую похлебку. Живот пусто ворчал и требовал любой гадости для себя, кроме воды. Спина Ирвэна считала, что сон на жестких камнях полезен только как теоретическая процедура и требовала прекратить практику. Лодыжки и кисти вспоминали ласковое обращение солдат и каждую минуту напоминали рыцарю о своем существовании. Но сейчас все жалобы тела остались вдалеке. Казнь должна была случиться завтра утром. Ирвэн очень хотел пропустить это культурное мероприятие и остаться в уютной камере. Жизнь была так мила, но слишком коротка. Всегда слишком коротка.

Последняя ночь в камере была посвящена ожиданию и мыслям. В ней не было места сну. Только воспоминания о слишком короткой жизни. О любящей и заботливой мамушке, которая всегда беспокоилась о сыне и рыдала после новости о службе в армии. О сестрах, которые всегда смеялись, слушая рассказы Ирвэна о предстоящих подвигах. О старшем брате, что был идеальным в глазах отца. О старом герцоге, который был суров и зануден, никогда не верил в Ирвэна и обожал старшего сына. О пропаганде, что привела рыцаря в армию. Не стоило верить в бесконечные подвиги и победы.

Не считаясь с желаниями Ирвэна, солнце возвестило о начале нового дня. Ночь, полная воспоминаний, пролетела, как мгновение. Солдаты открыли дверь камеры, стянули руки приговоренного веревкой и молча вывели из уютной камеры. Теперь Ирвэн считал свои последние минуты. После недолгого путешествия по коридорам замка рыцаря вывели во двор. Жестокое солнце, возвестившее о дне его смерти, безжалостно полоснуло яркими лучами по глазам. Теплый ветер приносил с собой свежесть, хотя после подвала замка все казалось свежестью. Рыцарь не представлял, какое наслаждение могут доставить такие обыденные моменты. Один из солдат толкнул Ирвэна к повозке.

Повозка представляла собой железную клетку на колесах. Место для преступников, дезертиров и прочего отребья. Потертое железо тускло отражало солнечные лучи. Стража затолкала Ирвэна в клетку и заперла ее. Стук сердца в груди теперь казался обратным отсчетом. Хромой возница и пара тюремщиков разместились на козлах, после чего повозка начала свой неторопливый путь к эшафоту.

Жители города с любопытством оглядывались при приближении приговоренного Ирвэна и с презрением кричали оскорбления вслед. По мере

приближения к площади людской поток становился гуще, лица в толпе излучали кровожадность все сильнее, крики и оскорбления звучали все чаще и громче. Самые ретивые пытались в Ирвэна кидать камнями и плескаться помоями, но возница с гневом остудил их пыл. Незачем марать повозку ради глупца.

Площадь была забита людьми всех возрастов и сословий. Уличные торговцы криками зазывали клиентов. Дети веселились и играли. Посреди площади был установлен помост с огромной балкой в центре и плетеной корзиной рядом. Ирвэн похолодел от вида этой корзины. Все внимание было приковано к простому предмету, который сделал происходящее еще более реальным, чем раньше. Рыцарь чувствовал, как его голова падает в корзину, и не мог отгородиться от этого ощущения. Сердце своими ударами отмеряло время до конца жизни. Оно билось так всегда, но только сейчас Ирвэн с ужасом осознал этот элементарный факт.

Повозка остановилась, и стража начала оттеснять толпу, чтобы вывести приговоренного. Когда клетку открыли, Ирвэн вцепился в прутья решетки, крича о том, что ему хорошо в клетке, и он не хочет её покидать. Стражники начали его избивать и пытались разжать руки. На это ушло несколько минут. Толпа получала от происходящего огромное удовольствие. Избитого и оглушенного Ирвэна втащили на помост, положили рядом с балкой, накинули на шею и руки петли и привязали к специальным крючьям в балке.

Из глаз Ирвэна брызнули слезы. Он не хотел умирать, не хотел подвигов, славы и самостоятельности. Его щека была плотно прижата к гладкой балке, побои ныли, желудок был пуст. Но теперь Ирвэн мечтал, чтобы это продолжалось вечно. Чтобы последний вздох никогда не настал.

Глашатай вышел вперед и начал зачитывать приговор, толпа радостным хохотом поддержала его речь. Внезапно кровожадный людской муравейник был потревожен. К площади приближалась карета графа. Горожане с почтением расступились и склонили свои головы. Кучер направил карету к помосту, и, как только она остановилась, несколько стражников достали из кареты каталку, в которую помогли сесть графу Лорею.

Когда каталку подняли на помост, толпа почтительно притихла, глашатай отошел в сторону. Граф Лорей взглянул на Ирвэна, оглядел толпу и заговорил:

– Сегодня должна состояться казнь глупца, что оскорбил меня, наше графство и всю армию! – толпа приветственно взревела. – Человек на плахе оказался совершенно бесполезным офицером и привел к гибели себя и своих людей. Но сегодня я решил отменить казнь! – горожане замерли.

– Жизнь этого юноши принадлежит мне, поэтому сегодня погибнет рыцарь-Ирвэн и родится Ирвэн-солдат под моим началом! Он оплатит свою глупость своей службой! В честь этого события я дарую горожанам по кружке эля в каждом трактире! – толпа радостно взревела и начала расходиться.

Ирвэна отвязали от плахи. Он до сих пор не мог поверить в свое спасение от смерти, и его трясло от пережитого ужаса. Ирвэн ощущал счастье всем своим измученным телом. Лорей повернулся к нему:

– Теперь вы поймете, что такое армия и узнаете настоящую жизнь солдат. Не думайте, что сможете сбежать – это решение предложил ваш отец, и у вас нет пути домой. Теперь вы не сын герцога и не глупый рыцарь с сумасбродными идеями. Теперь ты верный солдат короля в моей армии.

Стража помогла Лорею съехать с помоста и забраться в карету, загрузила каталку и начала занимать посты на площади. Ирвэн до сих пор не промолвил ни слова, счастье исчезло вместе со словами графа. Он остался жив, но радость жизни у него забрали на этой плахе. Теперь его не ждут дома. Бежать некуда, мысль о будущем приводит в ужас, а статус офицера потерян. Жизнь слишком сильно изменилась, и Ирвэну еще только предстояло понять насколько.

МИХАИЛ ТЕПЛЯШИН, 1996 г.р., Иркутск

Родился в Иркутске, в учительской семье. Окончил Иркутский национальный исследовательский технический университет по специальности «Нефтегазовое дело» с отличием. В 2020 г. выучился по магистерской программе двойного диплома в Томском Petroleum Learning Centre, находящимся под эгидой Томского политехнического университета и Heriot-Watt University. Публиковался в альманахе для юношества «Первоцвет».

БЕГЛЕЦЫ

Первое место в номинации «Научная фантастика»

1

Переборки корабля задрожали, и дрожащее марево на мониторах сменилось россыпью звезд. Они переливались всеми цветами радуги и, казалось, дружелюбно подмигивали. Выглядели приветливо и даже мило. Все – кроме одной.

Звезда ZX-8391, зависшая в 73 градусах по стандартной оси прямо по курсу, всего в паре парсеков от звездного крейсера, вовсе не пыталась скрыть свой смертельный нрав. Огромный, красный шар, усеянный круговоротами плазмы и всполохами протуберанцев, каждый из которых был способен за десятую долю секунды испарить броню космического судна...

Эдриан Хоуп позавидовал гражданским и тем членам экипажа, кто не был обязан находиться на мостике во время туннельного перехода и имел сейчас возможность наслаждаться прекрасным видом непосредственно с обзорной палубы, а не с одного из командных мониторов.

Видом на свой новый дом.

Прикоснувшись к панели коммуникатора, Эдриан перевел выключатель в положение «общая связь» и, стараясь сдерживать волнение и распирающее его веселье, торжественно проговорил, чеканя слова:

– Внимание всем отсекам! Говорит Эдриан Хоуп, капитан звездного

крейсера «Рассвет»! В двенадцать часов сорок три минуты по времени корабля мы завершили переход и вышли в реальное пространство в расчетной точке...

За его спиной послышалось возбужденное перешептывание. В любое другое время он одернул бы болтунов – на мостике военного корабля должна царить абсолютная тишина, прерываемая лишь по рабочей необходимости... но к чему это теперь?

Теперь, когда они свободны. Подумать только.

Улыбнувшись, он сверился с показаниями сенсоров и продолжил:

– Согласно данным предварительного сканирования, в расчетной зоне вокруг звезды действительно вращается планета земного типа. Вероятнее всего, на планете присутствуют атмосфера и вода в жидком виде...

В шепот за его спиной вплеклись откровенно ликующие нотки, и Эдриан почувствовал, что больше не может держать себя в рамках. Слишком долго он был скован по рукам и ногам. Наклонившись вперед, с прорвавшимся восторгом в голосе он промолвил:

– Мы сделали это. Черт возьми, мы это сделали.

Ликующие возгласы были ему ответом.

...Через 12 стандартных часов «Рассвет» вышел на орбиту планеты, и ее озаренный светом ZX-8391 диск закрыл собой большую часть тактического монитора. Эдриан, старший инженер Басов и старик Хитоки склонились над экраном, внимательно вглядываясь в коричневато-зеленую поверхность и сверяясь с данными исследовательских зондов, запущенных два часа назад.

– Вот здесь, – старик протянул иссохшую руку и ткнул в точку на топографической карте, тут же подсвеченную зеленым цветом.

– В этой долине, я полагаю, оптимальная среднегодовая температура и достаточно воды. С другой стороны, она защищена от ветров высокими холмами. Первое поселение должно быть основано здесь.

Басов бросил на старого азиата недовольный взгляд, возмущенно поджав губы, отчего кончики усов встали торчком.

– Не забываетесь, – произнес он ровным голосом. – Решение принимает капитан и только он.

Хоуп задумчиво смотрел на Хитоки. Он невольно подумал о том, как непривычно было видеть подданного Азиатской Империи на мостике военного крейсера Белой Конфедерации...

Нет. «Рассвет» больше не военный корабль. И чем быстрее экипаж примет для себя этот факт, тем лучше будет для всех.

Взглянув на старшего инженера мягко, но с укоризной, Хоуп примирительным тоном промолвил, взвешивая каждое слово:

– Мы уже не на войне. И нужды в железной дисциплине больше нет. Мы сбежали от ужаса и жестокости, и чем раньше мы начнем привыкать к

миру, тем быстрее перестанем просыпаться от кошмаров по ночам.

Он встал с кресла, снял фуражку и потянулся всем телом, пытаясь показать расслабленность и беспечность, хотя в глубине души по-прежнему ощущал собранность и сосредоточенность офицера Космического Военного Флота.

– А привыкать мы начнем с изменения некоторых формальностей, – закончил он свою мысль. – С этого момента я снимаю с себя полномочия капитана и временно принимаю на себя обязанности главы колонии на планете...

Он запнулся. Назвать сейчас их новый дом в привычном виде номерного кода означало разрушить всю торжественность момента.

– Эдем, – произнес вдруг Басов. Он взглянул на Эдриана блестящими глазами, в которых читалось вдохновение и смущенно улыбнулся. – То есть, если вы позволите, конечно. Эдем.

Хоуп кивнул и продолжил:

– ...на планете Эдем. И это последнее решение, которое я принимаю единолично. Все остальные вопросы будет решать Совет, куда войдем мы трое, первый помощник Андре Дават и четверо представителей гражданских, которых они выберут сами.

Он повернулся к старику и добавил:

– То же касается и предполагаемого места первого поселения, Советник Хитоки. Сегодня мы соберемся на первое заседание, и вы представите свои соображения. Насколько я знаю, вы не только историк, но и планетолог, и ваш профессиональный взгляд, конечно, будет принят к сведению.

Хитоки, сидевший до этого момента неподвижно и смотревший в одну точку, перевел взгляд на экс-капитана и едва заметно наклонил голову в знак согласия, но не произнес ни слова.

Когда боевой шаттл типа «Тигр», с которого инженеры под руководством Басова для большей вместимости сняли вооружение и демонтировали отсек с боеприпасами, вошел в плотную атмосферу Эдема, на нем присутствовали все члены новоявленного Совета – никто из них не смог удержаться от желания быть в числе тех, кто прежде всех прочих спустится на поверхность их нового пристанища. И хотя Эдриан больше не считал себя вправе принимать знаки почета, привычные для капитана боевого крейсера S-класса, он не стал спорить, когда Басов предложил ему выйти из шаттла первым.

«Тигр» приземлился посреди саванны, покрытой ковром цветов с крупными красно-фиолетовыми бутонами, венчающими крепкие синие стебли. В высоту они достигали пояса взрослого человека. Кое-где виднелся низкорослый кустарник, ветки которого были покрыты мелкими светло-голубыми листьями. Небо, закрытое плотным слоем коричневатых облаков, подсвеченных светом огромного красного светила, словно бы давило на плечи – столь низким оно казалось. Накрапывал мелкий дождик.

Эдриан разблокировал двери стыковочного отсека и вышел из шаттла. Еще раз, на всякий случай, сверившись с показаниями портативного мультигазоанализатора, он снял с себя шлем и полной грудью вдохнул горьковатый холодный воздух. От его пьянящего аромата у Эдриана закружилась голова. За его спиной восхищенно пробормотал что-то бывший старпом Дават. Басов, как всегда практичный и чуждый эмоциональности, вслух рассуждал о том, сколько понадобится сделать рейсов, чтобы перевести все оборудование и колонистов на поверхность планеты. Никто не слушал его.

В конце концов, все эти технические мелочи сейчас не имели ровным счетом никакого значения. Ведь они спаслись от безумия войны и бесконечного голода и страданий – что может сравниться по значимости с этим фактом?...

2

...Эдриан перевел дух. Множество пар детских глаз смотрело на него. Он улыбнулся и продолжил рассказ. Он рассказал про то, как в течение недели колонисты с «Рассвета» были переселены на поверхность Эдема, и получили наделы земли в очередности своего приземления – те, кто спустился первым, получали возможность раньше прочих выбрать участки для жизни. Сам крейсер, после того как с него сняли все представляющее ценность, был направлен прямым курсом к Новому Солнцу и сгорел в его раскаленной поверхности, а вместе с ним сгорело все оружие, которым был напичкан военный корабль. Так было исполнено первое решение Совета Колонистов – «Закон о полном запрете оружия». Правда, потом выяснилось что на Эдеме обитают крупные хищники – синие барсы и таунаки, названные так за свой странный вой – и пришлось принять поправку, разрешающую использование холодного оружия в исключительно оборонительных целях.

За десять лет, прошедших с момента высадки колонистов, поселение на Эдеме расцвело, и теперь каждый ребенок может позволить себе посвящать все свое время исключительно учебе и играм, а не тяжелому сельскому труду, собственно, именно поэтому он, Эдриан Хоуп, бывший боевой офицер Белой Конфедерации, а ныне простой труженик на Эдеме, имеет честь выступить перед учащимися Первой Школы имени советника Хитоки Сато...

Эдриан выдохнул, ожидая аплодисментов, но вместо этого вдруг с сожалением осознал, что его уже никто не слушает. Детям определенно понравилась первая часть его рассказа, но под конец он упустил внимание аудитории. Непростительная ошибка. Кто бы мог подумать, что выступать перед школьниками окажется ничуть не проще, чем перед расширенным составом Совета?...

А может, все дело в том, что вторая часть его речи получилась до жути слащавой? Можно сколько угодно говорить о быстром развитии и безоблачном будущем колонии, но кто, как не он знает, что на самом деле все

идет совсем не так гладко, как пытаются внушить народу?

Говорят, дети всегда чувствуют ложь.

Строгий голос учительницы отвлек его от неприятных мыслей:

– Дети! Давайте поблагодарим Первого Консула, почетного Главу Совета Эдриана Хоупа за то, что он так любезно согласился выступить перед нами с речью на День Основания! Давайте похлопаем ему...

Нестройные, слабые аплодисменты были ей ответом.

Эдриан кивнул.

– Большое спасибо вам за то, что уделите время. Если у вас есть какие-то вопросы...

На самом деле, он был уверен, что вопросов не возникнет. Речь, очевидно, не произвела должного эффекта, и сейчас его маленькие слушатели больше всего думали о том, как бы побыстрее уйти гулять.

Тем не менее, вопрос последовал незамедлительно. Тихий, серьезный мальчик с длинными волосами, сидящий на первой парте, поднял руку:

– Скажите, а откуда экипаж «Рассвета» узнал о координатах Эдема?

Эдриан улыбнулся. На это ответить было легко.

– В давние времена, более тысячи лет назад, на самой заре космической эры, еще до уничтожения Земли, существовал проект под названием «Сети». Его главной целью провозглашался поиск внеземных цивилизаций, и в рамках этой работы земные ученые, в том числе, искали пригодные для обитания планеты в других звездных системах. Затем проект был заброшен, а его результатами долгое время никто не интересовался.

Однако, примерно 10 лет назад, база данных проекта «Сети» случайно попала в руки историка и по совместительству планетолога Хитоки Сато, ныне члена Совета Колонистов. Именно тогда был задуман дерзкий план по побегу из зоны боевых действий, в которую тогда превратилась почти вся Галактика. Как вы знаете, Белая Конфедерация и Азиатская Империя вместе со своими сателлитами затеяли очередную бессмысленную войну, в которой опять должны были погибнуть десятки миллиардов людей просто потому, что созданная Человечеством система не могла обходиться без чудовищного социального и культурного расслоения, которое неизбежно порождало конфликты, выходящие на все более и более высокий уровень...

...Боевой мостик крейсера S-класса. Старый азиатский пленник, сопровождаемый двумя рослыми солдатами. И его спокойный, вкрадчивый голос...

«Капитан, я знаю, что по уставу вы должны подвергнуть меня допросу третьей степени, а затем казнить, как врага, обнаруженного в глубоком тылу... да еще и взломавшего базу данных планеты, принадлежащей Конфедерации. Но вы все же решились выслушать меня. Это дает надежду на то, что мы придем к пониманию, во имя общего блага...»

Эдриан вздохнул. Он подумал о том, что, пожалуй, слишком уж ра-

зошелся – как бы они не догадались о том, что волнует его сейчас больше всего. Когда его голос зазвучал вновь, он был уже гораздо спокойнее:

– Хитоки связался со мной, и я, после некоторых раздумий, передал экипажу «Уничтожителя» его предложение. Ни один член экипажа не отказался принять участие в мятеже и последующем побеге. Мы переименовали наш крейсер в «Рассвет» и одним залпом превратили в пыль орбитальную станцию контроля. После чего взяли на борт свои семьи и тех гражданских, кто изъявил желание отправиться с нами и смог уместиться на корабле, и совершили туннельный переход по координатам, что были предоставлены господином Сато. Остальное вы знаете.

Все тот же мальчик задал следующий вопрос:

– Этот проект... получается, люди еще тогда чувствовали, что все идет к большой войне и готовили пути отхода?

– Не думаю, что целью проекта было найти пути отхода – ведь в те времена еще и подумать было невозможно о межзвездных путешествиях... что же касается войн, они были всегда. Всегда.

– Почему?

Эдриан снова вздохнул. На этот вопрос он не знал ответа.

«Но я непременно найду его, – подумал он, – я найду его, иначе и здесь мы не сможем прервать этот рок».

3

...Дом, где жил Хитоки Сато, стоял на самом краю колонии и выглядел невзрачно, пожалуй, даже чересчур невзрачно для дома одного из старейших и наиболее уважаемых членов Совета.

Эдриан постоял немного возле грубо отесанной двери из дерева дженг, в задумчивости глядя на солнечные часы, установленные в саду.

Это был необычный сад. На первый взгляд он представлял собой нагромождение камней, но стоило присмотреться, и в лежащих друг на друге глыбах начинала проступать строгая упорядоченность и гармония.

Это был Сад Камней – древнее искусство народа, из которого происходил Хитоки Сато. Советник построил его своими собственными руками.

Часы тоже были высечены из камня. Изящные, утонченные, украшенные красивой резьбой – подарок учеников из первого выпуска, они представляли собой, пожалуй, единственную по-настоящему ценную вещь в окружении Советника.

Сейчас часы показывали половину двенадцатого по местному времени. Заседание Совета в расширенном составе было назначено на двенадцать.

Эдриан решил, что все же успеваает зайти.

Он легонько постучал в дверь костяшками пальцев и услышал, как приближается звук торопливых шагов. Дверь распахнулась.

На пороге стояла молодая темноволосая девушка в цветастом платье

– по-видимому, новая служанка Советника. У нее были голубые глаза, тонкие, аккуратные брови, длинные ресницы и маленький вздернутый носик, который придавал лицу несколько озорное выражение.

Кивнув в знак приветствия, Хоуп вошел внутрь, бросил ей на руки плащ и разулся. Затем они вместе прошли вглубь дома и, не сговариваясь, одновременно остановились перед расшитой занавеской, отделяющей одну из комнат от коридора.

Понизив голос, Эдриан произнес:

– Ну, как он себя чувствует? Жар спал?

Прежде чем девушка успела ответить, из-за занавески раздался слабый старческий голос:

– Неужели вы думаете, что если я стал несколько слаб от болезни, то и слух мой больше ни на что не годен?.. Входите, я и сам в состоянии рассказать о своем самочувствии. Ева, завари чай!

Девушка развернулась и ушла вдоль по коридору, Эдриан же отдернул занавеску и вошел внутрь.

В комнате царил полумрак, окна были завешены тяжелыми шторами. Деревянные стены, украшенные разрисованными тонкими дощечками, декоративными украшениями, памятными вещицами, выглядели просто, но приятно. Пахло благовониями.

Напротив двери была расстелена циновка, на которой, разметав простынь, лежал сам Советник Сато. Над его головой на стене висела катана в богато украшенных лакированных ножнах – творение кузнецов Эдема.

С первого же взгляда Эдриан понял, что с момента прошлого посещения болезнь только сильнее охватила Советника своими цепкими пальцами. На щеках старика блеснул нездоровый румянец, дыхание было частым и хриплым, черты лица еще больше заострились.

Болотная лихорадка, вспышка которой случилась в колонии пару месяцев назад, легко и без последствий протекала у молодых, крепких телом людей, но в то же время часто забирала жизни детей и стариков... и жизнь Советника, похоже, действительно была на волоске.

Так не вовремя.

Они сидели некоторое время молча, и тишина вокруг пахла запахом лекарственных трав, запахом целебных благовоний, запахом безнадежной болезни. Это была безнадежная тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием и сдавленным кашлем больного.

– Итак... что касается самочувствия...

Хитоки посмотрел на Эдриана с некоторой иронией.

– Я думаю, все предельно ясно. Протяну еще пару-тройку дней, может, неделю.

Хоуп кивнул. Он вдруг почувствовал, что больше всего ему хочется уйти, лечь в постель и проспать несколько дней. Или лет. Во всяком случае,

достаточно, чтобы все происходящее забылось или казалось не более чем дурным сном.

Горячая ладонь старика обхватила его запястье.

– У вас еще будет время для скорби, Эдриан. Сейчас... давайте поговорим о деле. Вы ведь за советом пришли, не так ли?

– Я пришел проведать друга.

Советник устало откинулся на подушках. Несколько секунд он лежал неподвижно, а затем промолвил:

– И все же, совет будет сейчас не лишним. Скажите, чего вы ждете от сегодняшнего заседания?

Хоуп пожал плечами. Он подумал о том, уместно ли загружать умирающего неразрешимыми проблемами. Но Хитоки ждал ответа, и он неохотно произнес:

– Ну... я полагаю, что фракция латифундистов опять будет блокировать все мои предложения и не позволит принять закон о разделе земли.

Старик тяжело вздохнул. Затем вновь сжал Эдриану руку.

– В таком случае, вам все же придется принять диктаторские полномочия.

Эдриан вздрогнул и покачал головой. Уже не в первый раз они возвращались к этому разговору, и каждый раз он чувствовал себя неуютно.

– Совет с этим не согласится.

Старик ответил не сразу. Когда он наконец заговорил, речь его была тихой и постоянно прерывалась паузами.

– Значит, ему придется смириться. Мы с вами... достаточно популярны в народе, нас считают отцами-основателями колонии. И... хоть жить мне осталось недолго, я еще успею выпустить... обращение в вашу поддержку. Вместе с верными вам ликторами, этого должно... должно хватить, чтобы взять в свои руки всю полноту власти, а дальше все будет зависеть от вас, вашей хватки и... благоразумия.

Эдриан встал и отвернулся. Несколько секунд он молчал и смотрел в пол. Голова слегка кружилась от запаха благовоний. Когда он обернулся, взгляд его был твердым, как и голос:

– Нет. Это неправильный путь.

Он направился к двери, намереваясь уйти, но Советник окликнул его.

– Люди оказались не готовы к свободе, мой друг... рано или поздно, кто-то этим воспользуется. И лучше будет, если это будете вы. Лучше для всех.

– Вы действительно считаете, что это необходимо?

– Да. Ради... ради общего блага.

4

...Когда Эдриан подошел к зданию собраний Совета, там уже собра-

лось много народу, несколько сотен человек – приличное число для Эдема. Он ожидал, что они будут кричать, скандировать лозунги, но они лишь угрюмо молчали, и от этого становилось особенно тяжело на душе.

От стены здания отделились шесть закованных в броню фигур – ликторы, вооруженные разрешенным на планете холодным оружием – мечами и копьями. Они расчистили себе путь в толпе и заняли свое место возле Эдриана. Он специально не брал их собой для сопровождения за пределами площади Совета, чтобы не выглядеть отстраненным от народа.

Из всех, кому полагались ликторы, только он выказывал подобную предусмотрительность.

Войдя в преддверие, он подождал несколько минут. Наконец, тяжелые кованые двери перед ним распахнулись, и послышался громкий голос мастера церемоний:

– Советники! Поприветствуйте стоя Эдриана Хоупа, в прошлом капитана боевого крейсера S-класса, ныне же Первого Консула, почетного Главу Совета, стража Закона и одного из Отцов-Основателей!

Эдриан вошел в зал под шелест одеяний встающих со своих мест советников. Он думал о том, что Совет сильно разросся с момента своего основания – вместо восьми человек теперь в нем заседало почти восемьдесят. Жаль, что толку в этом, на взгляд Первого Консула, не было ни малейшего, один лишь вред и волокита.

Здание Совета представляло собой обширный вытянутый амфитеатр с высокой куполообразной крышей. По краям амфитеатра тянулись длинные скамьи, на которых восседали Советники, в центре же было оставлено пустое пространство, выложенное каменными плитами. На противоположной от двери стороне находилось возвышение, на котором были установлены два массивных кресла из синего дерева дженг, украшенные тонкой и искусной резьбой, они напоминали два трона.

Эдриан поднялся на возвышение и расположился в одном из кресел. На человека, сидевшего в другом, он старался не смотреть.

Второй Консул Дават за последние годы незаметно превратился из послушного и исполнительного старпома, повсюду следовавшего за своим капитаном, словно тень, в злейшего политического врага.

Собрание началось обыденно. Эдриан краем уха слушал дежурные доклады должностных лиц, и думал о том деле, которое ему предстоит исполнить. Деле, которое не удавалось закончить уже несколько лет, а между тем, оно не терпело отлагательств.

Когда черед докладов закончилась, он тяжело поднялся и под нестройные аплодисменты спустился на покрытую плитами площадку в середине амфитеатра. Дождавшись, пока утихнет гул голосов и установится тишина, он начал свою речь.

– Советники! Более десяти лет прошло с тех пор, как мы поселились

в этой благословенной земле. Мы сбежали сюда от бесконечной войны и страданий, царивших в нашем мире, безумные лидеры которого на протяжении столетий раз за разом строили систему, где человек и жизнь его не стоят абсолютно ничего. Им не дано было понять, что если обесценивается отдельный человек, то все человечество не стоит и ломаного гроша. Мы нашли себе новый дом и избрали изоляционизм и бесконфликтное существование, мы надеялись обрести долгожданный покой. Мы были равны в нашей надежде и устремлениях.

К сожалению, не все пошло так, как ожидалось. По прошествии некоторого времени выяснилось, что на почве Эдема плохо растут привычные нам культуры, а мясо местных животных в пищу непригодно, равно как и местная растительность. Привезенные нами семена и клубни прорастают лишь на узких участках плодородной почвы, и почти не растут за их пределами. Эти немногие пригодные для культивирования съедобных растений участки были захвачены членами экипажа и теми колонистами, что первыми ступили на поверхность планеты, остальным достались лишь жалкие крохи. Это заложило основу того социального расслоения, которое с давних пор служит началом конфликтов среди людей. Вышло так, что сбежав от чумы войны, мы принесли с собой ее бактерии, и сейчас не в силах избежать все тех же набивших оскомину ошибок. Если мы не хотим окончательно скатиться в гражданский конфликт, мы должны прибегнуть к одному из двух выходов, на которые я указывал уже не раз: принять закон о переделе земли или послать колониальную экспедицию в дальние пределы. К сожалению, и тот, и другой путь вы, Советники, упорно отвергаете.

Что касается закона, то нет никаких сомнений в том, что это было бы решением, которое устроило бы народ наилучшим образом. Однако те, кто захватил лучшие куски земли, называющие себя латифундистами, по некому стечению обстоятельств захватили и большинство в расширенном составе Совета, так что принять этот законопроект стало невозможным.

Организация экспедиции с последующим переселением части колонистов, увы, тоже не встречает поддержки в Совете. Те, кто выступает против нее, убеждают нас в том, что наша колония пока не способна организовать столь масштабную экспедицию с последующим переселением, иные же говорят, что нам пока не следует разделяться, ибо это грозит нам опасностью на планете, где мы живем всего около десяти лет и еще многого не знаем о ней. Однако же я считаю, что истинная причина заключается в том, что многим из вас не хотелось бы остаться без прислуги, в которую вы превратили обнищавший народ...

Гул разгневанных голосов прервал его. Советники вскочили со своих мест, их лица исказились гримасами раздражения, которое они стремились выместить на говорящего, потрясая сжатыми кулаками. Во всей этой беснующейся толпе лишь несколько человек пытались навести порядок. Советник

Басов, бывший старший инженер, возмущенно говорил что-то о недопустимом неуважении к выступающему Консулу...

Только двое во всем зале сохраняли видимость спокойствия: Первый Консул Хоуп и Второй Консул Дават.

Первый стоял молча, с мрачным взглядом, каждой клеткой тела ощущая свое бессилие. Второй откинулся на спинку кресла, и улыбка удовлетворения тронула его губы.

Когда Эдриан вышел из здания Совета, он ожидал, что стоявшая у входа толпа окружит его, но никто не приблизился к нему кроме шестерки ликторов. Толпа стояла чуть в стороне, окружив кого-то и прислушиваясь к его возбужденным, бессвязным словам. Нехорошее предчувствие кольнуло Эдриана, и он, нахмурившись, направился к скоплению людей. Ликторы расчистили ему путь, и вскоре он увидел того, кто обращался к толпе. Это был молодой, с заросшим лицом человек в грубо скроенной одежде, с мозолистыми, привыкшими к физической работе руками. Эдриан обратился прямо к нему:

– Что здесь происходит?

Молодой человек взглянул на Первого Консула, и тот с удивлением увидел слезы в его глазах.

– Они украли ее... эти негодяи. Господин, вы должны помочь мне. Я прошу о помощи.

Эдриан ожидал всего, призывов к бунту, обвинений, брошенных в лицо, но никак не слез и этих странных, абсолютно бессмысленных слов. Что-то произошло в колонии во время собрания Совета, что-то, что затмило негодование людей и на время приковало к себе их внимание. У него возникло странное ощущение неправильности происходящего.

– Успокойся. Расскажи мне все. Если тебе действительно требуется моя помощь, ты получишь ее.

Юноша кивнул. Прикрыв глаза, он с видимым усилием собрался с мыслями:

– Моя жена... она работала в доме у Советника Хитоки Сато. Была его служанкой. Я работал в поле вместе с другими землепашцами, когда до нас дошли слухи, что какие-то молодчики насильно вытащили ее из дома Советника и увели с собой. Я сразу устремился туда, но дом окружен охраной, они не пропустили меня и не ответили на мои вопросы. Если бы только я мог...

В памяти Эдриана мелькнуло лицо служанки в цветастом платье, милое лицо с длинными ресницами и вздернутым носиком. Кажется, ее звали Ева?

– Мы пойдем туда вместе. С нами отправятся мои ликторы и все эти люди. В дом Советника мы войдем одни. Уверен, твоя жена на месте и удивится этим странным слухам – никто не может похитить человека из дома Советника Сато – одного из самых охраняемых и безопасных мест на Эдеме.

Эдриан развернулся и направился вниз по круто спускающейся мощеной улице. За ним шли ликторы с копьями наперевес, затем встревоженный муж и вся остальная толпа. Вокруг стремительно темнело, и городские работники спешили зажечь масляные фонари, установленные на столбики, врытые вдоль дороги. Холодный ветер развеивал алый консульский плащ Эдриана. На душе его было неспокойно.

Он размышлял о том, не могло ли все происходящее быть провокацией, направленной против него? Если это действительно так, то какова ее цель?

Огромное красное светило, почти зашедшее за горизонт, освещало его путь последним своим лучом, алым, как кровь.

Когда они подошли к дому Хитоки Сато, охраны, которая должна была быть возле него, не оказалось на месте. Возле дома вообще не было никого, и незапертая дверь билась об стену под порывами ветра. Люди остановились. Несколько секунд все молчали, затем Эдриан приказал ликторам окружить дом. Вместе с поднявшим тревогой юношей они вошли внутрь, пока остальные дожидались их снаружи.

Внутри было пусто и темно, складывалось впечатление, что дом пуст, и пуст давно. Спутник Эдриана дрожал, Консул и сам чувствовал себя неважно, словно бы некий рок преследовал всех, кто войдет в покинутый дом. Ощупью они пробирались к комнате, где вот уже несколько недель Советник Сато боролся с болезнью.

...Хитоки Сато лежал на циновке, запрокинув голову, его остекленевшие глаза смотрели в потолок, а багровый свет заходящего Нового Солнца озарял его застывшее в неподвижной гримасе лицо. Вне всякого сомнения, он был мертв.

5

... Эдриан сидел на массивной деревянной кровати, и желтый лунный свет, струящийся через открытое окно, освещал его лицо. В комнате было прохладно.

Эдриан находился в спальне своего поместья, а прямо перед ним, вытянувшись во весь свой немаленький рост, стоял ликтор. Он был в полном боевом облачении – кованый нагрудник, наручи, поножи, меч-гладиус висит на поясе, за спиной короткое копьё. Шлем он держал под мышкой.

Эдриан мрачно посмотрел ему в глаза. Ликтор опустил взгляд.

– Мы ничего не нашли, Консул. Ни малейших следов девчонки, как в воду канула.

– Я так и думал. Что насчет охраны, которая должна была охранять дом Советника?

– Они утверждают, что не видели и не слышали ничего подозрительного. Говорят, что покинули пост только потому, что некий гонец принес им

указ, где сообщается, что их отзывают для дополнительной защиты здания Совета. На этом указе... ваша печать, Консул.

Скрепя доспехами, ликтор вытащил помятый листок из кожаного поясного кошель и протянул его Эдриану. Эдриан, поморщившись, взял его, развернул, и внимательно осмотрел. Затем аккуратно свернул и положил на ночной столик возле кровати.

– Это действительно моя печать, но я не писал ничего подобного. Чертовщина...

Несколько секунд они молчали.

– Вы нашли этого гонца?

– Охрана утверждает, что на нем был низко надвинутый капюшон, лица они не разглядели. Свидетелей, которые могли его видеть, мы не обнаружили.

Резкий порыв ветра захлопнул массивную дверь спальни, оба говоривших невольно вздрогнули.

Эдриан, морщась, потер висок, затем поднял на собеседника усталый взгляд и произнес:

– Муж пропавшей утверждает, что охрана не пускала его в дом уже после того, как он услышал о похищении девушки. Даже если забыть на время про бумагу с печатью, ситуация складывается странная. Все это... дурно пахнет. Я полагаю, вам следует допросить их как следует, самое меньшее, что можно предположить – они знают больше, чем говорят. Что же касается Советника Сато... вы установили причину его смерти?

Закованный в броню воин слегка пожал плечами.

– Доктор сказал, что не видит никаких признаков насильственной смерти. Он считает, что Советник умер от продолжительной болезни. Смерть, вероятно, наступила примерно в пять-шесть часов вечера по времени Эдема.

– То есть, как раз в то время когда несчастный юноша пытался проникнуть в оцепленный охраной дом, встревоженный слухами о похищении своей жены?

Консул недоверчиво покачал головой.

– Долгая жизнь отучила меня верить в подобные совпадения.

Он встал с кровати и, пройдя к окну, захлопнул его. Не оборачиваясь, бросил:

– Я более не задерживаю вас. Соберите всех ваших людей – слышите? Всех! И обыщите еще раз весь город и его окрестности. Ищите тщательней. Если найдете что-нибудь важное, немедленно сообщите мне, можете войти без доклада, можете будить меня посреди ночи, если понадобится. Всё.

Ликтор осторожно переступил с ноги на ногу.

– Господин... приказывая собрать всех, вы имеете в виду и тех, кто охраняет вас? Будет ли уместно в сложившейся ситуации...

– Я очень чутко сплю и прекрасно способен за себя постоять.

Не уточняя больше ничего, воин развернулся и бесшумно удалился прочь, аккуратно прикрыв дверь.

Эдриан сбросил с себя одежду, лег в кровать и закрыл глаза. Сон не шел к нему, его терзали дурные предчувствия, словно неотвратимая беда нависла над ним и над всей колонией.

Поддавшись внезапному порыву, он встал с кровати и подошел к стене напротив. На ней в рамке висела звездная карта, вынесенная им когда-то с «Рассвета» незадолго до его уничтожения. Сняв ее со стены, он на ощупь нашел тайную дверцу, спрятанную за ней, отодвинул ее в сторону и просунул руку в нишу в стене. Его рука наткнулась на холодный рельефный металл... до боли знакомая рукоять.

Эдриан извлек из тайника бластер. Боевой плазменный шестизарядный бластер типа М-46 «Шершень», способный за десятую долю секунды прожечь небольшую дыру в стальном листе толщиной с палец, или же за пару-тройку секунд выжечь два с половиной квадратных метра площади в режиме несфокусированной атаки.

Прекрасное оружие, выдаваемое в Белой Федерации всем офицерам капитанского звания и выше. Надежное оружие. Смертоносное...

Причина, по которой Эдриан вот уже много лет испытывал жгучий стыд. Закон о запрете любого вооружения, кроме самого примитивного холодного, призванный предотвратить в колонии войны – этот бич рода человеческого... Когда-то Первый Консул Хоуп был тем, кто предложил его, и закон был принят единогласно.

И он же, Хоуп, был тем, кто втайне его нарушил.

Повесив карту на место, Эдриан сел на постель. Не отрываясь, смотрел он на предмет в своих руках, на грозное вороненое дуло, на ребристую рукоять. Бластер тускло поблескивал в лунном свете.

Когда то он, Эдриан, не смог расстаться с оружием, которое носил с собой каждый день на протяжении столь долгого времени, что сроднился с ним, стал от него зависим. Он не смог отказаться от ощущения надежности, которое стояло за этим небольшим куском металла, ощущения, что есть последнее средство, способное разрешить все проблемы.

Последний аргумент в любом споре.

Плечи Первого Консула поникли, голова бессильно упала на грудь. Интересно, что сказал бы Хитоки Сато, если бы узнал о поступке своего друга? Продолжил бы он уговаривать Эдриана взять всю полноту власти в колонии в свои руки?

Убедившись, что бластер стоит на предохранителе, Эдриан спрятал его в ящик ночного столика возле кровати и, укутавшись одеялом, вновь закрыл глаза. На этот раз он уснул быстро.

Пробуждение наступило внезапно, словно от резкого толчка. Еще до того, как успел что-либо сообразить, он уже стоял на ногах в боевой стойке – сказывались рефлексы, вбитые в голову во время учебы в центре военного космолота.

По видимому, было еще очень рано – заря только занималась, и в комнате царил полумрак, почти непроницаемый для взгляда. Эдриан внимательно огляделся по сторонам и прислушался, но не заметил ничего подозрительного. Недоумевая, что могло его разбудить, он сел на кровать, намереваясь продолжить свой сон.

Именно тогда он и увидел ее.

Она сидела, прислонившись к стене в дальнем углу комнаты, свесив голову, абсолютно неподвижно. Эдриан не сразу понял, что она нагая.

Мороз пробрал его по коже.

– Кто ты такая? Как попала сюда?

Ответом ему было лишь завывание промозглого ветра за окном.

В глубине души Эдриан уже обо всем догадался, но все же не оставлял надежды на то, что все происходящее окажется лишь недоразумением.

Пересилив себя, он встал и решительным шагом направился к ней. Подойдя поближе, он наклонился, и, поморщившись, приподнял ее голову за подбородок.

Розоватый, слабый утренний свет озарил мертвое, бледное лицо служанки Евы. Ее горло было то ли разорвано, то ли перерезано ножом, под еще теплым телом натекла лужа крови.

Судя по всему, умерла она недавно.

Хоуп выпрямился и взял свечу и огниво, лежащие на подоконнике. Затебив свечу, он вновь склонился над трупом, желая осмотреть его при свете повнимательнее.

В это время в коридоре загрохотали гулкие шаги и, прежде чем Эдриан успел что-либо предпринять, входная дверь с шумом распахнулась.

– Господин Консул! Прошу прощения, но вы вчера велели будить вас, если обнаружится нечто важное, поэтому я сразу поспешил к вам! Дело в том, что мы нашли платье пропавшей девушки, и свидетели...

Стоящий на пороге ликтор вдруг осекся, заметив страшную картину. Несколько секунд он глядел на Эдриана, склонившегося со свечой в руке над обнаженным телом мертвой служанки, той самой служанки, которую на протяжении вечера и ночи искала вся колония.

– Господин Консул... – выдавил он из себя, наконец. – Господин Консул, что здесь произошло? Неужели вы...

– Нет, разумеется! – Эдриан почувствовал вдруг головокружение и, прикрыв глаза, облокотился на подонник. – Я просто проснулся и увидел...

её.

На несколько минут повисло молчание. Затем, не проронив больше не слова, ликтор развернулся и вышел из комнаты, аккуратно закрыв за собой дверь.

Эдриан неподвижно сидел на кровати, смотря в пол. Он чувствовал слабость во всем теле – то ли от нервного напряжения, то ли от прерванного сна. В голове у него роилось множество мыслей, бесцельно и хаотично, иногда они пытались объединиться в цельную картину, но тут же вновь рассыпались – не хватало нескольких паззлов.

Очевидно, что убийцы подкинули в его комнату тело, пока он спал, воспользовавшись тем, что он отправил всю свою охрану на поиски пропавшей этой ночью. Но, если это действительно так, с какой целью это было сделано? Почему они просто не спрятали тело? Почему девушка обнажена? И, наконец, подделанная печать, таинственный гонец, смерть Советника Сато... всё это были недостающие части головоломки, и решение ее ускользало от Первого Консула, Стража Закона.

Светало. Очнувшись от оцепенения, Эдриан накрыл тело Евы одеялом, наскоро оделся. На улице послышались голоса множества людей, их становилось все больше и они становились все громче, до тех пор, пока шум не заполнил всю спальню, подобно холодному ветру, ворвавшемуся в открытое настежь окно.

Судя по всему, здание окружила толпа колонистов.

Эдриан нахмурился. Он почувствовал, что контроль событий окончательно ускользнул от него, и, что бы он ни делал, он будет играть на руку неведомым, таинственным убийцам.

Необходимо было выйти к толпе.

Первый Консул Эдриан Хоуп накинул на плечи свой алый плащ, и, поколебавшись, достал бластер из ночного столика и сунул его за пояс, закрыв плащом.

Как бы там ни было, развязка была близка, он чувствовал это инстинктивно.

7

Свет озарял крыльцо дома Консула, сложенного из массивных серых каменных блоков, покрытых резьбой. Двор перед крыльцом был заполнен людьми, взбудораженными страшным и странным известием, которое принёс запыхавшийся ликтор.

Когда Эдриан открыл массивные деревянные двери, обитые листами металла, и спустился с крыльца по широким ступеням, толпа смолкла, словно по знаку невидимого дирижёра.

Эдриан хотел что-то сказать, но вдруг понял, что не знает, о чем ему говорить. С минуту он стоял молча, собираясь с мыслями. Наконец, он про-

молвил:

– То, что вы собрались здесь, говорит о том, что определенные слухи... уже просочились в народ. Пропавшая девушка мертва... я лично видел ее тело. Я выражаю соболезнования родственникам погибшей, и клянусь вам в том, что приложу все усилия чтобы найти и наказать убийц.

Где-то в глубине толпы послышались сдавленные рыдания, но внимание Эдриана приковал другой шум, перешептывания и ропот, которые зародились где-то на краю скопления людей. Со своего места Эдриану было видно, что источником его стал некто пробирающийся через человеческую массу, причем путь ему расчищали ликторы.

Это мог быть только один человек.

Когда Второй Консул Дават наконец вышел на открытую площадку перед крыльцом, окруженный шестью ликторами, толпа уже вновь гудела словно растревоженный пчелиный улей. Дават поднял руку соединив большой и безымянный палец в ораторском жесте, показывающем что он намеревается говорить и призывающем ко вниманию. Когда люди умолкли, он, глядя чуть поверх головы Эдриана пронзительным взглядом прищуренных серых глаз, громким, но спокойным и твёрдым голосом произнёс:

– Я обвиняю Первого Консула Хоупа в похищении, изнасиловании и убийстве Евы Джей.

Тишина стала абсолютной. Это была изумленная тишина, тишина, граничащая со ступором.

Дават молчал, словно считал, что сказал всё, что было необходимо. Он стоял спокойно, небрежно положив ладонь правой руки на рукоять своего короткого меча-гладиуса, подвешенного к поясу, и его цепкий взгляд был всё так же прикован к некой точке чуть поверх головы Эдриана – он словно бы смотрел мимо Первого Консула, и одновременно, казалось, видел его насквозь.

Ветер шевелил русые волосы Давата, играл с полами его алого консульского плаща. Розоватый свет утреннего светила озарял его спокойное, красивое лицо.

Лицо Хоупа было бледным, похожим на посмертную маску из чистейшего мрамора. Несколько секунд он молчал так, будто не понял сказанного и не имел представления, как будет правильное отреагировать. Когда он ответил, голос его был тихим:

– Столь серьезные обвинения... требуют не менее серьезных доказательств.

Второй консул пожал плечами. Небрежным жестом он махнул рукой куда-то в сторону и промолвил:

– В доме за вашей спиной, в вашей собственной спальне лежит еще не остывший труп убитой. На ночном столике у изголовья вашей кровати лежит письмо, написанное вашим почерком и отмеченное вашей печатью. В

нем приказ снять оцепление с дома умершего Советника Сато, откуда и была похищена девушка вскоре после того, как охрана оставила свой пост, следуя вашему указанию.

Изумленный и возмущенный ропот охватил толпу. Откуда-то из толпы раздался громкий голос принадлежащий, кажется, Советнику Басову:

– Откуда, черт возьми, вы об этом узнали, Дават? Из пустых слухов?!

Дават даже не повернулся в сторону вопрошающего. Он посмотрел на Эдриана, и, словно бы обращаясь к нему, ответил на прозвучавший вопрос:

– Я не намерен раскрывать свои источники, отмечу лишь, что они вполне надежны. Я полагаю, что для всех собравшихся ситуация разъяснится после того, как они обыщут ваш дом и найдут там подтверждение моим словам.

Гул сотен голосов усилился, теперь уже стало сложно разбирать отдельные выкрики или же улавливать настроение толпы.

Эдриан стоял, опустив голову. Его взгляд бесцельно блуждал, но это был не взгляд загнанной жертвы или застигнутого на месте преступления убийцы – это был взгляд человека, который силится понять нечто ускользающее от его разума. Чем дольше он молчал, тем сильнее волновалась толпа. Люди напирали на открытое пространство перед крыльцом, несколько ликторов, выстроившись в цепь, пытались сдержать их. Второй консул Дават невозмутимо стоял все на том же месте, левая рука его поглаживала перевязь меча, отстраненный взгляд был направлен куда-то за горизонт, туда, где розоватые утренние облака смыкались с туманной дымкой, поднимающейся от бескрайних синих лугов и полей.

Встревоженный ликтор подошел к Эдриану. Сняв шлем, он прокричал, стараясь превозмочь оглушительный рёв толпы:

– Господин Консул, боюсь, нам придётся обыскать ваше поместье и предъявить все обнаруженные доказательства народу чтобы...

Эдриан поднял голову и, прервав его, произнёс громко и ясно:

– Возможно, в этом нет необходимости. Я признаю, что убитая девушка и упомянутое письмо действительно находятся в моем доме, в точности на тех местах, где указал Второй Консул.

Гул тысяч голосов несколько стих. Люди удивленно переглядывались друг с другом, словно не веря собственным ушам.

Первый Консул, помолчав несколько секунд, продолжил ровным голосом:

– Да, я признаю, что все это – правда. Однако все это еще не дает кому-либо повода обвинять меня. Письмо – не более чем искусная подделка, а тело убитой я обнаружил в своей спальне всего лишь полчаса назад, вскоре после пробуждения. Звучит невероятно? Возможно. Но еще более невероятно то, что я, человек, наделенный вами верховной властью, не смог найти иного способа удовлетворить свою похоть кроме как совершить столь чудо-

вищенное преступление, да еще и оставив после себя столь очевидные улики. Неужели кто-то из вас действительно верит в подобную чушь?

Воцарилось молчание. Речь Первого Консула произвела на толпу отрезвляющий эффект. Люди стояли в смущении.

Второй Консул Дават сделал шаг вперед. На лице его по-прежнему было безразличное выражение, но глаза пылали пламенем ненависти, и ненависть эта была направлена против Эдриана. Негромко и веско, чеканя слова, он промолвил:

– Довольно лжи. Нам нет нужды знать мотивы, что двигали вами, когда вы совершали преступление. Возможно, разум покинул вас, и вы сделали то, что было сделано, под влиянием припадка безумия. Может быть и так, что причина кроется в чем-то другом, однако сам факт совершения вами чудовищных злодеяний налицо – на это указывают неопровержимые улики, существование которых даже вы сами не беретесь отрицать. Как знать, может и смерть Советника Сато произошла не из-за болезни, а от ваших рук? Хватит оправданий, Хоуп. Повторяю, довольно лжи. Вы недостойны того, чтобы предстать перед судилищем Совета. Я, Второй Консул Дават, на правах власти, данной мне людьми, приговариваю вас к немедленной казни.

По знаку Давата, шестерка его ликторов вскинула копья и устремилась на Первого Консула. Народ стоял в оцепенении, ликторы Эдриана бездействовали, смешавшись с толпой.

В глазах Эдриана блеснуло понимание – последний паззл головоломки встал на свое место. Все стало окончательно ясно, и вся безумная сцена вокруг предстала не более чем декорацией или, скорее, поводом к тому, что должно было вскоре свершиться по воле того, кто все это время дергал за ниточки из-за кулис.

Он еще не знал, что его планам не суждено было сбыться.

Невероятно быстрым движением Эдриан выхватил бластер и выстрелил лучом максимальной мощности.

Раздался взрыв.

8

...Огромная воронка от взрыва дымилась под ногами у ликторов, что застыли с копьями наперевес, словно безмолвные статуи в паре шагов от Первого Консула. Вокруг царила необыкновенная, абсолютная тишина, стих даже ветер.

Лица людей вокруг были перекошены гримасами страха. Этот страх был почти осязаем, он придавил толпу подобно гигантскому прессу.

Меч Давата наполовину выскользнул из ножен, да так и застыл на полпути, словно его хозяин осознал внезапно бессмысленность и бесполезность своего оружия. Побледневшее лицо Второго Консула больше не было маской, лишенной эмоций – теперь на нем застыли злоба и страх.

Эдриан взглянул на него и спокойно произнес:

– Так, значит, ты решил, что недостаточно просто задушить меня во сне – нужно уничтожить мою репутацию и, затем, казнить меня прилюдно. Скажи, Советника Сато тоже убили твои люди?

Второй Консул молчал. Эдриан не торопил его. Тягучее холодное молчание разливалось вокруг и впитывалось в розоватый песок на земле, просачивалось сквозь щели в каменной кладке крыльца, на котором, как на пьедестале, стоял, возвышаясь, Эдриан Хоуп.

Небо затягивалось тучами, утреннее светило скрылось за ними и все вокруг потемнело. Начинался мелкий, холодный дождь, его капли едва осязаемо касались кожи собравшихся людей.

В конце концов, Дават принял решение. Щеки его порозовели, самообладание постепенно возвращалось к нему. Он аккуратно вддел меч в ножны, расстегнул перевязь и демонстративно отбросил ее в сторону вместе с мечом. Повернувшись к Эдриану, он ответил:

– Нет. Им было приказано схватить девушку. У старика не выдержало сердце, он был слаб из-за болезни.

Толпа вновь загудела. Шок постепенно проходил.

Эдриан кивнул. Он думал, что ему делать дальше. Вытащив бластер, оружие, на которое был наложен запрет, он стал таким же преступником, как и Дават, в глазах людей и, главное, в своих собственных глазах.

Словно бы в раздумье, Эдриан направил бластер на разоблаченного похитителя и убийцу и прицелился.

Лицо Давата дрогнуло, он побледнел в мгновение ока. Напускное спокойствие растворилось в страхе, который словно пронзил все его тело и выплеснулся в напряженном взгляде бегающих серых глаз. Шагнув вперед, он опустился на колени, не отрываясь смотря на дуло бластера. Вначале тихо, но потом все громче он забормотал, словно в исступлении:

– Я... прошу выслушать меня! Всего лишь выслушать! Я всегда безмерно уважал вас, капитан Хоуп! Когда вы держали свой экипаж в стальном кулаке, я был единственным, кто безропотно подчинялся вам не из-за страха! Я служил вам из-за безграничного уважения к вам, вашей воле, вашей силе духа!

– Пока вы сражались с Империей, я помогал вам во всем, когда вы решили дезертировать, я послушно последовал за вами! Любой ваш приказ я бы исполнил! Прошу вас, вспомните о том, как я был для вас полезен, прежде чем приговорить меня к смерти!

Эдриан с отвращением покачал головой.

– Но стоило мне ослабить хватку, как от твоей верности не осталось и следа, не правда ли? Кроме того, былые заслуги не оправдывают убийства и попытки переворота.

Дават с усилием поднял взгляд от страшного дула, направленного на

него, и, посмотрев в глаза Первому Консулу, промолвил:

– Я полагал, что вы уже не тот, что прежде. Вместо того чтобы сохранить за собой верховную власть и вести колонию к процветанию во главе с сильным лидером, вы устроили все эти странные игры. Совет... выборные Консулы... к чему все это привело? К распрям? Кто-то должен был остановить все это. Я думал, что поступаю так же, как поступили бы вы на моем месте. Прежний вы, капитан.

Эдриану казалось, будто удары собственного сердца оглушают его. По бледному лицу Давата стекали капли пота. Он устало прикрыл глаза и добавил, кивнув на бластер:

– Разумеется, если бы я знал, что все это время вы вели двойную игру... но вы не дали мне ни малейшего намека. Позвольте же мне все исправить. Я вновь могу стать опорой вашей власти и буду верно служить вам, клянусь. Никто не посмеет выступить против нас. Пусть все будет, как раньше: капитан Хоуп и его верный старший помощник, Андре Дават.

Вновь воцарилась тишина. Легкий порыв ветра принес горьковатый запах прелой травы, дождь понемногу становился сильнее. Где-то вдалеке, за горизонтом, сверкнула безмолвная зарница.

Внимание всех участников этой сцены было приковано к Первому Консулу, Стражу Закона. Дават, ликторы, люди в толпе – все в напряженном ожидании смотрели на Эдриана. У большинства на лицах застыла гримаса страха.

Эдриан вспомнил вдруг один из своих последних разговоров с Хитоки Сато...

...Они стояли облокотившись на резные перила беседки, воздвигнутой посреди цветущего сада, разбитого за домом Советника. Стоящее в зените Новое Солнце разливало свое тепло в стоячем, пахнущем прелью и сеном воздухе, слышалось размеренное свиристение птицы.

Советник смотрел на дерево, клонящее к беседке свои бледно-синие ветви, усеянные маленькими душистыми ярко-фиолетовыми цветами, и улыбался. Дерево напоминало сакуру.

Внезапно он зашелся приступом кашля, бессильно уронив голову на грудь. Он упал бы, если бы Консул не поддержал его.

– Вы еще слишком слабы, – произнес Эдриан. – Болезнь лишь ненадолго отступила. Пожалуй, закончим на сегодня прогулку и наш спор.

Хитоки снова улыбнулся и опустился на стоящую в беседке скамейку, тяжело дыша.

– Думаю, еще пара минут на свежем воздухе мне не повредят. Сегодня на редкость изумительная погода, не правда ли?

– Правда.

Эдриан, помедлив, присел на скамейку рядом со стариком, сорвал с тонкой ветки один из цветов и растер между пальцами, приняхиваясь к

его сладковатому аромату. Облако закрыло солнце и повеяло неожиданно прохладным ветерком.

– Рад слышать, что хоть в чем-то мы с вами сходимся – рассмеялся Советник и, неожиданно став серьезным, прибавил:

– Я никак не могу понять вашего упорства. Разве вы не видите, что все равно все неизбежно скатится к диктатуре? Я изучал историю, и такой путь развития событий сейчас кажется мне неотвратимым. Борьба за ресурсы и отсутствие подлинного стремления к свободе и демократии... Уж лучше пусть вы возьмете в свои руки бразды правления, человек, который действительно заботится о благе народа, и который не будет злоупотреблять своей неограниченной властью. Если это случится, я смогу умереть спокойно.

Эдриан ответил не сразу. Прикрыв глаза, он сидел на нагретой солнцем скамейке и словно бы прислушивался к чему-то далекому – а может, вспоминал давно ушедшие и полузабытые мысли.

Наконец, он промолвил ровным голосом:

– Скажите, Сато, вы когда-нибудь задавались вопросом, почему я предпочел сбежать вместе с вами в тот день вместо того, чтобы замучить вас до смерти допросом третьей степени, как предписывали мне приказы?

Советник молчал.

– С самого детства меня воспитывали как человека, неспособного даже помыслить о том, чтобы не подчиниться приказу – продолжил Эдриан – мне внушали мысль, что одни люди вправе распоряжаться другими словно вещами. Но в глубине души, я всегда знал, что это ложь. Каждый человек рождается свободным, и как бы не пытались отнять у нас право выбора, сама наша природа противится этому – просто потому, что мы – люди. Я всегда верил в это. И я всегда ненавидел систему, которая пыталась отнять мою человечность.

Одинокая птица в ветвях эдемской сакуры зашлась в голосистой трели. Хитоки Сато поднял голову и, взглянув на своего собеседника, с любопытством спросил:

– Так, значит, с тех пор ваши убеждения ничуть не пошатнулись?

Эдриан отрицательно покачал головой.

– Ничуть. Однако... с тех пор я осознал еще кое-что.

– И что же?

– Вместе со свободой нам дана и ответственность за выбор, который мы делаем, и как бы мы не пытались убежать от последствий этого выбора, они догонят нас. Всегда.

... Эдриан взглянул на застывшие без движения фигуры людей. Все они ждали решения, его решения. Они еще не догадывались, что выбор был сделан им еще задолго до того, как он смог его осознать.

Он аккуратно поставил бластер на предохранитель и отбросил его в сторону, так далеко, как только мог. Обращаясь к толпе, промолвил, возвы-

сив голос:

– Как ни прискорбно, оба ваших Консула оказались недостойны вашего доверия. Я нарушил Закон о Запрете Оружия, первый из принятых нами законов. Я отрекаюсь от своей должности и изъявляю готовность предстать перед судом вместе со Вторым Консулом...

Из всех, кто слушал речь бывшего Первого Консула, один человек опомнился от потрясения раньше всех. Андрэ Дават, вскочив с колен, бросился бежать, словно пущенная из мощного лука стрела в сторону лежащего поодаль бластера. Толпа ахнула. Несколько человек попытались перехватить его, но было уже поздно: он подхватил с земли бластер и одним отточенным движением снял его с предохранителя, одновременно переключив в режим площадной стрельбы. Пытавшиеся остановить его замерли.

Повернувшись к Эдриану, Дават бросил с презрением и некоторым оттенком удивления:

– Я полагал, что с годами, прошедшими после побега из Космофлота, вы всего лишь размякли, капитан, но я ошибался. Вы действительно сошли с ума.

Посмотрев ему в глаза, спокойно и мягко Эдриан ответил:

– Опусти бластер и сдайся гражданам Эдема. Не цепляйся за свои ошибки. Неужели ты действительно думаешь, что это оружие, в котором осталось лишь пять зарядов, спасет тебя от сотен разъярённых, ненавидящих тебя людей, которые окружают тебя со всех сторон? Не переоценивай его силу. Это всего лишь маленький кусок металла, и он ничто против воли народа.

Дават нервно рассмеялся и отрывисто бросил:

– Это вы переоцениваете их волю, и недооцениваете их страх. Чтобы добраться до меня, кому-то придется сделать первый шаг, и этот кто-то непременно умрет. Этого достаточно, чтобы сдержать их. Достаточно, чтобы заставить подчиниться мне.

И он вновь засмеялся нервным, почти безумным смехом, в котором отчаяние смешалось с ненавистью и надеждой, и Хоуп рассмеялся вместе с ним, но потом вдруг затих и взглянул на бывшего старпома взглядом, от которого смех застрял в горле Давата, и испуг заблестел в его глазах. Наставив бластер на бывшего капитана, он промолвил хрипло:

– Не смейте...

И тогда Эдриан Хоуп, бывший Первый Консул и Страж Закона сделал Первый Шаг, быстрый, скользкий. Необходимый.

И вместе с ним – окончательный выбор.

Оглушительным грохотом прогремел выстрел, и Эдриан рухнул навзничь, с прожженной в груди дырой, и яркое небо Эдема потемнело над ним. До самой последней секунды он не знал, одержал ли он победу в своем последнем бою, но в эту последнюю секунду, когда яркий диск Нового Солнца

потускнел и выщвел перед его взором, чутье старого солдата подсказало ему ответ. Он умер с улыбкой на устах.

Он не видел того, как подоспевшие ликторы обезоружили Давата прежде, чем он успел сделать еще один выстрел...

... Через месяц после похорон Эдриана был принят Закон о Разделе Земли и тлеющий гражданский конфликт был исчерпан. На планете воцарился мир.

НАТАЛЬЯ ПАПЕНКО, 1993 г.р., Иркутск

Родилась в г. Черемхово Иркутской области. Окончила факультет филологии и журналистики ИГУ. В 2018–2019 гг. училась в Литинституте им. А.М. Горького. Работала журналистом, контент-менеджером. Преподает русский язык и литературу. Публиковалась в альманахе «Первоцвет». Составитель, соавтор и редактор сборника новелл «Кошачий мед», который вышел в электронной версии в 2019 г. (<https://vk.com/koshkamed>). Участница Совецания молодых литераторов СПР Москвы и Подмосковья (2019), Третьего Ежегодного Всероссийского Совецания молодых литераторов в Московском государственном институте культуры в Химках (2020).

ПЕСНЯ ТЕПЛА

Первое место в номинации «Волшебная сказка»

Молодой взлохмаченный йотун, играясь, размашисто бьет лапой по колесу зимы, и то крутится, весело повизгивая на оси, и все сыплется, сыплется с перекладин мягкий, словно клочки йотунской шерсти, снег и укрывает теплым войлоком простывшую землю. Йотун смотрит, как красное размытое пятно солнца за снеговыми облаками крадется по горизонту и сползает вниз, и луна бледным калачом уже косится с другого конца неба. Оттуда из города этого не видно – там от солнца людям достается только несколько часов тусклого света. Не видно и того, как в горах темнеет, и из-за камней осторожно выходят те, кто прячется днем, и принимают к вечернему морозу. Глядя на них, йотун старается крутить колесо потише, чтобы их следы не совсем занесло, и зверьки нашли дорогу домой.

– *Хватит – нежности*, – ворчит, ворочается старый Имир, и горы едва заметно содрогаются, когда он говорит. – *Надо – буран – буран*.

Йотун обижается и набрасывает на прячущееся солнце шмат угрюмой тучи, а потом и вовсе закидывает ими полнеба. Луны теперь совсем не видно.

– Завтра будет тебе буран, – и садится между двух гор, и замирает третьей, только черные глаза-пещеры глядят на город. Но и их не видно из-за снегопада.

– Завтра будет буран, – эхом повторяет из кресла Фритьоф, глядя в окно на заволакивающееся тучами небо над горами.

– А ты еще так ничего и не нарисовал, – подхватывает Снорри из-под стола, где постелен теплый ворсистый ковер, и прячет нос поглубже под лапу. Крошечная комнатка жарко натоплена, но Снорри, который умеет находиться одновременно в нескольких местах и временах сразу, знает, что снаружи холодно и будет еще холоднее. От этого ему неудобно.

Фритьоф задумчиво смотрит на него. Из многих примет вернее всех одна: если с тобой начинает говорить кот, это к тому, что нужно взять телефон и позвонить Семье.

Снорри знает Семью только по голосам. Вот уже несколько лет каждый день Фритьоф, просыпаясь, подобно своему знаменитому тезке преодевает сотни миль и подобно ему же никак не может достигнуть цели. Его «Фрам» – стариковское сердце в одной упряжке с мыслями – ежедневно мчится на всех парусах, но не к северу, а наоборот, к неоткрытому еще югу, и обреченно останавливается, не в силах вообразить дочь и внука среди пестрых лоскутов испанских пляжей. Тогда Фритьоф берет телефон, и сотовый оператор рисует воображению талантливые картины, сложенные из голосов, интонаций и звуков на заднем плане. Но все это остаётся лишь хорошо написанными полотнами: ему ли, старому художнику, не знать разницы между искусством и явью. Первое возносит и утешает, вторая – беспощадна. Так, пожалуй, и капитан «Фрама» в бесконечных льдах видел свой Полюс, который не спешил приближаться, игнорируя силу человеческой мечты.

Фритьоф поднимается из кресла, разыскивает телефон под грудой листов картона с набросками, набирает номер и перестаёт существовать здесь и сейчас. Остается только маленькая темноватая комнатка с невысоким потолком, так тесно заставленная разномастной мебелью и картинами, что Снорри отчасти подозревает, почему Фритьоф уже некоторое время ничего не пишет: кажется, поставить готовые работы уже попросту некуда. Каким-то чудом сюда еще помещаются белоснежный встрепанный кот и длинноволосый седой старик, который, впрочем, и так занимает немного места, а сейчас отсутствует вовсе.

Чутким ухом Снорри слышит глухой женский голос, перемолотый и

искореженный техникой. Голос не радостен, но и не раздражен, в нем слышатся терпеливые, слегка снисходительные интонации. Снорри тоже стар и знает, что такие голоса бывают у уставших людей, смирившихся с неизбежностью говорить одно и то же каждый день одному и тому же человеку.

– Да все хорошо. Ларс, правда, вчера отравился чем-то в школе. По-моему, никак не может привыкнуть, что стали давать гаспачо на обед.

– С инструктором по плаванию еще не договорились – вчера его так и не застали...

– Не переживай, отравление школьным обедом – это не грипп, уже прошло.

– Не так уж и жарко, меньше слушай, что там по радио говорят. Может, мы привыкли уже, да...

– Кстати, пап, у меня к тебе дело, – и кошачье ухо улавливает совсем другие интонации: это застенчивая просьба, на которую говорящий, как ему кажется, не имеет права из-за обычного равнодушия. – Когда пройдет выставка, можешь отправить часть картин? Я бы нашла им место. У меня тут много знакомых художников и коллекционеров, и все просят северных пейзажей, когда узнают, откуда я и кто ты. Хорошо? А сейчас надо бежать...

Фритьоф кладет трубку, не спеша возвращается с испанских пляжей в свое обиталище и, еще не веря своему счастью, робко улыбается в мебельный хаос. Она еще не знает, – а Снорри снисходительно смотрит на него из-под стола; давно бы мог сказать, – что эти картины он привезет ей сам, как только получит деньги за выставку.

Изначально, правда, планировал везти только себя, но Инге впервые со дня своего переезда в Испанию попросила его о чем-то! – а значит, надо будет поднатужиться и дотащить тяжелые папки с полотнами сначала до такси, потом до здания аэропорта, доплатить за транспортировку хрупкого багажа и все три часа ерзать, переживая за капризные картины. Правда, самих полотен еще нет, а это ставит под сомнение все мероприятие с самого начала. Нет картин – нет выставки – нет денег, а значит, нет и самолета, который вырвет его из темного зимнего Тромсе и перебросит в непонятную, но надрывно зовущую яркую Барселону.

Фритьоф наконец впервые за много дней чувствует знакомый зуд в кончиках пальцев: вот бы уже сейчас рисовать, слабеющим глазом разгадывать оттенки белого, который под магией окружающих предметов оборачивается то розоватым, то серым, но уже ночь, а завтра будет буран, и придется остаться дома! Обессилев от переживаний, он аккуратно присаживается на кровать и опускает голову на смятую подушку.

Когда приходит утро, йотун зеваает – всю ночь он невольно косился глазами-пещерами на мечущиеся среди снежинок беспокойные сны старого человека из ярко-красного двухэтажного дома на окраине города.

Человек часто приходит в горы, пристально смотрит на йотуна и его собратьев и водит кисточкой по большому листу бумаги, то поднимая, то опуская взгляд, и тогда что-то ворочается в нутре йотуна, наматывается на невидимый вал и остается пахнущими медом красками на белом листе. Летом человек иногда приходит со зверьком, и тот, валяясь на раскинутом специально для него плаще, поет песни, которые йотун понимает – в отличие от песен людей. Ему вообще сложно понимать людей и их город – цветные кубики, беспечно разбросанные под старыми горами, но про этого человека и его зверя йотун почему-то знает все. Может быть, потому, что, когда человек сидит в своем сером шерстяном свитере, он сам похож на обломок скалы, а его длинные белые волосы – на лучи северной луны. Йотун знает, что такое бывает с теми, кто долго живет в царстве снегов и становится родным древним существам и колесу зимы и лета. А этот человек еще и так искусно умеет множить скалы и снега на бумаге, что реальность двоится даже для йотунов, которые заглядывают ему через плечо и путаются в акварельных и каменных горах. Когда же йотун смотрит человеку внутрь, то видит нудную полярную ночь, которая раз в день сменяется коротким периодом, и свежий свет заливаает каждый уголок. Правда, свет этот льется откуда-то с юга, и в нем плывут блики горячего моря, отсветы сочной зелени и ярких красок, – а потом все гаснет. Жизнь в северном человеке поддерживает юг.

Йотун смотрит на крепко спящего Имира и потихоньку обуздывает злой ветер с моря, собирает миллиарды снежинок в широко раскрытую пасть, отгоняет тучи, которые сам же натравил на небо, и щурится, когда город и горы осторожно заливаает сумеречный зимний свет.

Когда приходит утро, Снорри, мечтающий о солнечной луже на узком подоконнике, зевает и косится на Фритьофа. Тот, кажется, не верит слабеющим глазам – небо над городом словно светится изнутри, как рисунок акварелью, хотя должен бушевать буран. Если в известном вдоль и поперек мирке, составленном из полярных дней и ночей, снега, скал и унылой готовой еды из супермаркета, не срабатывают приметы – это серьезный сбой. Снорри это понимает, но не слишком удивляется: котам проще принимать перемены, ибо для них мир куда многослойнее и глубже.

Когда приходит утро, Фритьоф собирает небольшой мольберт и грунтованный картон, складной стульчик и акварельные краски и выскальзывает из дома, забыв позавтракать.

Он решает начать с аккуратного домика с голубой крышей – магазина игрушек. Они с маленькой Инге часто ходили сюда. Крохотный пряничный мир, согретый навесными фонариками, маленький разноцветный праздник среди сиренево-серого утреннего сумрака и снега. Он напишет его так, что Инге снова покажется, будто ей пять лет, и она стоит перед яркой витриной,

восхищенно разинув рот от красоты новой куклы в белоснежной пушистой шубке. Кукла кокетливо смотрит на Инге вполоборота, улыбаясь через стекло, а Фритьоф судорожно прикидывает, во сколько ему обойдется эта красавица, если окончательно заморочит малышке голову и сердце. Но отдаст, конечно, сколько нужно будет; заберет, выгрызет, отнимет, выиграт у мира любыми способами – и отдаст, лишь бы Инге оставалась весела и довольна.

И он дует на мерзнущие пальцы, и полупрозрачными мазками на листе неспешно появляются и домик, и фонарики, и красotka в шубке, и свет появляется – особый, почти невидимый, из самой глубины листа и красок, – но Инге его точно заметит, почувствует, и лицо ее, загоревшее под палящим солнцем, чуть посветлеет. Фритьоф пишет и про себя сетует на слабеющее зрение – чем ярче становятся краски на листе, тем бледнее они кажутся, когда он поднимает голову на домик; а может, это просто снежная пыль, которую легкий ветер сносит с крыши, да сумерки январского дня.

Хозяин, господин Гуннар, появляется из магазинчика и приветливо кивает Фритьофу, но из вежливости не заглядывает в лист, а спускается с крылечка и быстрым шагом удаляется вдаль по улице – наверное, пошел за горячим кофе или обедом в ларек, оставив за прилавком сына. Его силуэт тоже плывет и качается в глазах Фритьофа, но он успокаивает себя тем, что почти закончил основное – останется только проработать детали и зафиксировать картину из баллончика, но это дома, дома, там тепло и можно будет сначала согреться, и дать отдохнуть глазам. А день уже, оказывается, в самом разгаре, и по улочке туда-сюда ходят люди, бегают собаки, двери хлопают, гудки машин издали властно несутся вместе с поземкой, и полярная жизнь неспешно, но деловито кипит, мужественно игнорируя отсутствие солнца и тягостную зимнюю лень.

Фритьоф начинает понемногу собираться, складывать лист в особую папку, а мольберт, краски и стульчик – в большую сумку и напоследок решает заглянуть в магазинчик к сыну господина Гуннара. Что-то долго он сам не возвращается, а может, и давно проскользнул мимо Фритьофа, увлеченного работой. Но старик заходит в дверь – колокольчики игриво звякают – а за прилавком никого, совсем никого, и ни одного посетителя – никто не разглядывает очаровательный игрушечный мир, никто не хочет заполучить себе кусочек волшебства, и некому все это волшебство сторожить. Странно, думает про себя Фритьоф, странно, но мало ли куда могли отлучиться хозяева, их дело. Ему отчего-то становится неуютно в заброшенном чудесном мире, да и зрение все-таки перенапряг – цвета все тусклее, а перед глазами какие-то мушки, и мелкие машинки и домики даже не разглядеть, и все словно бы расплывается.

Фритьоф выходит обратно, на улицу, и направляется в сторону дома, почти сразу же забыв про магазинчик, потерявшись в других мыслях и мечтах.

А йотун сидит горбатой горой, совсем тихо покачиваясь вперед-назад, и смотрит, смотрит с любопытством, распахнув глазищи, как посреди города мерцает маревом полупрозрачный, уже готовый совсем исчезнуть аккуратный домик с голубой крышей, и как старик с белоснежными волосами возвращается домой, ест невкусную еду, кормит зверька, недолго спит, а потом снова принимается работу. И когда на листе картона ослепительной голубизной во всех деталях возникает чудесный игрушечный магазин господина Гуннара по улице Стургата, марево пропадает совсем, и дома в один миг сдвигаются друг к другу, как ни в чем не бывало, словно и не существовало никогда в городе никакого домика с голубой крышей, куклами и фонариками.

А Имир все спит богатырским сном – йотун нашептывает ему колыбельные, ох и достанется же ему потом за это! – и бурана нет ни на следующий день, ни после, и Фритьоф торопится, пишет, творит свою акварельную магию из последних сил, и, хотя рисунки получаются все такими же волшебными, как раньше, старик чувствует, что сил уже не так много. Но нужно успеть, дата выставки назначена, и Фритьоф даже реже звонит Семье – недосуг, он готовит Инге подарки, чудесные подарки: берет свои воспоминания, и грусть, и тоску, и скуку, и все, что он чувствует к городу, и пишет это с натуры, а на листе остаются только свет да радость – краски тоже волшебные и превращают одно в другое; на листе не место грусти и тоске, ибо к чему бы Инге это? Фритьоф радуется, ему словно бы становится легче – с каждой картиной отчего-то все меньше давит неуютный зимний город, словно старик по кусочкам разбирает его и оставляет на листах, а на них – уже не тот нудный Тромсе, что вокруг, на них – волшебство, любовь и свет.

И Магнус, давний знакомый Фритьофа, постоянный устроитель его выставок, приходит к художнику, смотрит на картины и одобрительно кивает головой.

– Это гораздо лучше, чем если бы ты просто написал серию городских пейзажей, – восхищается он. – Настоящий магический реализм! Первый раз у тебя такое вижу: это ведь Тромсе, точно он, но такой сказочный, да и откуда ты взял все эти места? Чудо как хорошо. Снова удивил, отец!

Фритьоф смеется: Магнус еще молод и, наверное, не знает всех городских уголков так, как он сам узнал их за многие-многие десятилетия – ну да, откуда бы. Но не узнать улицу Стургата? Наверное, невнимательно смотрел; да и ничего, и пусть называет это так, как ему нравится.

В последний день своей работы – он знает, что последний, почти все уже готово – старик проходит мимо улицы Стургата и решает заглянуть в магазинчик с голубой крышей. Он вдруг понимает, что хочет именно там купить подарок Ларсу, хоть и не знает толком, играет ли все еще внук в игруш-

ки. Но он купит что-нибудь универсальное, пазл или набор для лепки, а то и просто красивый сувенир. И чтобы в нем обязательно нашлось что-то от того теплого севера, который они открывали вместе с маленькой Инге – Фритьоф тогда словно заново смотрел и на горы, и на море, и на полярную ночь; все это восхищало и радовало малышку, и он радовался и восхищался вместе с ней.

Так, в мыслях своих Фритьоф проходит всю улицу от начала до конца, а потом смеется своей способности замечаться и возвращается к месту, где должен быть магазинчик. Но где же он?

Фритьоф недоуменно оглядывает дома, которые стоят слева и справа от него: все верно, сувенирная лавка и ломбард, но почему-то теперь они стоят впритык друг к другу.

Старик беспокоится, он беспокоится за свою старость и память, и на всякий случай проходит заснеженную улицу вдоль и поперек еще раз, но так и не обнаруживает домика с голубой крышей. И тогда он решает прикинуться заезжим и обращается к хорошо одетой молодой даме с вопросом о магазине игрушек с голубой крышей, но та, дружелюбно улыбаясь, сообщает, что такого здесь нет отродясь, наверное, ошиблись улицей или еще что-то, может, вас куда-нибудь проводить?..

Спасибо, спасибо, нет, и Фритьоф бредет по городу в странном оцепенении, бредет, бредет, но на этот раз не позволяет себе задуматься, а как бы исподволь наблюдает, осторожно, чтобы не спугнуть город – но не находит ни маленькой старой кофейни, ни переулка, полного цветных бабочек-рисунков на стенах, не находит старого сквера, где вечно прогуливаются бродячие коты, ничего не находит, но ничем себя не выдает, а идет неспешным шагом домой и там садится в кресло, смотрит на картины и плачет, плачет, и слезы иногда капают прямо на сияющие краски. А белоснежный Снорри лежит под креслом, где тоже есть кусок ворсистого ковра, и иногда сочувственно высовывает лапу и трогает ноги старого художника, но что он может сделать, мудрый кот, для которого все, что происходит, так обыденно и понятно.

На следующий день Фритьоф идет в горы по почти незнакомому городу, а там смотрит прямо йотуну в лицо, и тот покорно перебирается на бумагу, садится горбатой горой на листе, замирает, а его собратья тревожно шушукаются, и от этого как будто слегка содрогается земля. Да нет, не от этого – старый Имир тяжело просыпается, оставшись без колыбельных! Уходи, уходи, старый волшебник, властелин красок и своих желаний, ибо в горах начинается буря.

– Пап, ты понимаешь... – Снорри слушает голос Инге вполуха, старательно мурлыкая Песню Тепла, без которой пропали бы и он, и Фритьоф в этой страшной метели, и не спас бы никакой ярко-красный двухэтажный

дом на окраине. – Я рада, что ты хочешь приехать, правда, очень рада! Но мы только-только начали жить с Дженаро. Я боюсь за то, как вы поладите. Ладно, по правде, он очень вспыльчивый, и чуть что не по его... Давай ты приедешь, когда он будет во Франции на соревнованиях? Через полгода или около того. Картины?.. Как хочешь, смотри сам, можешь отправить, если некуда девать. Не знаю, пап, не знаю. Все. Пора забирать Ларса из школы...

Фритьоф, как всегда, медленно возвращается в тесную комнату и долго-долго сидит, покачиваясь в кресле. Потом насыпает Снорри корма – а тот поет все громче, мудрый кот, он все понимает и хочет напоследок обогреть старика и себя – берет картон, краски, кисти и садится перед единственным зеркалом в комнате, потемневшим, треснувшим, но все еще способным выполнять свою функцию.

Смотрит на себя, а потом на лист, даже сейчас сокрушаясь о плохом зрении, грустно вздыхает и делает первый мазок.

ГЕОРГИЙ КУЛЬЧИЦКИЙ, 1993 г.р., Иркутск

Окончил Иркутский государственный университет путей сообщения по специальности «Информационная безопасность автоматизированных систем». Был участником студенческого театра «Эхо» под руководством Елены Николаевны Безродных, актёром в театральной студии «Отражение». Выступает с музыкальными номерами на фестивалях молодёжной культуры, таких как: BaikalGeekCon, «Байкал Комикс Фест». Дипломант конкурсов «Студенческая весна», «Сибирская лира», «Сибирь зажигает звёзды». Пишет с 2014 года.

САМОЦВЕТ

Второе место в номинации «Фэнтези»

Не прокричал и разу петух, как на базарном месте стал появляться люд. Они суетились, раскладывая свой товар, и активно обсуждали предстоящий день. Все говорили, что будет ладная погода: солнце лучилось как Каал¹, на небе же редкие маленькие облачка пробегали мимо ближайших гор. К слову, в городе, что стоит на возвышении, тоже ворота открыли раньше обычного. Сегодня здесь намечается большая ярмарка в честь начала лета!

К полудню от народа было не протолкнуться, от разнообразия вещей разбегались в стороны глаза, от шума закладывало уши. Балаган, вы скажете, но всем нравилось: что детям, что взрослым. Именно здесь начинается история молодой девы Акции – увлечённой поиском всего, что связано с древним народом Хосимы, жившим более чем сто зим назад. В этой толпе искательница слегка выделялась от остальных: она носила плотно сшитую рубаху из льна и серые шаровары и простые побитые кожаные сапожки, но-

1 Оранжевый самоцвет.

сила пыльный от долгой дороги плащ с накидкой на голову. Она спокойно шла среди потока людей и бегло смотрела по сторонам в желании увидеть кого-то знакомого. Иногда останавливалась поглядеть на разные находки и различные инструменты для любого ремесленника. Однако её глаза искали лишь одного гончарного мастера, что живёт в округе и точно торгует по сей день. Найти оказалось непростой задачей. Аксия обошла пару раз всю ярмарку, спросила у нескольких людей. Казалось, что судьба ей не улыбнулась, но тут взор упал на идущую мимо старую телегу, которая гремела всякой утварью, и она направилась к пустым местам в конце ряда. В этот раз дева пошла значительно медленнее, чтобы присмотреться к окружению и человеку, которого нашла. На вид он не стар, но и не молод, белеса появились в неровно подстриженных коротких волосах, однако смольный чёрный цвет всё также силён. Короткая борода росла неровно, но придавала уважаемый вид. Одет же в простую грязную рубаху и порты, грязные лапти, обхватывал верх тёмно-синий изорванный кушак. Ещё был мальчик – ну очень похожий на отца в своих чертах и грязной одежде, которая, к слову, имела более опрятный вид и не имела прорех.

Отец и сын не спеша стали доставать свои глиняные поделки и ставить на прилавок. Руками делали дело ловко, но молча. Точно не единожды раз повторяли этот «ритуал». Они привезли много чего: миски, кувшины, кружки и фигурки различных животных.

– Скажи, мил батюшка, где могу Вурта найти здесь? – девица медленно подошла к семейному дуэту и немного оробела от своего вопроса. Сынишка удивлённо заморгал глазами, перебегая взглядом от папы к неизвестной деве.

– Вурта спрашиваешь, значит? – низкий спокойный голос заговорил не сразу. – А не знамо таких на моей памяти. Вон, на торжках, мож, кто и знает.

– Мне сказали, что тут нужно. Далёкий привет несус с собой с юга. От Негории, – юная особа не отрывала очей от лица мужичка. На последнем её слове его дыхание на миг схватило, от удивления уставился на скрытое под накидкой милое лицо. На вопрос же «Кем будешь, доченька?» она сняла с головы накидку. Чёрные, как ночь, его глаза встретились с другими – цвета молодой зелени.

– Аксия?! – только и вырвалось из уст мужа. – Ты ли это, или чудится мне?

– Я, дядюшка! – она быстро подошла и крепко обняла того, кого не видела с самого детства. Невольно на девичьих глазах проступили слёзы. Вурт захохотал от радости неожиданной встречи и в ответ прижал к себе девицу.

– Дела-а! Вот так-день-то! Как ты так далёко забрела от родного дома? Одна, что ли? Ну, чудеса! Кака вымахала, краса, зуб даю! Ни разу б не

признал вот так среди люда. Да, говори, а то я, малость... погоди! – раздобривший муж разглядывал деву и трещал без умолку. Как можно быстрее он стал перекаладывать всё из телеги на кривой прилавок. – А это тут мой сын, старший! Настором назвал. Сына, язык проглотил? Скажи чего-нить! Ай, только очами и хлопать умеешь. Ладно, давай отойдём, доченька. Тяжко тут стоять, шуму сколько.

Они медленно отошли поближе к большой дороге, где люда стало намного меньше и тише, чтоб лучше говорилось. Первой начала она:

– Дядюшка, милый, всё расскажу. Я еду на север к горам Кушо. Мастер Пиляй созвал на то место всех, кто умеет и дело знает по народу древнему. Хочу успеть, дабы без меня ничего важного не отыскали!..

– Как там Негория? Не томи меня, родненькая! Что-то случилось? – Вурт перебил Аксию, ибо не терпелось узнать хоть какую-нибудь весть от любимой сестры. Последние несколько зим он отправлял весточки, но ответа так и не приходило.

– Мамочка... хорошо, только болеет. Всё станет только лучше! Папа остался возле неё, хранит её, как жизнь. А я... я уехала искать не только кости. Ходит молва, что мудрецы тех лет знали спасение от любой хвори. Нужно отыскать эти знания как можно скорее!

– Аж от сердца отлегло. Спасибо тебе, кровь моя, успокоила. Я после празднеств мигом поеду к ней, хоть путь и далёкий. Дорога та же? Ну и чудно, – Вурт нахмурил брови и на момент задумался, а потом продолжил: Съездим до моей избёнки, дам тебе еды. Не отказывай, я так решил! Нечего тут землю топтать, айда!

До двора они добрались скоро, ибо сама деревенька стоит не так далеко от места ярмарки. Жилище гончара отличалось от соседских большой гончарной мастерской, пристроенной к невысокой избушке. Даже печка была в доме такая, что можно топить по-белому. Дядюшка собрал съестного в котомку – чего очи углядели, побежал в погреб и попросил его подождать. Немного погодя, он появился вновь, но в руках держал небольшой пергаментный свёрток. Дышал тяжело, даже дрожал:

– Это показывать тут нельзя, ни в коем разе! Возьми этот оберег. Его давно я сам носил. И тебя сбережёт, но будь осторожна: Баль² опасен, если носить его без перерыва. Могут руки слабнуть, сон плохой будет, но спасёт от любого проклятья и смертельных ран. Держи, – муж протянул подарок в женские руки. Аксию слегка приоткрыла пергамент и увидела темно-зеленый самоцвет, обернутый кусочками ткани.

– Спасибо, дядюшка, но... я не могу его принять, – на лице девицы читался страх и отвращение к этому цветному чуду мира. – Честное слово, аж сердце в пятки уходит...

– В нём нет ничего, что может тебе сейчас навредить. Просто положи в мешок, храни рядом. Так он окажется не хуже огородного камня. Я настаиваю. Сей же час убери его к себе и не вспоминай, покуда не пригодится. Лучше б, конечно, этого не случилось, – голос Вурта при этом разговоре заметно притих.

– Пусть будет так. У меня тебе есть гостинец, от нас с мамой, – Аксия уже говорила шёпотом, будто у стен «были уши». Она достала из поясной сумки кусочек горной породы, размером с детский кулачок. Брови мужичка от удивления поднялись кверху. Необычность камня являлась в том, что изнутри бледно струились все известные цвета этого мира. – Я нашла его по пути сюда, у речки Лус. Мне он не греет сердце.

– Храни тебя Солнце, ясная ты моя! Таких отродясь не видывал. Это мне? Ну спасибо! Будет чем заняться после торжков. Погляжу, какими чудесами этот обладает камень, – Вурт осматривал каждый скол, каждую выбоинку на свету своими умными чёрными очами. Он явно знал, что можно сотворить с этим подарком в скором времени. Оглядев комнату, гончар и самоцветных дел мастер схватил маленький льняной платок и завернул туда гостинец.

– Благодарю тебя, и много раз благодарю! Пойдём, я верну тебя и дам ребят в охрану до большака. Не отказывай мне! Я просто хочу видеть тебя, но уже на пути обратном. Уже светило уходит вниз, надо поспешить, иначе тьма застанет, где много хищников.

– Я не забуду твоей доброты, дядюшка! – Аксия широко улыбнулась и натянула накидку на голову. До ярмарки ехали да общались обо всём: природе, князях, о былом и грядущем. Гончар и тайный златарь слово сдержал – с девицей уехало два добрых молодца с наказанием, чтоб ни волосок с головы её не упал. Вурт знал, что храбрая Аксия вернётся, но как скоро? Сердце недобро сжалось в груди.

Спустя три дня молодая девица и почти четыре десятка искателей без бед добрались до красивейших и могучих гор Кушо. Мастер Пиляй собирал вече и указал место поиска – возле реки Урсут. Там поставили большую стоянку, начали поиски от истока, постепенно переходя на горную часть. Они приехали именно сюда после находки в одной из северо-восточных пещер скальных надписей, где говорилось о большом поселении у «самых больших природных твердей, что касаются небес». Место оказалось чудесным: бурная и широкая река с рыбой; к востоку начинался пышный зелёный лес, богатый живностью и ягодами; высокие скалы, где можно прятаться от хищников и недругов.

Дело сначала спорилось: совсем скоро они нашли маленькие пещеры, но полезного оказалось мало. Каменные резцы отлично сохранились, нашлись в глине вырезанные из дерева фигурки. Часть искателей с помощью острых палок из железа взобрались выше и в снегах искали занесённые или

заваленные проходы. Мастер Пиляй всё чаще впадал в тоску, ведь он знал об этом месте так много, но находил так мало! За десяток дней они не приблизились к истории одного из загадочных народов мира. Многие начинали шептаться, что это не то место и нужно уходить. Люд всё чаще ругался, кто-то даже оставил место и на рассвете уехал.

Удачей и называли даже найденные мелкие самоцветы, но их сразу прятал у себя и изучал Мастер. Все до единого боялись князя Велеслава. Однажды у вечернего костра люд молвил, что его страшная страсть – найти первым Мо-сй³. Только Аксия с огнём в сердце цеплялась за каждый странно лежащий камень или провалившийся лёд. Она просто не могла приехать ни с чем! И вот же удача для всех: глубоко под слоем льда и камней отыскался вход в широкую пещеру, из которой уходило множество проходов. Худо выглядело это место. Обвалы то и дело не давали ступить дальше пяти десятков шагов. Искатели подпирали верх везде, поэтому брусья быстро закончились. Было решено, что часть искателей уйдёт в ближайший лес делать новые.

Пока оставшиеся лениво копали проход, Аксия не могла усидеть на месте: ей не терпелось узнать тайны древних, найти другие пути внутрь. Как-то раз она ушла к реке с обратной стороны горы наполнить фляги и унять кручину. Её не покидала дума глубокая, что они все ищут не там. Наверняка есть и другие места, о которых так просто не узнать. Девица взбиралась всё выше по бурному течению, которое круто уходило вверх. Так можно было оказаться на самой вершине горы, но на одном из коварных камней нога Акси соскользнула, и юная дева полетела в воду. Холод в тот же миг сковал тело, перехватил дыхание. Почти сразу ударила головой, её опасно несло вниз через все острые пороги. Мысли покидали её, как и силы. Избитое и израненное тело девицы вынесло на камни прямо к узкому неприметному проходу в скалах, где вода была не такая бурная. Без памяти она доползла туда и уснула.

Когда открылись её зелёные очи, наступал закат. Мокрый и холодный камень обжигал щёку. Жгло всё тело, со лба капала кровь. Увиденное заболело взор больше, чем раны. Проход был чистым, и в нём на сводах горели маленькие самоцветы, словно освещающая путь. Похоже, что это очередной ход в пещеры, в которых жили Хосимы. Но почему так далеко от остальных? Новая буря огня захлестнула деву – она первая, кто видит подобное. Страсть как хотелось самой тут всё осмотреть, потом уже она расскажет о находках Мастеру и остальным. Но нужно как-то вернуться за огнём и инструментами, а нога болела сильно. Она сюда обязательно вернётся!

Чрез день Аксия высматривала все рисунки и руны на стенах тайного жилища. Факел в её руке полыхал тут ярче обычного, с ним она нашла три тесных и узких прохода. Они вели почти в одну сторону, но не в ту, где

остальные нашли одни завалы. Первый ход, самый левый из них, вёл куда-то вниз, и ходить туда решительно не хотелось – каменные ступеньки слишком скользкие и стёртые, а внизу давно всё залила вода. Девица-искатель бродила по среднему туннелю, пока не дошла до завала из мелких камней. Акции захотелось их разобрать, но они оказались тяжёлыми, хоть и были размером не более головы. Такое дело для девицы давалось с трудом. У самого свода открывалась щель, где можно осветить другую часть за завалом. Дева быстро забралась наверх, убрала камни и огнём разогнала тьму. Вот только взор застыл, и бросило в холодный пот: впереди лежала большая овальная комната и имела тёмное свечение, словно невидимые внимательные глаза сие мгновение наблюдали за ней. В центре, в окружении самоцветов всех цветов, лежал чёрный, как ночь, и блестящий самоцвет. В ужасе она бросила факел и ушла прочь на поверхность – стало тяжело дышать, и стены будто смыкались вокруг. Акия тут же решила вернуться к стоянке.

– Очи мои чтоб не видели никого тут! Ясно молвлю? Тут жуть творится, и до тех пор, пока я не очищу место, не подходить! Не то придушу! Впущу потом каждого сюды. Идите копать старое место. Весточку сей же час, как проход откроете! – Мастер перекрикивал даже реку, несмотря на свои почтенные лета. Грозная речь охладила гневные взгляды и мысли тех, кто хотел силой войти в новую пещеру. После ухода люда, Пиляй повернулся к трём самым верным и лучшим искателям: Винуру, Хсаная и Акции. – Вот... Ах да, в той комнате самоцветы не трогать, особенно тот, что в середине полёживает. Дурные мысли посещают меня при взоре на него. Руны запишите все до единой. Нам надобно узнать, какое послание нам дано. А ты, моя негодная, держи свой камушек подальше, не то худо случится. Лучше у входа оставь, кроме нас тут никто не тронет. Айда за дело!

Два дня дались нелегко: освободили комнату от завала, поставили факелы, записали на кусках бересты всё, что только видели и могли прочесть. Руны здесь означали новые слова, каких не было записано. Мастер от сильных дум высывал язык и вытирал лоб в попытках найти значения, но ответ ему не давался.

– Хсанай, скажи, а ты видишь, что камни сложены так, словно напоминают голову? – Акия задумчиво задала вопрос искателю, что устало сидел подле неё и всматривался своими маленькими очами вглубь комнаты.

– Больше на куриное яйцо, чем на голову. Я, будь моя воля, взял камень и посмотрел. Будь что будет! Так можно до старости гадать, что говорят эти руны, – низкий уставший голос мужа разносился по пещере и много раз отражался эхом.

– Мы так можем навлечь беду, с которой не знаем путей борьбы, мой друг, – тут заговорил уже Винур, что лежал почти у самого входа в пещеру. – Оставь такой подход к бою на коне, а тут иначе. Один мах руки – и худо. Там, думаю, пишется что-то о том, что из него не надо делать оберег, как из

других.

– А я думаю, что этот камень держит в себе... нечто на тьму мирскую похужее. Вон те руны говорят, мол, «чернь опустится на бытие». Дальше... не знаю, – девица задумчиво крутила уголёк в пальцах. – А что, коли тут...

Мысль не дали окончить резкие крики Мастера. Все трое искателей, как ветер, выскочили наружу. У входа стояло семь дружинников в кольчуге с мечами наголо, один держал за горло испуганного старика. У воеводы на шее висел яркий Оаль⁴, а на груди всех нашито солнце и гора – герб, кому служили. Молчание нарушили незванные гости:

– Именем Великого князя Велеслава, сообщаю, вы грязно ослушались грамоты сих земель. Нам непременно следует увезти всех вас на суд справедливый!

– Мы... мы искали древние кости, а нашли... – мастер Пиляй пытался говорить, но десница дюжего молодца не давала молвить и слова.

– Нам знамо все дела, коими тут ворочаете! Держать ответ перед князем нашим. Мужи, в телегу его, а с этими... бросьте тут, – воевода их махнул на троицу, что как вкопанная стояла у входа в пещеру. – В мешок все самоцветы, ходы древние порушить, дабы повадно не было остальным!

– Вы не посмеете! Не сдюжить с той силой, что таится внутри. Она сожрёт вас с костями, очернит детей до третьего колена. Вы пожалеете... – не своим низким страшным голосом заговорила Аксия, когда двое из дружины стали подходить к ней. Придать веса словам помог меч, что рука вынула из своих ножен. Винур и Хсанай в страхе достали свои клинки, пятясь к горе.

Гулко расхохотались все дружинники, особенно те, кто стоял ближе к пещере:

– Брось кочергу свою, ветрогонка. Гляди, Черногор, каки смелые! Убери, не то порубим на куски – мать родная не узнает! Не скаль зубы, ибо пригодятся тебе, когда от алчбы⁵ подыхать станешь, – они продолжали хохотать, когда девица подошла ближе и в мгновение ока рассекла шею первому ближнему недругу. И понеслась сеча...

Второй молодец оказался не быстрее первого, поэтому с рассечёнными ногой и лицом упал на камни, вопя от боли. Другие пятеро ринулись на искателей, выкрикивая грязные ругательства. Звенела сталь, лилась кровушка: Винур держал двоих, пока девица вводила на себя воеводу Черногора. Хсанай ловко дрался с двумя: он прыгал вокруг, уходил от недругов и сыпал мелкими ударами по ногам. Один молодец ослаб от ран и упал в реку, и его тут же течение унесло. Другой дружинник оказался хитрее и обманул коварными движениями, оборвал судьбу искателя. Двое, Аксия и Винур, держались спина к спине, повалили ещё двоих дружинников. Оберег

4 Красный самоцвет.

5 Алчба – голод.

у воеводы разгорался всё ярче, и удары становились яростнее, один такой взмах молодец-искатель отразить не смог – с могучей силушкой меч недруга опустил на грудь к самому сердцу, ломая кости. Девушка видела эту смерть. Кровь внутри закипела сильнее, нечеловеческий крик вырвался из уст. Клинок засвистел так, что глазу не увидеть. Страшный взмах оставил плечи ещё одного дружинника без головы.

Тяжело дыша, остались они вдвоем – Аксия и Черногор.

– Ха-ха... славный бой получился... Будет чего внукам рассказать. Доселе не видел, чтоб баба так мечом махала! Кто научил? Молчишь? Пусть. Твоя судьба – остаться здесь и сгинуть от моей десницы! – воевода улыбался, словно хищник. Его ум уже охватывал жар камня, что стучал на шее.

Сейчас он стал намного грознее, чем раньше. Красный самоцвет давал носящему силу всемогущую, но ловкость забирал и здравомыслие. Девушка понимала, что устала и не сможет продолжать бой. За пару прыжков она ушла к пещере, где тут же её настиг недруг. Она успела пригнуть голову от острия, что летело к ней. Железо отсекло рыжую косу и оставило порез на шее. Аксия неумело попыталась выбить меч у противника, но получила страшный удар ногой в грудь и повалилась внутрь горного жилища. Боль была такая, что хотелось кричать, но девушка скоро оказалась на ногах. Верный клинок остался снаружи, держался только кинжал за поясом. Враг тяжёлой поступью шёл за ней.

Горе девушке-искателю – прятаться оказалось негде, кроме места с чёрным самоцветом, где стояла непроглядная тьма. Там и решила затаиться. Черногор сопел и медленно ступал по камням, вглядываясь в каждый проход и давая глазам привыкнуть к темноте. Как только он нашёл чудное место, то сразу заговорил:

– Так вот оно как... Убогий и мелкий кусок камня, как и... – Аксия не дала ему договорить и напала из тени. Воевода только и успел, что вскрикнуть – коварный кинжал пронзил десницу, в которой держал меч. От второго удара в шею он увернулся, здоровой рукой схватил девушку за платье и швырнул в конец хода, где она ударилась о камни. От страшной боли она свернулась и зарыдала.

– Как я и сказал, ты сгинешь здесь... – воевода князя поднял оружие смерти шуйцей⁶ своей. Он подошёл к деве, занёс свой меч и всей тяжестью опустил его. Железо ударило о камень. Аксия поползла до кинжала и с трудом вставала на ноги. Между ней и недругом возник мастер Пиляй, который держал в дрожащих руках меч одного из дружинников:

– Утомонись, окаянный! Уходи и скажи князю, что ничего тут нет!

– Ага... и чтоб меня при людях вздёрнули?! Меня хозяин золотом одарит, землю даст в придачу! Не бывать тому!

6 Шуйца – левая рука.

Один широкий взмах израненного и безумного богатыря оборвал жизнь Мастера. Молодая дева успела только махнуть кинжалом, когда холодное железо пронзило и её. Наступила оглушающая тишина. Черногор свалился на землю – кинжал вошёл в висок по самую рукоять. Больше нет врагов, но жизнь утекала из Акции быстрее горной реки. Она только и успела надеть дядин подарок на шею, заплакать и упасть на холодный камень пещеры.

Чёрный самоцвет всё сильнее втягивал в себя свет факелов. Круг, что сдерживал его, больше не имел силы. Кровь пролилась на его грани. Затряслась земля, и страшный леденящий ветер задул с севера на юг, предвещая беду.

В своих прекрасных хоромах князь Велеслав не спал вот уже три ночи. Ни одной весточки не пришло с тех пор, как он отправил свою бравую дружину к северным горам покарать вольнодумцев, что хотели вразрез его воли искать редкие самоцветы. Ему не терпелось узнать, что произошло там. Он велел привезти мастера Пиляя живым, но чуяло сердце – не получилось. Стук конских копыт прервал его думы. Одиноким всадник скакал в кремль, Велеслав подпоясался верным мечом и спустился вниз в гридницу, где по обычаю принимал гостей. Двери уже были открыты, и посреди комнаты стоял незнакомец в сером плаще, голову покрывала накидка.

– Черногор? Это ты? Скажи мне что-нибудь! – удивлённый голос князя громко прозвучал в пустой комнате.

– Не-ет... – женский зловещий шёпот пронёсся в голове Велеслава. – Убийца... Ты... Убогое дитя...

На этих словах незнакомка вышла наружу. Ничего непонимающий князь выкрикнул стражу, спускаясь к дверям во двор. Он никогда не боялся, но увиденное бросило его в холодный пот: в ночной тьме у его палат стояли его три десятка бравых молодцев, но не шелохнулись. В центре них стояла незваная гостья с мечом наголо и медленно шла на князя.

– Дерись, и держи ответ за всё, что ты сделал! – шёпот стал гневным, полным ненависти.

– Да что ты такое?! Никто не смеет мне погибелью грозить! Я и есть по-ги-бель! – яростно выкрикнул Велеслав и ринулся на недруга.

Она играючи уходила от его клинка, вытягивая из него силы. В пылу боя князю удалось снять накидку с головы. Его взору открылось бледное лицо молодой девицы, полностью седой и с бесцветными глазами. На шее висел иссиня-чёрный самоцвет с зелёным свечением, размером не более игольного ушка.

– Вот что ты сделал со мной! – женский голос перешёл в крик. – Не знаю, кто я... Но знаю одно – твоя жизнь моя. И сей же час я заберу её...

Князь дрался, словно во всех доспехах, силы утекали из него чудовищно быстро. Одна ошибка дорого обошлась – в мгновение ока он лишился руки, а потом его крик резко прервался ударом меча в горло.

Она вынула клинок из бездыханного тела князя и бросила его на землю. Подошла к хоромам и села на пороге. Зарыдала горькими слезами, проклиная судьбу и то, как её жизнь повернулась. Молчаливая дружина продолжала стоять, глядя своими бесцветными глазами. Завыл холодный ветер.

Так начались худые времена.

Так началось правление Акции – великой княгини мёртвых.

КРИСТИНА РЕТИВЫХ, 1993 г.р., Иркутск

Родилась в селе Голуметь Черемховского района. Программист в сфере медицинских учреждений. Закончила школу № 1 г. Черемхово. Бакалавр по направлению «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем» в ИМЭИ ИГУ. Магистр по направлению «Информатика и вычислительная техника» ИРНТУ. Публиковалась в альманахе «Первоцвет», в сборниках Черемховского лито «Менестрель», «Молодые голоса». В 2014 году на молодежной литературной конференции «Молодые голоса» заняла I место в секции «Проза». Увлекается игрой на фортепиано.

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА

Второе место в номинации «Научная фантастика»

Объект ЛУ-25 радовал своей стабильностью. Я уже почти закончила обход и мечтала, как сменю тяжелые противорадиационные берцы на их легкие синтетические аналоги, когда на радаре раздался сигнал ВС. Тихо, чтобы не уловили датчики, ругнулась на старом полузабытом языке и раскрыла гироскутер. Кислорода и заряда хватит ещё на один час двадцать три минуты, потом смену нужно сдавать вместе со всеми незакрытыми событиями.

На путь у меня ушло семь минут и тридцать одна секунда.

Существо оказалось маленьким, похожим на колокольчик. Сидя на земле, оно недоуменно озиралось и ежилось от колючего ветра. На голове было два нароста, а вкупе с острыми локтевыми и коленными сочленениями оно вызывало устойчивую ассоциацию с птенцом. Может быть, и правда

птенец? Неужели ЛУ-25 вновь обзаводится собственной фауной?

Тем временем существо заметило меня и – ручаюсь – вздрогнуло и сжалось ещё больше, а я невольно отступила на шаг назад и нащупала Красную Кнопку – у птенца было человеческое лицо. Вот оно открыло рот и закрыло, брови сложились домиком.

– Активировать Детектион, – я не удержалась и вздохнула. Детектион сокращал запас энергии на три минуты и сорок семь секунд.

Замелькали цифры, забегали строчки и, неожиданно, иллюстрации исторической хроники. Наросты на голове назывались косичками, а разноцветные перепонки – тканью вида «ситец», а само существо – детёныш, тут я не ошиблась, – было самкой. Взглянув на классификацию, я вновь схватилась за пульт с Красной Кнопкой.

«Человек».

Детёныш тем временем вновь открыла и закрыла рот и уставилась на меня со смесью требования и страха в глазах. У меня в запасе были ещё пятьдесят девять минут и сорок восемь секунд, поэтому я включила микрофон, динамики и слегка высветлила экран перед лицом.

– Рх... Грх... ис? – голос у детёныша терялся в помехах. Аппарат был рассчитан на более низкие частоты.

– Детектион, – я мысленно попрощалась ещё с пятью минутами и тремя секундами, – автоподбор восстанавливающего коэффициента с учётом собеседника.

Существо – в исторической сводке детектиона написано, что таких называли «девочка» – шарахнулось от меня в сторону, и я запоздало сообразила, что выходной сигнал тоже подвергался преобразованию.

– Детектион, максимальная идентичность при передаче исходящего сообщения.

Бипер коротко просигнализировал о завершении операции.

– Итак, – я присела на корточки, не выпуская из рук пульт, – я слушаю.

Девочка косилась на меня с любопытством, испуг быстро прошёл и сменился надеждой. Так, по крайней мере, классифицировал её мимику детектион.

– Ты Лис? – она окинула внимательным взглядом мой костюм и тут же поправилась. – Здравствуй, ты – Лис?

Меня действительно называют Л Ис, поэтому, коротенько посчитав погрешность, я утвердительно кивнула.

– Ой, как здорово! – девочка подскочила и задергала кистями. «Хлопки в ладоши», – описал детектион едва заметной строчкой.

– Я тебя по-другому представляла, – тараторил в наушниках тонкий голос, а девочка меж тем бегала и кружилась, раскинув руки. – Я всё-всё о тебе знаю! Ты очень умный, мудрый и добрый...

Где-то закоротило контакты, и я едва уловимо вздрогнула от электри-

ческого разряда.

«Я всё-всё о тебе знаю!»

– Откуда? – я с сомнением окинула её взглядом и на всякий случай запустила сканер. Никаких считывающих или вычислительных устройств. Вообще никакой механики! Я подавила желание протереть экран.

– А мне дедушка рассказывал, – детектион классифицировал эту интонацию «безмятежной».

Дедушка? То есть, в ЛУ-25 есть и старшие разумные существа, сумевшие скрыться от радаров, датчиков и камер?! Существа, у которых в наличии есть собственные постовые и наблюдательные системы? Накопители информации?

Я сделала шаг назад и потратила пять секунд, чтобы рассортировать возникшие вопросы по приоритету в порядке убывания.

– А скажи-ка мне, – я аккуратно, чтобы не вызвать незапланированных реакций, сгруппировалась, – где сейчас твой дедушка? Где твои родители?

– А, – девочка неопределенно махнула рукой вверх, – они остались на своих планетах.

Я ощутила тошноту. Эта девочка точно не в себе. Однако, ни поврежденная радиацией разумная особь, ни инопланетная высадка, ни нахождение на ЛУ-25 разумного человеческого племени – что бы ни оказалось правдой, оно не было штатным завершением смены.

– Так, – я быстро просчитала варианты и заодно наложила на них межклассовую модель поведения с детенышами. – Ты знаешь, где сейчас твои мама и папа? Нужно отвести тебя к ним. Здесь... небезопасно.

Однако девочка, вопреки логике, вновь запрыгала, захлопала в ладоши и закружилась.

– Всё так, как говорил дедушка! – воскликнула она. – Всё точно так!

Детектион просигналил о коротком сбое в логической схеме. Я подавила желание потрясти головой и снова упорядочила вопросы по приоритету.

– И откуда же, позволь узнать, твой дедушка узнал обо мне? – Если сейчас окажется, что всё-таки на ЛУ-25 мы проглядели племя...

Девочка уселась прямо на голую, расчерченную трещинами, землю, и негромко начала рассказывать, выразительно заглядывая в мой экран.

– Давным-давно мой дедушка решил посмотреть другие планеты. Он был одинок, и на его планете было пусто, а дедушке нужен был друг...

Детектион замерцал, было, полупрозрачными строчками, но я свернула оповещения, мельком их просмотрев. Что-то старое и неисторическое, из раздела мифологорэпии.

– Когда он был на Земле, то встретил здесь сначала Змея, а потом Лиса. Или же это они встретили дедушку – тут как посмотреть...

Значит, всё-таки инопланетная высадка. Я вздохнула. Квартал будет закрыт с событием, и команда ЛУ-30 вновь окажется выше в рейтинге. Мелочь, а неприятно.

– Змей его и встречал, и провожал. Бабушка говорит, что он был очень милосердный – дедушке хватило одного укуса, чтобы вернуться, и то он его почти не почувствовал. А ты знаком со Змеем?

Зэт-эм-ий – это команда аварийной зачистки. До сегодняшнего дня мне доводилось с ними сталкиваться лишь на собраниях. Я пошевелила рукой с пультом, убедилась, что Кнопка на месте, и неопределенно мотнула головой – этот жест я подсмотрела у команды ЛУ-45 во время очередного выговора. Детенышке этой реакции хватило – скорее всего, она проверяла мою реакцию и включенность в диалог, и показатель её удовлетворил.

– Хотя бабушка говорила, что Лисы не дружат со Змеями. И что змей не может быть другом, – на лбу у детенышки собрались складки и тут же разгладились. Что это за сокращения? Подготовка к трансформации?

«Мимика, выражающая сомнение по поводу актуальной информации», – высветил детектион. Кажется, я нечаянно отправила в него запрос. Эх. Ещё минус 32 секунды кислорода.

– Бабушка вообще не любит, когда дедушка рассказывает про Землю. А дедушка любит про неё говорить, – продолжила девочка. – Он даже рассказал, как сюда прийти. Часто рассказывал про Лиса и вспоминал его. Говорил, что Лис научил его быть ответственным, хоть это и больно...

Детектион предупреждающе запищал, и я тут же установила беззвучный режим. В голове пронеслись мысли, но оформиться они не успели.

– Папа сказал, что мне нужно учиться ответственности. Поэтому я отправилась сюда, – закончила девочка.

– И как же ты намерена это сделать? – отчасти я задала вопрос, надеясь, что детёныш ещё не сформировал логическую структуру в мозге и в своем лепете выдаст цель вторжения.

– Так же, как и дедушка, – улыбнулась девочка и приблизилась ко мне. Только тут я заметила, что она сидела намного ближе, чем когда начала рассказ.

Я шагнула назад, но она всё равно меня настигла.

– Я тебя приручу, – всё с той же улыбкой сообщила она мне.

Она всё ещё улыбалась, когда я нажала Красную Кнопку.

После работы Зэт-эм-ий не остается даже земли. Только сухой серый пепел с минерализаторами по периметру и климаторием по центру. Я сидела на краю, подключившись к блоку питания вместо одного из устройств, и курила. Добыть древние человеческие самокрутки без электронных чипов – задача класса О в степени N, а на практике я справилась за семь часов

двадцать три минуты и шесть секунд. Перепрошить детектион удалось официально – это обязательная процедура инициатора ВС, так как в формулу расчета погрешности биологических показателей добавляется асимптотическая составляющая.

Я прихожу сюда уже семь дней. По моим подсчетам нарушение восстановительных работ произойдет, если я приду сюда шестьдесят четыре тысячи двести семь раз, отключив каждый из приборов не менее двадцати раз подряд. По статистике продолжительность жизни нашего вида меньше, так что....

Я глубоко вздохнула, затянулась и потушила самокрутку о ближайший работающий минерализатор. Прибор загудел, включил тягу и мгновенно всосал в себя бычок. Плюс ноль целых и три тысячных процента к улучшению экологии. Небо стремительно темнело, и мне показалось, что я даже различаю на нем красные всполохи. А может, это мой разум заполняет серую пустоту согласно теории белых пятен.

Я всматривалась в мерцающие точки, как и в прошлые разы. И уже щиплет глаза обезвоженный воздух, уже режет, а я... С неожиданной ясностью осознаю: я – мне непривычно страшно даже допустить такую мысль! – живая...

Картинка перед глазами расплывается, и детектион автоматически подключает оптические корректоры. Звуковой сигнал отключен – после перепрошивки он включится только в случае смертельной опасности.

Вернув себе фокус, я с необъяснимой болью всё смотрю и смотрю в эту бесконечность, гадая, где же среди них – Та Самая.

За спиной раздался шорох, и, честно, я даже почти не вздрогнула, когда сбоку мелькнула маленькая ладошка, и крохотный белый пальчик указал на неприметную точку:

– Вот.

**ЕКАТЕРИНА КУЙДИНА (СЕРЕБРОВА),
1991 г.р., Усолье-Сибирское**

Окончила ИГУ по специальности «Психолог». Магистр филологии ИГУ. Прозаик, пробует себя в написании сценариев и пьес. Работает корректором в газете «Земля Усольская». Публиковалась в альманахе «Первоцвет», журнале «Сибирь», в сборниках «Продвижение» и «Пускай услышат наши голоса». Победитель (2017) и третий призер (2018) конкурса сценариев короткометражных фильмов «Новый взгляд» от Иркутского филиала ВГИКа. Дипломант III степени Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018». Участник Школ писательского мастерства СФО в Кемерово (2019) и Красноярске (2020). Вошла в лонг-лист I Всероссийского конкурса драматургии «ASYL» (Казань, 2019), и шорт-лист конкурса «Лето любви... по Фаренгейту» (2020).

ПОСЛЕ ЗАКАТА

Второе место в номинации «Волшебная сказка»

На Снежную долину опускался розовый закат, окутывая верхушки гор и деревьев. Ребятишки с громким весельем на санках-лебянках раскатывались по домам – в однотипные сооружения с куполообразной крышей. Взрослые, кто с покупками, кто с работы, а кто просто прогуливаясь, степенно скользили на лыжах следом за детьми. На высокой горке подростки на сон грядущий красовались друг перед другом, исполняя трюки на сноубордах. По таким сугробам, как в их долине, невозможно было передвигаться без инвентаря, снег не сходил здесь девять месяцев в году. От мала до велика не имели понятия, что значит идти пешком.

Вот уже и старичок Фонарщик вышел в своих мини-лыжах, будто тапочках, зажечь ночной свет в уличных лампах. Лампы на коротких подставках стояли вдоль центральной улицы. Обычно, к моменту, когда старик Фонарщик зажигал последнюю, дворы пустели. Только глупец разгуливал после заката. Никто, даже самые дерзкие из подростков, не показывал носа из своих крепких домов.

Из леса раздался гул снегохода – лесник Тимофей тоже спешил в укрытие. Бородатый, плотно сбитый мужчина, выглядевший старше своих лет, вёз запасы хвороста. Тимофей знал многие тропки леса, но и он не рисковал задерживаться там после захода солнца. Потому что никто достоверно не знал, что там обитало. Он затылком ощущал, как ночное существо пробуждалось...

Скоро оно страшно завоет – не так, как волки. Опытные зоологи из соседней долины Солнца сравнивали этот звук с китовым пением (столь же раскатистый, громкий, мелодичный), но откуда было взяться морскому животному в лесу, где ни морем, ни даже озерцом и не пахло? Их лес простирался на сотни километров, лесник знал его лучше других, но всё равно недостаточно хорошо, чтобы хоть единожды встретиться с существом или его стоянкой и точно знать, что это. Тем более, что оно порой не тревожило их, куда-то исчезало на недели, но всегда возвращалось. Ночью существо выходило на охоту и бродило вокруг жилой зоны, и если бы не фонари с мерцающим, отпугивающим его светом, жителям было бы не спастись. Шаги его были настолько тяжёлыми, что земля содрогалась, как при четырёх-пяти балльных природных землетрясениях. Существо проявлялось то в одном конце долины, то в другом, его было невозможно отследить, но последнюю неделю оно выбрало их поселение.

Тимофей добрался вовремя – Фонарщик обошёл и осветил значимые точки вокруг жилой зоны, в небе воцарилась молодая луна. Он заглушил снегоход, уложил хворост под низенький навес и прошёл в дом.

Если посмотреть на жилища местных с высоты, можно решить, что это всего лишь большие сугробы, никак не дома. Но именно такие круглые логова помогали сохранять тепло. По центру дома Тимофея горел закрытый очаг, источая тепло, а пар уходил в узкий дымоход на круглой крыше. Из-за ограниченности пространства быт был скромн. Межкомнатных стен не было, вместо них имелись перегородки, через которые всё же можно было заглянуть такому высокому человеку, как Тимофей. В его доме были ограждены кухня, спальня для него и спальня матери, Дарья Игоревны – самая дальняя от входа.

Войдя и закрыв за собой люк, служащий дверью, он наспех скинул шапку, тулуп и валенки, оставшись в чёрном вязаном свитере, и направился к матери.

Дарья Игоревна выглядела болезненно: впалые щёки, усталые глаза.

Возле её кровати стояла миска с водой и полотенцем.

– Ты опять вся горячая, – Тимофей потрогал её лоб, с волнением усаживаясь на табурет рядом с ней. – Я отвезу тебя в долину Солнца утром.

– Не нужно, милый, это далеко, – возразила мама. – У меня обычная простуда, пройдет.

– У тебя не простуда, мам, – вздохнул Тимофей, опустив глаза. – Доктор ничего не знает, гораздо лучше будет добраться до теплой долины и подлечиться там. Остаться, если позволят.

– Мы не можем оставить дом, Тима. Климат другой, разрешение придется брать. У меня тут друзья...

– Мам, к тебе перестали заходить, как только ты заболела. В нашей идеальной долине никто не болеет, помнишь?

– Я не хочу уезжать...

– Это не навсегда. Но помощь нужна срочно, и без разговоров, мам.

Тимофей смочил полотенце и положил ей на лоб. В Снежной долине не болели простудой, не испытывали жара, не кашляли, максимум – чихали, у них был сильный иммунитет. И лишь старые справочники местной библиотеки помогли леснику понять, что примерно следует делать для болеющей мамы. Холодное мокрое полотенце и тёплый чай с ягодами – всё, что Тимофей мог предложить своему самому близкому человеку. И, конечно, этого было катастрофически мало. Он полагал, что в долине Солнца с жаром справятся лучше. Проблема была в том, что «солнечные» жители отгородились от «снежных» стеной, чтобы ночной монстр не проник к ним, и людей тоже не впускали на всякий случай. Прорваться к ним было непросто, но Тимофей надеялся на удачу.

Он попоил маму супом и чаем, уложил спать. Забрался на свою твёрдую дубовую кровать, на тумбочке пристроил свой основной рабочий инструмент – топор. С ночным зверем, шастающим в округе, надо держать ухо востро и не позволять себе проваливаться в глубокий сон.

С рассветом Тимофей мгновенно соскочил, заслышав крики с улицы.

– Кто там, милый? – послышался мамин голос.

– Ни о чём не беспокойся.

Он вышел на кухню, где имелось единственное окошко. Никакого движения лесник не заметил. Не слышал он ни характерного землетрясения, ни воя. Протяжно заиграла скрипка.

Прихватив топор, Тимофей осторожно выглянул на улицу. Прямо перед входом, стоя по колено в снегу, играл на скрипке соседский мальчик, семи лет. Лесник не помнил его имени, он не был общителен и не интересовался жизнью других, в отличие от его сердобольной мамы. По щекам мальчика текли и тут же застывали слёзы. Тимофей ловко вытянул его за рукав из снега и затащил в дом, оборвав мелодию. Мальчик всхлипнул, прижимая к груди скрипку. Тимофей отряхнул его от снега и спросил:

– Что стряслось?

– Мама пропала.

– Как это произошло?

– Мы спали дома. Потом люк вдруг открылся, холодно стало, как от сквозняка. Я заглянул к маме, а её нет.

– Люк закрыли?

– Да.

– Я отведу тебя в участок, – Тимофей принялся одеваться.

– Дядь, моя Ирка тоже ушла.

– Твоя сестра? – в голове лесника всплыл образ темноволосой девочки лет двенадцати.

Жители сами разбирали хворост и дрова, которые он собирал для всех, мог и мебель изготовить – вот и всё его «общение» с соседями. Ни приветствий, ни улыбки своим соседям он не дарил. А детей не знал вовсе. Тем не менее, Тимофею стало немного жаль мальчика.

– Ага. Она сказала, что маму забрало чудище, о котором все говорят. И утащило в лес.

– Чудище... Воя не было, шагов – тоже.

– Не было, – согласился мальчик как-то по-взрослому. – Но в доме был ветер. Я поиграл на скрипке, и он прекратился. Но мамы уже не было. И Ирка ушла за ней.

– На улице штиль, – рассуждал дальше Тимофей. – Ветер, что, был и после исчезновения матери?

– Ага. И до, и после.

– Тима, зайди ко мне, – крикнула Дарья Игоревна.

Мальчик вздрогнул от неожиданности.

– Моя мама больна. Тебе лучше уйти, – строго сказал Тимофей, почти выпроводив ребёнка.

– Не выгоняй Егорушку! – настаивала мама.

– Он и сам не захочет остаться, – буркнул Тимофей.

Мальчик, закусив губу, жалостливо смотрел на него. Вздохнув, он передумал выставлять его прямо сейчас.

– Жди тут, – бросил он ему, а сам направился к матери, уже будучи в верхней одежде.

– Егорушка говорит правду, – сказала мама, как только Тимофей заглянул. И понизила голос: – Когда монстр нападает, он неслышим и невидим. И только ветер гуляет в помещении.

– Разве?

– Последнее исчезновение было двадцать два года назад. Тогда пропали восьмеро наших, в том числе и твой отец.

– Что? Ты говорила, он умер?

– Потому что так оно и есть, вероятно... Об этом не вспоминают, что-

бы не сеять панику. Это создание бродит по всей долине. Но затем возвращается, шумит. И когда оно затихает, это означает либо то, что оно ушло дальше, либо... то, что оно снова напало.

Тимофей знал, что только ему по силам обыскать лес, туда никто долго не совался, и его разрывало от чувства долга перед мамой и необходимости помочь детям.

– Я должен увезти тебя.

– Обождёт.

Он смотрел на мать, только что расставшуюся с таким давним секретом. Она выглядела абсолютно не озадаченной этим, её волновала судьба чужого ребёнка. И Тимофей не мог винить маму в этом – до болезни она общалась почти с каждым в поселении, была отзывчивой на любые просьбы. Он легонько сжал её руку и вернулся к Егорке.

– Ладно, я поищу твою сестру. Она точно ушла в лес?

– Да, я видел...

Они с Егоркой вышли на улицу. Тимофей взял лыжи вместо снегохода, прикинув, что техника пройдёт не везде, да и топлива может не хватить. Перед своим уходом он отвёл мальчика к единственному человеку долины, которому доверял – Фонарщику.

Тщедушный старичок со сморщенным лицом нёс вахту целую ночь и сейчас готовился ко сну. Люк он, однако, открыл.

– У Егора пропала мама, а за ней ушла и сестра. Вы не слышали об этом? – спросил старичка Тимофей. Несмотря на внешний беспомощный вид Фонарщика, все в поселении знали, что он – отличный стрелок и сторож, абсолютно не из бойких. Недаром столько лет никаких исчезновений не случилось.

– Нет... – старичок выглядел растерянным. – Оно разве не ушло?..

– Мы не знаем, – Тимофей сохранял хладнокровие. – Я собираюсь это выяснить.

– Тебе понадобится подмога.

Тимофей знал, что никто не пойдёт в лес по следам ночного существа, да и ему лучше работалось одному.

– Нет, я прочешу лес и дотемна вернусь. Оно же неопасно днём.

– Никто не знает наверняка... – предупредил старичок.

– Я поищу сестру. А вы посидите с мальчиком? – Фонарщик кивнул.

– И... присмотрите за моей мамой, пожалуйста. Сможете?

– Конечно.

– Не брезгуете?

– Нет, с чего бы? Я к ней обязательно зайду.

– Спасибо, – выдохнул Тимофей. Теперь у него не осталось причин не идти.

– Возьмите скрипку, дядя, – вдруг сказал Егорка, протягивая ему

скрипку.

– А это зачем?

– Она спасёт вас от чудища.

Он и взял, неловко пристроив за спиной в довесок к топору.

– Только я всё равно играть не умею.

– Неважно, скрипка всё сделает сама, – ответил мальчик загадочно.

Тимофей также собрал с собой небольшой рюкзак с провизией, спички, верёвку – стандартный свой набор для выживания в лесу, но ни на какую встречу с ночным существом он и не надеялся. Отыскать бы девочку – это было реальным. За сим и оставил Егорку с Фонарщиком, выдвинувшись в путь.

На улицы поселения уже вывалили эльфы – создания маленького роста. Они не умели говорить на человеческом языке, что-то пищали друг дружке на своём. Эльфы различались по цвету – розовому и голубому, в зависимости от пола. Это были ценные помощники жителям – они целыми днями расчищали дорожки, прокладывали лыжню, убирались на горках и трассах, словом, содержали улицы в порядке. Их присутствие и существование было настолько естественным, что люди не задавались вопросом, откуда появились эльфы. Эти создания не образовывали семей, никто не видел эльфа-ребёнка, но их не становилось меньше.

Один из голубых эльфов поприветствовал Тимофея, махнув крохотной ручкой, в ответ он коротко кивнул. Он не знал, как с ними обращаться. А все мысли лесника были поглощены поисками Ирки: найти бы её невредимой, да поскорее.

Будучи взрослым, Тимофей дважды пытался отыскать ночное существо. Кое-какие следы он находил – четырёхпалые лапы размером со слоновьи. Эдакий волко-рысь-слоно-кит вырисовывался. Оба раза следы вели к одному и тому же месту, но затем терялись. Любой хищник возвращался на свою прошлую стоянку. В ту сторону Тимофей и отправился.

Лес был хвойный, пушистые ёлочки и сосны тянулись аккуратными рядками друг за другом. Вчера припекало солнышко, а ночью подморозило, и лыжи скользили отменно, не проваливались в сугробах. Можно было насладиться этим походом в удивительно тихую, безветренную для этих краёв погоду, если забыть о цели своей вылазки.

На сей раз незнакомых звериных следов Тимофей не замечал. А вот следы от детских лыж обнаружил скоро. Он нагнал девочку минут через срок. Оранжевый комбинезон замаячил и того раньше, но на крики Тимофея Ирка не реагировала.

– Ира! – снова позвал он и поравнялся с ней на лыжне.

– А, это вы.

– Ты не слышала, как я десять раз позвал тебя?

– Слышала. Ну и что? Я тороплюсь.

Он схватился за её лыжную палку, вынудив остановиться. Ирка выглядела воинственно, правда, яркий костюм и шапка с помпоном этому настрою не соответствовали.

– Поговорим? – спросил он.

Ирка с неохотой оперлась на палки, встав поудобнее.

– Нужно вернуться.

– Нет. Сперва я найду маму.

– Мне жаль, что она пропала, но твой брат не может лишиться ещё и тебя, – Тимофей протянул руку.

– Я не уйду!

– Ладно, давай, я провожу тебя, а потом сам прочищу местность.

– Я видела следы того, как её волочили... – сказала Ирка взволнованно. – А вы, похоже, не верите мне вовсе.

– Почему же, ведь всё-таки она и вправду пропала. Ты ребёнок, что ты сделаешь монстру, даже если найдёшь?

Она показала складной нож. Он подумывал забросить её на плечо и унести подальше.

– Ты погибнешь.

– Так помогите мне. Зачем вы пришли?

– Вернуть тебя домой.

– Вы ведь всё делаете ради своей мамы?

– Да, – он понял, куда она клонит. Ирка явно знала о нём больше, чем он о ней.

– А я верю, что выберусь, даже если... если мама... – Ирка всхлипнула, держась до последнего, – даже если не найду её, или будет поздно. Но я должна попытаться.

Папа Тимофея тоже исчез, но никто и не подумал его искать. Глядя на воинственный настрой Ирки, Тимофей не мог не проникнуться и не заужать её.

– Идём, – он перестроился перед ней и повёл за собой, не имея никакого плана.

Лесник свободно обходился без долгого общения и любил находиться в лесу, но в компании ребёнка, чья мать пропала, пребывать в молчании оказалось непросто. Звуки скольжения лыж по снегу не успокаивали, «переговоры» птиц вдалеке не увлекали, а интенсивный бег не бодрил – ничто из привычной обстановки не помогало ему не нервничать.

– Что вы любили делать с мамой? Наверное, готовить? – спросил он первое, что пришло в голову.

– Нет, она не любит готовить, – охотно отозвалась Ирка, бодро под-

страиваясь под его лыжный шаг. – Рисуем вместе, ходим поболеть на наш хоккей. Егорка вот не любит спорт, он у нас скрипач.

– А ты почему любишь хоккей?

– Это круто! Вам бы тоже понравилось.

– Я предпочитаю тишину.

– А ваша мама с нами тоже ходила.

Тимофей этого не знал. Он вообще многое упустил, как выяснилось... И жалел, что не отвёз маму пораньше в соседнюю долину, ведь он знал туда дорогу через лес.

– Мой папа тоже пропал в лесу, как твоя мама. Только очень давно, – поделился Тимофей.

– Сколько вам было? – в голосе девочки было сочувствие.

– Семь. Папа научил меня рубить деревья, сколачивать табуретки. Мы немало времени проводили здесь, разводили костёр, ночевали... – он никому раньше не рассказывал этого. – Тогда о монстре никто и не знал.

– Его... не было?

– Впервые раздался вой за день до его исчезновения. Мама сказала, это волки. Папа пошёл посмотреть и не вернулся – так она мне объясняла, я сам не помню, спал... В ту ночь пропали ещё семеро. С тех пор никто не пропадал до сего дня.

– Вы любили его?

Тимофей задумался. Ему не задавали такого простого, но одновременно трудного вопроса. Он мало помнил папу, хотя и проводил с ним достаточно времени, и такое серьёзное чувство как «любовь»... испытывал ли Тимофей его по отношению к нему?

– Мне его не хватает... – признался он.

– А я своего папу не помню, он рано ушёл.

– Ушёл?

– Ну да, в долину Теней, куда все уходят. Он заболел.

– Чем заболел? – Тимофей замедлил ход, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

– Лихорадкой, кажется. Мама говорила, никто не знал, чем лечить.

Он подозревал ту же болезнь у своей матери – это было ужасающее совпадение. Неужели и его мама так тихо и просто «уйдёт»? Ощувив опасность её состояния, лесник чуть не бросил девочку, но вовремя заметил подсказку. На полянке рядом с тропинкой снега было меньше, чем вокруг, словно кто-то его расчистил. Тимофей приблизился, воткнул туда лыжную палку, и та упёрлась во что-то. Он разгрёб снег и обнаружил люк. Они с Ирккой переглянулись и сняли лыжи.

Тимофей открыл люк, для чего не потребовалось много усилий. Вот так, бесхитростно, они обнаружили чьё-то логово. Ступеньки вели вниз, где было темно, но вряд ли зверю была нужна лестница, а потому они решили

исследовать убежище.

Факелы пестрели внизу, рисуя страшные картины на стенах. Они оказались в зале с высокими потолками. Тимофей приготовил топор – больно зловещей показалась ему обстановка. Но прежде, чем он подумал о том, что стоит отправить Ирку назад, перед ними показался высокий мужчина в мантии. Он медленно выходил из мрака на освещённое место, громко стуча каблуками по каменному полу.

– Как вы сюда вошли? – и он был возмущён.

– Это было несложно, – ответил на вопрос Тимофей.

– Вы чудище? – спросила Ира, пряча нож в руке.

– Как грубо звучит, – скривился мужчина. – Я – Его Святейшество Верховный Чародей Ордена...

– Колдун, – оборвал его Тимофей.

– Какие же вы невоспитанные.

Тимофею не нравился этот чародей. Мужчина неопределённых лет, неизвестно, для чего прячущийся под землёй, а значит, что-то скрывающий – это явно не тот, кто поможет им. Но, вероятно, именно тот, кто причастен к пропаже человека.

– Верни нам маму девочки, и мы уйдём.

– А вот это вряд ли, – колдун угрожающе достал палочку.

Тимофей побежал на него с топором, колдун взмахнул палочкой, и топор упал наземь. Ирка собиралась метнуть нож, но колдун применил магию и к ней, из-за чего нож выпал. Тимофей бросился на колдуна с голыми руками, чародей с помощью магии подвесил его в воздухе. Лесник вспомнил о скрипке и немедленно достал. Едва взявшись за смычок, он вдруг почувствовал пульсацию в пальцах и заиграл с таким мастерством, что и самому не верилось. Инструмент повторял трогательно-жалостливую мелодию, услышанную Тимофеем от Егорки. Колдун закрыл уши – звуки были ему неприятны, а то и губительны.

Чародей, несмотря на сложности, всё ещё сжимал палочку и контролировал магию, не давая Тимофею опуститься на землю. Тогда Ирка, покусав губы, бросилась на выручку. Она пыталась вытащить палочку из пальцев колдуна, который не сдавался, хотя и не мог убрать руки от ушей. Тогда Ирка с силой наступила ему на ногу, и колдун обронил палочку. Девочка успела её поднять. В это время грохнулся и Тимофей, скрипка выпала. Не теряя времени, он накинудся на колдуна, который уже едва не отобрал своё имущество назад. Ирка отбежала в сторону, а Тимофей по-простому, по-мужицки, заехал чародею кулаком по лицу. Колдун был сражён.

Девочка в это время вскрикнула, испугавшись за своего старшего товарища, и из темноты вдруг выбежали два эльфа.

– Убить их! – приказал эльфам колдун, приходя в себя на полу, но те не двинулись. По природе своей тихие и невинные создания не причиняли

зла людям.

– Бестолочи, – пробубнил колдун.

Тимофей связал колдуну руки, дотащил до стены и принялся расспрашивать. Теперь у него не осталось сомнений, кто стоит за бедами их долины.

– Где чудище?

Колдун усмехнулся, покачивая головой.

– Поддай-ка топор, – бросил Тимофей Ирке. Девочка подсуетилась и подала.

В её руке всё ещё оставалась палочка. Розовый эльф показывал себе на грудь, Ирка молча навела палочку на него, эльф кивнул.

– Тимофей, по-моему, эльфы хотят что-то сказать, – отметила она, не рискуя размахивать чужим оружием.

– Ты с ними что-то сделал? – грозно уточнил Тимофей у колдуна. – Мы не вернём тебе палочку и оставим тут, закрыв люк, если ты не заговоришь. А потом я найду твоего монстра и избавлюсь от него.

– Ладно-ладно, – сделал одолжение колдун. – Эльфы – это люди, я заколдовал их.

– Мама? – спросила Ира у розового эльфа. Тот кивнул. Девочка расплакалась, принявшись обнимать эльфа.

– Расколдуй их.

Чародей ухмыльнулся.

– Давай палочку.

– Сперва я убью монстра. Где он, здесь? – Тимофей постучал топором. – Идёмте, Ира, эльфы. Оставим этого негодяя одного, закроем в подземелье.

– Монстра не существует, это магия, – проворчал колдун.

– Что? – лесник склонился ближе.

– Нет его. Это моя долина, я хозяин земель и присматриваю за ними. Дороги должным образом не убирались, мусор не выносился, за деревьями не вёлся уход. Вы, людишки, распустились, вам было многое дозволено! Вот я и задумал эльфов, маленьких трудяг, вам же в помощь! Ну и себе оставлял парочку, для общения. Невзлюбили меня в деревне, и что мне было, веками одному сидеть?

– Ты бывал в деревне?

– В прошлом веке. Эльфы не могли продолжать род, долго они тоже не живут, вот и приходится обновлять, так сказать, их ряды.

Версия колдуна была дикой, но... имеющей свою логику.

– А монстр зачем?

– Если хочешь сохранить мир в племени, дай племени внешнего врага. Я и дал.

И в этом он был ужасающе прав: в поселении между собой почти не ссорились.

– Звучит странно. Значит, ты хозяин? И отбираешь у семей их мате-

рей и отцов? Что же за хозяин такой? Кто им тебя назначил?

– Никто не назначил, я эту долину основал. Я верну всё на свои места, – закатил глаза колдун. – Так и быть.

– Я лишился папы из-за тебя, – Тимофея начала душить злоба. – Мы все жили в страхе много лет!

– Возможно, твой отец ещё жив...

– Треснуть бы тебя хорошенько за все твои выкрутасы.

– Пожалуйста, не надо, – колдун зажмурился, увидев, как Тимофей поднял кулак.

– Дядя Тимофей, надо помочь эльфам, – напомнила Ирка, чем остановила его.

– Значит, ты здесь много лет? – продолжил расспрашивать Тимофей.

– Очень много...

– И существуют другие колдуны?

– Чародеи. Да, у нас Орден.

– И что они думают по поводу твоих делишек?

– Слушай, они не в восторге, правда. Обязуюсь всё исправить, только верните палочку. Я без магии долго не протяну.

– А если начнёшь вредить, то и с палочкой долго не протянешь.

– Я понял тебя.

Лесник дал колдуну палочку. Тот расколдовал своих эльфов. Розовый обернулся мамой Ирки, а голубой – одним из жителей поселения.

Они взяли колдуна с собой (ему пришлось пробираться пешком, как и расколдованным эльфам), и всю обратную дорогу Тимофея не покидала мысль, что его папа мог быть жив... а он проходил мимо и даже не подозревал.

В поселении жители не спешили покидать дома. Но когда чародей стал расколдовывать эльфов, и те возвращались в свои жилища, а кто-то из них торопился в соседние поселения долины, люди начали выходить. Ирка с мамой воссоединились с Егоркой, спасённый мужчина – со своей семьёй, и все они затерялись в толпе. С удивлением народ смотрел на колдуна, и только Фонарщик – с узнаванием.

Старичок подошёл к Тимофею и колдуну, который уже оглядывался назад, на лес.

– Ты ответишь за свои действия, я всё доложу Ордену, – сказал Фонарщик, неожиданно его голос зазвучал не по-старчески, а совсем иначе – твёрдо, по-командирски. – Ты же видел мои сигналы, зачем снова влез?

– Я всё исправил, – попытался дружелюбно улыбнуться колдун, но вышло жутковато.

– Из-за тебя эти люди потеряли покой, а в долине Солнца отказываются принимать нас, ты будешь наказан.

Колдун нацелил палочку на Фонарщика, но тот вовремя сориентиро-

вался и достал из кармана свою! Тимофей и жители ахнули: у них был свой чародей! Фонарщик сделал один лёгкий взмах и получил палочку неприятеля себе. Колдун не сопротивлялся: видно, их стычка не была первой, и оба знали силу друг друга. Двое мужчин по просьбе Фонарщика увели колдуна с глаз долой.

– Не волнуйтесь, больше никакого ночного монстра не будет, а долина Солнца откроет свои двери, я об этом позабочусь, – объявил Фонарщик собравшимся.

Народ возликовал и начал расходиться.

Фонарщик посмотрел на Тимофея.

– Прости, что не сказал правды и не пошёл с тобой. Я много раз пытался найти укрытие этого негодяя, но он знал это и укрывался от меня магией. Нельзя было говорить правду, ведь тогда люди утратили бы всякую надежду. Только такому смелому, доброму и уважающему природу человеку, как ты, лес мог открыть свои секреты. Лес помог тебе и направил, пока чародей был уязвим и расслаблен.

Тимофей только сейчас понял, что, несмотря на свои бесстрашие и физическую силу, он бы ни за что не справился, если б не помощь детей. Сейчас стоять бы ему рядом с голубыми эльфами и мести дорожки, замолкнув уже навсегда.

– Я мог и не выбраться оттуда, если бы не Ирка и не скрипка Егорки.

– Я дал ему скрипку, думая, что это он однажды отыщет логово чародея. Просчитался малёх.

Тимофея это не убедило. Он задумчиво смотрел на старичка, не зная, благодарить его или обвинять в бездействии.

– Твоя мама теперь сможет попасть в долину Солнца.

– Вы не знаете, как лечить её?

– Нет, увы.

– Вы могли бы и раньше помочь мне доставить её туда.

– Извини, это было невозможно.

Тимофей не успел договорить с Фонарщиком, к нему вдруг подошёл седовласый, бородатый мужчина, отдалённо похожий на его отца...

– Сынок... – проговорил он, и Тимофей тотчас узнал его. Фонарщик тихо ускользнул.

– Пап, – суровый лесник растаял, обняв папу, из рук его выпал топор, который он всё это время держал.

– Я провожал тебя каждый день до леса, перед твоей работой, – поделился папа. Тимофей вспомнил голубого эльфа, машущего ему, и пустил слезу.

– Я так люблю тебя, – сказал он то, в чём больше не осталось сомнений.

– Я тоже, сынок. Каждый день я мечтал вернуться к вам с мамой, но

ничего и сказать не мог. Я знаю о её болезни, мы сейчас же все вместе уедем.

Тимофей вместе с папой направились к дому. Грозный, неприветливый лесник улыбался, приветствовал местных, чем поражал их, он был счастлив – папа дома. И вместе они вылечат маму в долине, где всегда тепло.

А жители Снежной долины встречали закат на улицах, с позором выпроводив Хозяина в сопровождении чародеев безызвестного им Ордена.

ОГНИ

Третье место в номинации «Фэнтези»

Огни «скорой» устало мигали в темноте. Для этой бригады был последний на сегодня вызов: легковая машина лежала в кювете кверху дном. Место аварии оставалось неприметным, словно в слепой зоне, – ни полиции, ни напуганных свидетелей или жертв, ни проезжающих мимо автомобилей. Даже фонарей тут не было.

Пострадавший сам вызвал «скорую помощь», но крепкий ночной морозец лишил его последних надежд. На заснеженном поле рядом с покорёженным авто лежало тело, накрытое простынёй. Молодой фельдшер Игорь закончил с осмотром.

– Игорь Иваныч, как там у вас? – на трассе остался водитель «скорой».

Дабы не вызвать у напарника подозрений, Игорь подсвечивал себе фонариком при осмотре погибшего, хотя прекрасно видел в темноте.

– Умер!

– Плохо, – отозвался водитель без особых эмоций. – Ну, хоть на матч успеем. Успеем же? Полицию вызывать?

– Успеешь, Ильич, вызывай пока. Бумаги заполню и поедем.

– Добро!

Заполнить документы можно было и в салоне «скорой», Игорь, не чувствующий холода, предпочёл остаться на улице. Лишь ветерок мешал, сдувая его бумаги.

Игорь знал, что на станции скорой помощи ходят слухи о его странном поведении на подобных вызовах. За глаза на работе его называли «проклятым», «черным вороном», потому что подавляющее число выездов с его участием к больным или пострадавшим заканчивалось их смертью. Он не переживал из-за слухов, пока они таковыми и оставались.

Игорь отвлёкся на секунду от бумаг, глянул в поле и вдруг заметил девушку с длинной косой и пышным платьем до пят. Она кружилась в танце, подол платья обвивался вокруг её ног. Страшно-прекрасное видение на месте трагедии.

Но затем она приблизилась, красивая и реальная.

– Ты же не человек? – спросил Игорь, застыв с ручкой и документами

в руке.

Она склонилась над его ухом и тихо прошептала:

– Беда на плутовском пороге под номером «сто пять», дробь «тридцать два». Возможно, смерть.

Девушка исчезла.

Игорь пожал плечами: он и призраков встречал, и духов, удивляться было нечему. Вернулся к машине «скорой помощи» и подсел к водителю. Он начал тереть ладони, якобы замерзнув – продолжал соблюдать конспирацию. Полноватый мужчина в годах, Ильич, прибавил печку.

– Лучше бы ты поменьше торчал на морозе, Игорь Иванович. Это сейчас кровь молодая, горячая, а потом тебе тяжело придётся.

Игорь не слушал, а осматривал своё пальто на предмет лишних пятен. Ильич протянул ему газету.

– На, вот, я для тебя квартиру подыскал, как ты и хотел, поближе к станции.

Игорь взглянул на объявление, на которое указывал Ильич: «Сдам квартиру по Плутковскому переулку, 105. Семейное положение, национальность значения не имеют, можно с животными». Он записал номер телефона, про себя усмехаясь: вот это совпадение с названием и номером.

Они дождались приезда полиции, те повозмушались для приличия, почему их не вызвали до осмотра тела, но быстро поутихли: авария была рядовой. Игорь отдал им документы, и «скорая» поехала домой.

Игорь с трудом дотерпел до утра на старой квартире, даже не ложась спать: он жаждал проверить правдивость слов призрачной танцовщицы.

У квартиры «32» его встретил щедущий дедушка в изъеденном молью халате. Едва завидев эти цифры, Игорь взбудоражился ещё сильнее и совсем не слушал хозяина. А дедушка сообщил, что живёт наверху и будет за ним присматривать. Игорь поторапливал хозяина, что того удивило, однако все вопросы дедушки отпали, когда он получил наличные. Отдав ключи, он, смятенный и довольный, оставил жильца.

А Игорь в скромной двухкомнатной квартирке, обставленной по моде прошлого столетия, заулыбался в предвкушении: когда же явится убийца? Или произойдет нечто «случайное»? Может, ему встать у окна и распахнуть его? Свеситься вниз для верности? А что если завести соседа по комнате? Вышло бы ещё более захватывающе. Зазвонил телефон – очень вовремя.

Игорь пользовался старым кнопочным мобильником, куда не записывал номеров. Однако он узнал практиканта Ивана по голосу. Юноша работал на «скорой» третью неделю, но был до того заразительно оптимистичный, что хорошо запомнился Игорю. Юный практикант и его сестра нуждались во временном пристанище. Выслушивая стенания Ивана, Игорь осмотрел

гостиную и маленькую спальню: стандартный набор мебели, телевизор – большего и не требовалось. Он и предложил Ивану пожить у него.

«Я очень благодарен тебе, Игорь, что пригласил нас. Только скажи, и мы с сестрой уйдём», – распинался Иван.

«Всё в порядке, Вань. Приезжайте».

Игорю становилось всё веселее и веселее. Люди, животные, существа, духи – все тянулись к нему, как к доброму Дедушке Морозу, и никто с первых минут не мог догадаться об его истинной личине. Позднее кто-то прозревал, но большинство оставалось слепо. И это каждый раз было захватывающе. Но и помимо спортивного интереса, раскроют ли соседи его тайну, окажется ли среди них убийца, Игорь внезапно ощутил, что хочет компанию. Старых друзей он вспоминать не желал, а новыми не обзавёлся.

Они явились к вечеру. Высокий, плечистый Иван, лучезарно улыбающийся, несмотря на отсутствующий передний зуб. И его сестра Ася – несуразная, угловатая девчонка в наушниках и мужской одежде. У неё были красивые, наивные глаза, волнистые волосы, но общее впечатление портили её угрюмость и мешковатый балахон. Их с Иваном, казалось, ничто не связывало.

Игорь их встретил, проводил Асю в отдельную комнату, где она и затерялась. А Ивану помог разобрать вещи. У него с собой были коньки и клюшки, среди которых попалась клюшка серебряная. Игорь пошатнулся: единственной слабостью таких существ, как он, было серебро.

– Играю в студенческой команде в хоккей, – с улыбкой поделился Иван.

– И серебром тоже? – Игоря прошиб пот: он хотел лишь поиграть со смертью, а не встретить её с распростертыми объятиями.

– Нет, это талисман, – гордо пояснил Иван, вешая клюшку на стену. – Полгода назад подарили, сказали, что серебро защитит от беды и принесёт удачу. С начала этого сезона моя команда только выигрывала!

Игорь слабо кивал, едва слушая. Он неотрывно глядел на блестящую клюшку, висящую прямо над его спальным местом, и думал: вот она, его тихая смерть. Упадёт, пока он спит... Хорошо, что ему удавалось обходиться без сна несколько суток. Игорь представил, как кто-то приставил её, будто бритву, к его горлу. Вот только у клюшки нет лезвия. А серебро лишь обжигало кожу нелюдей, так что клюшка в роли убийственного орудия вряд ли сгодилась бы.

Он выдохнул, выбравшись из вязких мыслей. Выдохнул и ухмыльнулся: этот практикант и зверушку не обидит, какая он ему угроза? Надо же было так запаниковать.

– Игорь? – позвал его Иван.

– Отличная клюшка, Вань.

В ночь Игорь уехал на смену, а вернулся под утро. На кухне пила чай Ася – всё также в наушниках, в домашних растянутых штанах и застиранной футболке. Он хотел разговорить её, но вошёл Иван.

– Уже вернулся со смены? Как у тебя глаза не слипаются после ночных? Я и после трёх дневных часов работы на станции сам не свой, а ты в любое время свежий, как огурчик.

– В нашем деле главное – улыбка, – Игорь нарочито широко улыбнулся, вставая к окошку. – А ты привыкнешь. И либо перестанешь замечать усталость, либо тебе всё так надоест, что бросишь медицину ко всем чертям.

– Не, я свою будущую профессию ни на что не променяю. Ради этого хоккей подзабросил, а раньше мог сутками по льду гонять. Кто же людям будет помогать? – Иван взялся вымыть посуду, скопившуюся в раковине, и укоризненно поглядел на сестру. – Аська, ты же пару прогуливаешь!

Ася убрала один наушник, коротко взглянув на него. Иван повторил свою претензию, а сестра не только не ответила, но и вставила наушник обратно в ухо.

– Между прочим, очень невежливо сидеть в наушниках, когда с тобой говорят, – сделал он ей выговор.

– Оставь её.

– Она ленится. Ходит в хорошистках, а могла бы стать лучшей на курсе.

– Нет такого понятия, как лень.

– Вообще-то есть.

– Это отсутствие мотивации к той или иной деятельности. И тому всегда есть причина.

– Мне пора на тренировку, умник, – со смешком бросил Иван, расставляя тарелки в шкафчике.

– Зачем тебе тренироваться в хоккей, если ты без пяти минут врач?

– Нельзя бросать занятие на полпути. Я обещал доиграть с ребятами сезон, к госэкзаменам я от него освобожусь. Ну, до скорого.

Иван ушёл, погромев в коридоре своим хоккейным инвентарем.

Ася осталась сидеть на месте. Чуть покачивая головой, она уставилась в экран смартфона, не замечая ничего вокруг. Весь её мир умещался в наушниках и телефоне.

Игорь присел, поставив перед собой кружечку чая. Ася заметила, что они остались наедине, испуганно огляделась. Потом нацепила маску равнодушия и презрения ко всему окружению. Игорь умел удивлять других и, если нужно, очаровывать. Он скопировал её угрюмую гримасу и в воздухе нарисовал на своём лице клоунскую улыбку – широкую, до самых ушей.

Девушка улыбнулась уголком губ, опустила глаза в свой гаджет и снова чуть не ускользнула. Игорю это понравилось, и он пошёл в атаку – перевесился через стол и вставил её наушник себе в ухо. Ася от возмущения начала глотать ртом воздух и быстро нажала на кнопку «паузы».

– М-м, «Нирвана» – неплохо, но устарело.

– Гранж не стареет. И я слушаю не только их, – она ощетижилась, но ответила.

– А что ещё?

– «Радиохед», «зеппов», «марсов», ну и наших.

– Семидесятые, восьмидесятые и девяностые... Тебе сорок пять? – подколол её Игорь. И у него получилось – она вновь слегка улыбнулась.

– Семнадцать. В современной музыке нет души.

Бездушному Игорю фраза понравилась.

– Или просто требования к качеству музыки и текстов, культуре речи снизились. – Он протянул руку. – Игорь.

– Ася, – хмыкнула девушка, пожимая его ладонь.

– Ты на кого-то учишься?

– Поступила на юриста, закрыла первую сессию досрочно.

Ася не удержалась и уткнулась в телефон. Игорь уронил на пол кружку, возвращая её внимание.

– Любой обманчив звук, страшнее тишина, – напел он наверняка знакомую ей песню. – И в телефонной трубке эти много лет спустя одни гудки...

Она поднялась.

– Всё же уходишь? Не очаровал тебя?

Ася глянула на него с недоумением.

– Ты уработался, – и ушла.

В прихожей хлопнула дверь. Игорь насупился: вот так и заводи соседей, в итоге всё равно сидеть одному.

Прошла пара дней. Неумолимо приближался Новый год, а на Игоря так никто и не напал – как после такого верить красивым духам? У Аси начались каникулы, Иван тоже вот-вот заканчивал практику и тренировки – они чаще бывали дома. Один Игорь продолжал брать ночные смены и расстраивался, что ничего не менялось. А где же азарт?..

За ним приглядывал дедушка – хозяин квартиры. Однажды наведывался, несколько раз якобы случайно попадался на лестничной площадке. Вот и этим утром, после смены, Игорь столкнулся с ним на своём этаже. Вид у дедушки был самый невинный, но он явно что-то задумал. Ни слова не говоря в ответ на его вежливое приветствие, Игорь, косясь на дедушку, медленно зашёл к себе, плотно притворил дверь.

Ивана не было, Ася чаёвничала на кухне. Она что-то писала в тетради

и слушала музыку в наушниках. Игорь почти оставил её в покое, не представляя, что в ней ещё интересного, но из любопытства всё же мельком заглянул ей через плечо: да Ася талантливый художник! Он увидел серый, чёрный цвета на её рисунке, на нём бродяга брёл сквозь ветер и дождь к шалашу из коробок. Это была удивительно тоскливая картина.

– Прикольно, – сказал Игорь, обходя стол.

Лишь сейчас Ася его обнаружила и тут же прикрыла тетрадку.

– А? – она сняла один наушник.

– Отличный рисунок.

– Да это так, балуюсь.

– Довольно профессионально исполнено, – настаивал Игорь. Ася сняла и второй наушник. – Это не может называться баловством. Тема незаурядная – даже у бродяги есть свой дом, куда он стремится, несмотря ни на что.

У него тоже был настоящий дом, который он когда-то любил. Грустно стало Игорю, хотя он и не думал, что что-то ещё может так тронуть его.

– Просто в голову пришло.

– Покажешь другие?

Ася неуверенно протянула наброски. Игорь полистал: почти все рисунки в едином стиле и с минимальной цветовой палитрой, прекрасные в своём мрачном бытии, и он находил их истинно талантливыми.

– Ты не скрываешь своих эмоций, воплощая их в рисунки, и это похвально. Ты вкладываешь в них... душу, – он споткнулся на последнем слове.

– Моя семья не считает это серьёзным, – повела Ася плечом. Она поджала под себя ноги на стуле, ещё больше искривив и без того сутулую осанку.

– А ты?

Ася пожала плечами.

– Важно только то, что думаешь ты.

– Мне семнадцать. Моё мнение неважно.

– Ты определяешь своё будущее, а не твоя семья. Они советуют и желают лучшего, но жить-то тебе.

– Поддержка родных очень нужна... Я люблю учиться, и классическое образование не помешает. А рисунки... буду рисовать, как будет время.

– Мне повезло, я освоил немало профессий. Я был моделью, скульптором, сторожем в музее, искусствоведом, работал в ритуалке и в морге, и на кладбище, и разнорабочим... – Игорь вовремя остановился: ему было ещё много, что перечислять.

– Как ты столько успел?

– Я старше, чем выгляжу, и у меня много времени в запасе. У большинства живущих всё-таки нет.

– Сколько же тебе лет?

– Не поверишь, – он обожал эту игру, в которую всегда выигрывал.

– Ну?

– Сто тридцать семь.

– И генетика, и пластика, оказываются, далеко шагнули, – усмехнулась Ася.

– Ты угадала.

Она рассмеялась, Игорь притворился, что тоже. Он знал способ сохранения молодости и уже думал, не поделиться ли им с Асей. С этой милой, запутавшейся девушкой.

– На самом деле мама с папой мне доверяют больше. А вот Ванька бесит своими нотациями. Он считает себя умнее всех. Он так легко расстался с мечтой о хоккее! А я хочу рисовать. Рисовать всё время, – разоткровенничалась она.

Игорь рассматривал её, склонив голову: рассказать или нет?..

– Ты бы хотела иметь достаточно времени? Чтобы успеть реализовать всё, что пожелаешь?

– Об этом можно только мечтать.

– А если за это придётся отдать душу?

– Как это, отдать? Но ведь в душе весь смысл? Разве захочешь что-то делать, оставшись без души?

Игорь задумался: а ведь он давно не испытывал ярких эмоций – восторга, творческого вдохновения, страсти... У него зазвонил телефон – в самый неподходящий момент.

Однако, едва услышав голос абонента, он поспешил закрыться в ванной, приглушая разговор включённой водой.

«Мечников, для тебя есть задание», – сиплый голос был неприятен Игорю до мозга костей.

Он огрызнулся: «Я взял паузу, что, память короткая?».

«Не гунди. Это Граф приказал».

«Мне никто приказов не отдаёт».

«Ну, попросил. Он же ненавидит телефоны, зайди к нему. Нам свежак попался сложный, помоги Графу с ним. Не будь гнидой, как обычно».

«Так ты называешь яркую личность? Ну и ну. Ладно, Пустопорожнев, я помогу Графу».

Игорь сбросил звонок. Он надел пальто и умчался. Чего бы он сам ни хотел и как бы ни избегал сородичей, а своих надолго бросать было нельзя.

Игорь не любил машины и не понимал, для чего это вообще изобрели, если из-за их массового скопления такие пробки на дорогах, что никуда с ветерком не доехать. Он предпочитал метро.

Через четверть часа он доехал до нужной станции. Вышел из вагона и дошёл по платформе до двери, куда «вход запрещен».

Спускаясь всё дальше и дальше, он по шею погружался в запретную зону, где было всё просто: под подземкой уместилась ещё одна подземка. Сырая и более холодная, дурно пахнущая. Несмотря на это, Игорю тут нравилось: здесь было гораздо тише, чем где-либо в городе, даже стук вагонов метро не отскакивал от стен. Пищали только крысы, да и те встречались редко. Просторно, приятный полумрак и застывшее время. В этом пространстве было бы приятно жить, если бы не нудные и тупые типы вроде Пустопорожнева.

– Добро пожаловать домой, – негромко объявил Игорь и напел под нос прицепившуюся песню: – И лампа не горит, и врут календари...

Подземка была поделена на несколько комнат и помещений. В первом блоке находилась лаборатория, ради которой он сюда и пошёл. Всё было, как положено: стерильная зона, доктора в халатах и масках, оборудование, кушетки и много-много холодильников. Доктора были заняты и никак на Игоря не отреагировали. Он сам вколол себе шприц с голубой жидкостью – это она спасала их всех от скорого старения.

Затем он пошёл дальше по холодному коридору мимо закрытых железных дверей, пока одна из них не распахнулась перед его носом. Щуплый Пустопорожнев, сощурившись, сделал приглашающий жест в камеру для провинившихся.

– Пройдите к свежаку, сударь, объясните ему, как себя вести, – протянул он в издевательской манере.

– А ты уже не в состоянии двух слов связать?

– Ты у нас постоянно контактишь с людишками, тебе и распинаться перед свежим мясом.

Он услышал, как из камеры доносились плач и стоны.

– Почему ему так плохо? Ему сделали инъекцию?

– Да. И мы не знаем, почему плохо, – Пустопорожнев нетерпеливо мотнул головой в сторону двери.

Игорь пожалел свежака и всё же зашёл. Неприятель удалился. Игорь еле разглядел свежака, съёжившегося на полу сырого помещения. Он поднял на него болезненно красные глаза, всхлипнул и вцепился в ноги. Игорь лениво сбросил его.

– Успокойся, я помогу.

Упитанный молодой человек – это ненадолго, скоро он отощает, вспоминал Игорь. Скоро не будет ни тяжёлых переживаний и душевных страданий, ни сердечных приступов, ни рака... ни смерти. Конец настанет, но так нескоро, что устанешь ждать. Не будет ни голода, ни холода, только пульсирующая в висках жажда. Жажда по чужим душам. Но это – плата за долголетие.

– Мне так паршиво, – простонал свежак.

Игорь помнил все его чувства, которые тоже испытывал, как вчера,

хотя с ним это произошло сто одиннадцать лет назад. Такое так просто не забудешь. Правда, он сам согласился на это...

– Терпи, – сказал Игорь. – Сутки осталось пережить.

Он наклонился и проверил пульс, осмотрел глаза: превращение проходило медленнее обычного, но отклонений не было.

– Что со мной такое? – спросил тот. – И почему у вас зрачки... белые?

– Они и у тебя будут белеть ночами, особенно после подпитки. Сейчас ты ни жив и ни мёртв.

– Кто же вы?

Свежаки встречались туповатые, учитывая их шоковое состояние, но, чтобы настолько...

– Бездушные, – Игорь закатил глаза: он разъяснял прописные истины в сотый раз. – Однажды, в стародавние времена один ведьмак сотворил такую чёрную магию, что сам себя проклял и лишился души. Он думал, что погибнет, но чары удержали его среди живых, и ведьмак возрадовался внезапно открывшейся ему тайне вечности. Он подстраховался и поглотил несколько других душ – силы его возросли! Он научился создавать себе подобных, от него и появилась наша каста Бездушных. В наше время нам уже не нужно применять чары. Достаточно сделать маленький прокол у сердца умирающего и забрать его душу, подпитаться. Если не пропустишь инъекции от тления, и наши доктора не начудят, то проживёшь долго.

Он сам не заметил, что заболтался и пропустил, с каким ужасом на него смотрел свежак.

– Тебя превратили против воли, – понял Игорь со вздохом. – Потому меня и послали. Идиоты. Ладно, послушай, – он взял его за плечи, свежак испуганно сжался, – ты быстро разберёшься, что к чему. Запомни главное: назад не свернёшь, придётся справляться. Будет тяжело, но это надо сделать, если не хочешь стать слюнопускающим зомбаком. А вот если постарайся, сможешь получать сплошное удовольствие от долгой жизни.

Свежак смотрел на него пустым взглядом. Игорь встряхнул его.

– Это что же, у меня больше нет души?..

– Теперь ты свободен.

Парень помолчал-помолчал, а потом заорал, отчаянно отбиваясь от Игоря:

– Что вы со мной сделали?! Нехристи!

– И чёрный кабинет, и ждёт в стволе патрон. Так тихо... – напевал Игорь себе под нос, чтобы приглушить крики.

Он обладал небывалой силой и мог легко уговорить его. Но дал новенькому прокричаться. Иногда каждому из них требовалась эмоциональная разрядка. А уж тем более, когда услышишь столько вранья, пусть и убедительного. Единственное, в чём он не солгал – пути назад нет. Ни у новенького, ни у кого-либо из них в этой подземке.

Он оставил его в камере: свежаку нужно время. Больше ничем ему помочь было нельзя.

Игорь направился в приёмную главного – Отца многих местных и не только бездушных, или, попросту, Графа Вронского.

Граф одевался по моде девятнадцатого века, следуя всем стереотипам из бульварных романчиков про вампиров – родственного им древнего класса. Но он вправду любил фраки, сюртуки, накрахмаленные воротнички и рукава, а от запаха крови его воротило... Мебель в приёмной была под стать – настоящий антиквариат, и даже ковры были постелены исключительно для полноты интерьера, чем для реальной надобности. Граф председательствовал за шикарным столом, при нём находилась охрана.

Напыщенный вид сразу выдавал в Графе главного и без каких-либо атрибутов.

– Это кто к нам зашёл? Неужто сам Игорь Курлытов, горячий поклонник научных теорий Мечникова? Помнишь, как ты первым поверил, что срок службы наших тел можно продлить? Лечить их, будто от инфекции? Даже в медицинский пошёл учиться, формулу вывел. У нас с тобой всё получилось. Что же ты забросил старика?

– Что мне у вас делать? Рожи ваши постные наизусть знаю.

Бездушная охрана напряглась, но не тронулась с места.

– Не звонишь, не пишешь, – прозаично продолжил Граф.

– Заведи телефон, папаша. И мне давно неинтересен этот Мечников, наши достижения не связаны с его теорией. Лишь его мысль, что человек избавится от страха смерти, если в нём пробудить инстинкт естественной смерти, была близка к истине.

– И ты теперь ощущаешь потребность небытия? Пресытился? Ты говоришь с последним графом Российской империи, при котором балльным танцам в реках шампанского конца и края не было, и я не пресытился ни капли.

– Кто сказал, что я пресытился?

– Я и так понял. На работу ходишь, соседей подселил. Ты же забрал души предыдущих, а потом сокрушался. Для чего снова?

Игорь не собирался рассказывать, что хотел поиграть со смертью и намеренно впустил домой человека с серебром, а девушке Асе подумывал оказать милость и спасти от душевных мытарств. С предыдущими он ошибся, но в этот раз всё пройдёт добровольно. Он избрал лучшую защиту – нападение:

– А вы зачем обратили этого несчастного? Он не хотел.

– Опять одни претензии, – Граф был недоволен. – А на ком инъекции испытывать? Своих надо держать, Игорь, а не цепляться за смертных. Меньше соблазна будет.

– Я помогаю людям: умирающим – не чувствовать боли, а здоровым,

но заблудшим и мечущимся даю право выбора. Не забираю душ и не обращаю насильно, как вы, – в это Игорь сам верил.

– Себе-то не лги, нельзя дружить с теми, кто ниже нас в эволюционной цепочке.

Это был их старый спор, у которого не было решения. Игорь и сам до конца не определился, что правильно, а что – нет.

– Зачем звал-то?

– Домой тебя вернуть. Ты нам нужен.

– Мне пора, Граф.

Один бездушный дёрнулся за Игорем, но Граф дал отмашку...

В подъезде стояла небывалая тишина, будто он по-прежнему находился в подземке. И дедушка-сосед не мешался под ногами, и пёс на первом этаже не зашёлся лаем...

– И где-то хлопнет дверь, и дрогнут провода... – всё не уходила песня из его головы.

Игорь повернул ключ в замке квартиры, сделал шаг и... Он отвлекся на шайбу, словив её рукой, и пропустил удар серебряной клюшкой по лбу и носу. В глазах заискрило и потемнело, жалящая боль прошлась по всему телу, и бездушный упал.

Он пришёл в себя на диване. Слышал с кухни голоса Аси и Ивана. А перед собой видел её – девушку с поля, с длинной косой.

– Таким ударом меня не убить.

– Это предупреждение от Смерти. Она злится, что вы рушите законы бытия: сами не умираете, создаёте своих, а, убивая, поглощаете души в себе. Ваши же души осели в Чистилище балластом.

Он вдруг понял, что она – не дух, а вила – предвестница смерти.

– Триста два года – пока наш рекорд, пусть Смерть просто дожждётся, – усмехнулся Игорь.

– Не играйся с ней, она не отступит. Вы, бездушные, не самые высшие существа во Вселенной.

Ася и Иван возвращались в комнату – их голоса стали громче. Вила тут же испарилась.

– Не живи мечтами, – ругался брат на сестру.

– Ты мне завидуешь, – бубнила Ася, – в хоккее тебя не ждёт слава. А мои рисунки станут известны всем!

Иван хотел возмутиться в ответ на слова сестры, но заметил очнувшегося Игоря и взволнованно подошёл к нему со стаканом воды.

– Ты как?

– Жив, – хмыкнул Игорь.

– Прости, это я тренировал Асю, она случайно бросила в тебя и шай-

бу, и клюшку.

– Я испугалась удара, – она виновато потупила взгляд.

– Бояться не стыдно. А вера в успех и попытки по его достижению творят чудеса, – произнёс Игорь и осушил стакан залпом. – Не принесёшь мне ещё воды?

Иван убежал на кухню. Игорь похлопал по дивану, предлагая Асе присесть. Она подчинилась.

– Не спорь с братом, – тихо сказал он. – Не трать на это время и энергию. Ты веришь в перерождение души? Когда-нибудь я расскажу тебе об этом...

Игорь озадачил Асю, но решил не спешить. Пока не время, она не была готова.

Вернулся Иван.

– Ёлку-то будем ставить, ребят? – сменил тему Игорь.

Ася и Иван с улыбками переглянулись: хоть в чём-то они были единомышленники.

– А мы уже, – поделился Иван, показывая налево.

Игорь приподнялся, чтобы взглянуть: у окна и вправду стояла маленькая ёлочка, украшенная гирляндой.

– А игрушек у деда попросим, – предложил он.

– Какого деда? – спросил Иван.

– Наверху живёт. Хозяин, он к нам заходил.

– Над нами никто не живёт, и никакой дед не заходил, – удивлённо отозвался Иван. Ася тоже выглядела растерянной. – Ты что-то путаешь.

– Точно, мне показалось, – быстро ответил Игорь. Медленно, но верно всё вставало на свои места: похоже, дед тоже был слугой Смерти.

Ася включила гирлянду в розетку, Иван погасил свет. Игорь смотрел на огоньки в темноте и с улыбкой подумал: игра не окончена...

ИЛЬЯ ПОДКОВЕНКО, 1998 г.р., Иркутск

Родился в Братске, Иркутская область. В школьные годы состоял в скаутской дружине Организации российских юных разведчиков. Именно в скаутском лагере написал свое первое серьезное стихотворение, хотя пишет с начальной школы. Окончил Православную гимназию во имя святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Исторический факультет ИГУ по направлению «История». Активно участвовал в деятельности литературного клуба Исторического факультета «Разные звуки» и был его председателем. Интересуется политикой и этнорелигиозными аспектами человеческого общества. Профессионально изучает литературную историю Приангарья и стихи как исторический источник. Работает учителем и репетитором истории и обществознания. Призер зрительских симпатий нашего региона в рамках «Всемирного Дня Поэзии – 2019» и III место во всероссийском конкурсе «Времена года: Лето красное!». Автор проекта сборника стихов молодежных авторов «Иркутск. Хроника молодости» и «Иркутск. Хроника в рифмах». Совместно со своей женой Александрой в 2019 году создали и возглавили творческое объединение «Неоклассический Синдром».

ПУТЬ ХОЛОДА

Третье место в номинации «Научная фантастика»

Снегоходы двигались тихо. Один заметно впереди, двое по центру и еще двое друг за другом чуть позади них. Последний вез на прицепе снаряжение для похода.

Стандартная схема для вылазки.

Ермак, несмотря на юный возраст, уже заслужил статус опытного экспедитора. Снежные степи, редкие деревья и заброшенные деревни завораживали его сердце. Кошмар погибших городов и режущая чистота Байкальского Бункера его почему-то отталкивали. Хотя за возможность поселиться в Бункере некоторые были готовы грызть чужие глотки.

Снежные степи успокаивали, а за мгновение до того, как человек про-

снется, они пели. Что-то неуловимое, мягкое и успокаивающее было в той музыке.

Их группу сформировали несколько дней назад. Ермак, хотя и имел койко-место в Бункере, предпочитал Иркутск. Там жизнь кипела, там ломались судьбы, оплакивали замерзших. Байкальский Бункер же, казалось, не имел души. Только цель. Спасти остатки цивилизации, всего, что сохранилось в его недрах.

– Федя, ты правда думаешь, что все ресурсы Иркутской области ушли просто на Западную Россию? Тут целая жизнь кипела под Байкалом! Целый город! Конечно, он жрал ресурсы, как свинья корм!

Разговор профессора Никитина с отцом Ермак запомнил детально, хотя был совсем ребенком. Что такое свинья, он в том возрасте не знал. Но отец тогда выглядел крайне озабоченно, и ребенком Ермак решил, что свинья — это какое-то опасное чудовище. И что его папу позвали всех спасти. Никитин практически случайно встретил наемника Федора, с которым они имели дела во время войны. Вместо разборок торговцев, борьбы за ресурсы и суровой профессии солдата Федор, не задумываясь, выбрал службу Бункеру.

Ермак хорошо запомнил отца, каждый седой волос на его аккуратно стриженной бороде. А усталый, но твердый взгляд зеленых глаз вселял уверенность в самых критических ситуациях. Федор провел полтора года на западном фронте, а потом, когда противник прорвал дальневосточный фронт, его со всей семьей перебросили на восток. Мать говорила, они готовились как-то помочь осажденному Владивостоку, хотя вражеские солдаты уже угрожали Чите. Не случилось.

Что именно произошло – на улицах Иркутска гадали до сих пор. Ермак знал – климатическое оружие. ПВО сбили почти все ракеты противника, а вот некоторые другие его разработки оказались действенными. Впервые увидев ролик, на котором показывали историю последней войны, Ермак восхитился мощностью ядерного оружия. Как-то не верилось, что человечество было способно такое создать и облачить в металл. Хотя вызвать тридцать лет нескончаемой зимы на огромной территории смогло же?

– Внимание, надо дозаправиться, – отозвалось в рации. Отряд остановился.

Пока Виктор шел до прицепа за топливом, Ермак ушел на обзор. Приборы инфракрасного видения отлично помогали ориентироваться в темноте. Двигались в основном ночью из-за бандитизма и хищников. Да и лишние свидетели ни к чему. Снегоходы – «вкусная» добыча для любого искателя наживы, в основном люди пользуются оленями. С другой стороны, снегоход – признак силы и отношения к сохранившейся власти региона. Но рисковать не стоит – холод доводит людей до отчаяния.

Дальше предстояло заехать на холмы, преодолеть остатки чащи. Де-

ревья за столько лет перемерзли – большинство не годилось даже для костра. Оттого прицеп знатно тормозил продвижение группы.

– Еремка, что заскучал? – Шаман имел натуру смешливую. Многие считали его несерьезным. Но когда доходило до дела – он творил чудеса.

Будучи метисом, Шаман приобщился к русской культуре, хотя большинство народа его отца вернулось к кочевому образу жизни, разводя стада оленей и торгуя. В то же время прозвище появилось у него не на пустом месте. Подростком Галдан сильно заболел и оказался при смерти. А потом исчез. Через три года вернулся, говоря, что стал шаманом. Так прозвище и привязалось.

– Любуюсь видом.

– Через тепловизор?

– Я его отключил.

– Значит, плохой из тебя разведчик, Еремка. А если с того холма рысь на тебя смотрит?

– Значит, мы ее усыпим и засунем в ящик. Шам, не нервируй.

Лицо собеседника скрывала маска, но Ермак знал, что Галдан улыбается.

– Что Виктор говорит по поводу этого всего?

– Что, кажется, зима затянулась, раз тигры с Амура к нам прут. Но он пока в этом не уверен.

– Зря ты так со стариком, Галдан. Виктор – хороший человек.

В ответ прилетел смешок.

– Он машина. Ради высшей цели он всех нас зажарит и съест. Но, надеюсь, до этого не дойдет. Духи разрешают есть человечину только зверям. – Рука Шамана потянулась в привычном жесте к его хитросплетенной бородке, но одернулась – лицо скрывала маска.

После недолгого привала продолжили путь. Ермак поехал первым.

Машины плавно шли по мягкому полотну. Что в городе, что в степях ночь дарила покой. Остатки жизни на этой земле замирали в ожидании слабых лучей света. И только сильные не боялись наступающей темноты. И это чувство собственной силы дарило особое спокойствие.

В новом мире реки замерзли, но оставались в тайге ориентирами – на их месте шла ровная дорожка снега среди деревьев.

– Ермак, ну ты и забрался! Мы обойдем, рисковать не будем, – раздался в рации голос Виктора. – Встретимся на съезде. Вроде как чаша должна кончиться. Как слышно?

– Принял.

Начинались горы, а это трудности для маршрута. Подъем сменялся съездами и наоборот. Снегоходы работали отменно, но порой приходилось объезжать склоны или кучи обвалившегося снега. Дорога через чашу затянулась.

– Ермак, как обстановка?

– Как в восемьдесят четвертом шестнадцатого века – пока живой, – После войны культурного коллапса не случилось. Наоборот, местный колорит разросся, а имя завоевателя Сибири стало популярным. И присказки из его жизни тоже.

– Глупые у вас шутки.

– Какое поколение, как говорит моя мудрая мама, такие и шутки, – в рации появился голос Шамана.

– Не очень-то мудрая, раз не скормила тебя холоду в детстве, – съязвил Беспалый.

– Пф, а кто тогда твою Наташку утешал бы, пока ты в вылазках?

– Шам, я те уши в ноги запихаю!

– Так, замолчали! Оба! – Виктор отличался строгостью. Тоже из довоенного поколения, тоже воевал.

Ермак, как и остальные, засмеялся. Рация была включена, и это его спасло.

Справа раздался шум ломающихся деревьев.

– Ай...

Среагировать Ермак толком не успел. Первая мысль – схватить пистолет, вторая – увести снегоход в сторону. Этой доли секунды и не хватило, чтобы спастись от удара.

Что-то большое и твердое сшибло его из сиденья, выбив дух. Мир накрыла тьма.

– Держись, браток, залатаем. Только выбраться надо. Скоро рассветёт. Вы долго там с костром копошиться будете?!

Опять темнота. Но это был Шарик, их медик. Гена Шариков – дети особо не думают над погонялами. Так и закрепилось с малых лет, что он «Шарик». Прозвище Гена до сих пор не признавал и злился, когда его так называли. Чем, в свою очередь, пользовался Шаман.

Проснулся он от боли. Дыхание сжимало, было тесно – не шевельнуться. Началась паника. Ермак сам никогда не плавал, но не раз представлял, каково это. Сейчас он подумал, что тонет – никак не удавалось определить свое положение в пространстве.

– Эй, эй, стой! Лежи, в смысле! Все в порядке, это я, Беспалый! Ермак, ты жив, все хорошо!

– Что... случилось?

– Олень, прикинь? Любит тебя всякая животинка. Да, Шаман?

– Знаешь, что духи говорят?

– Что я атеист?

На голову опять накатила темная волна. Живот схватило в спазме, но

он оказался пуст.

– Выпустите... – Каждое слово давалось с трудом.

Как оказалось, его душил спальный мешок.

Снегоходы расположили в круг, гуляй-городом. Внутри поставили палатку и разожгли костер. Шариков сомневался между ушибом и переломами, но однозначно у Ермака было сотрясение. Глупая ситуация получилась. Ермака это коробило. Он, так лихо пробиравшийся в любую точку снежных степей, чуть не погиб из-за оленя. Будучи вооруженным и на транспорте.

Под вечер пришла делегация кочевников. Пятнадцать человек вооружены луками, винтовками и ружьями. Все в толстых шубах, ходили больше на медведей. У отряда из Бункера имелась термоодежда на электронике. Специальные пластины согревали, поэтому хватало ее, свитеров и верхних белых курток.

На олене выехал их шаман с выглядывающим из-за плеча луком.

– Галдан, пойдй, пообщайся с коллегой, – приказал Виктор.

Галдан перемахнул через снегоход, доставая из-за ворота медальон шамана. Неизвестно, где их делали, но выглядели они довольно стильно, хотя и видно, что ручная работа. Такие носили только бурятские шаманы. Подражали они опознавательным медальонам жителей округов и работников Бункера.

Ермака перетащили в палатку и сняли верхнюю одежду. Шариков присвистнул, рассматривая термоодежду.

– Электроника перебита. Жаль. Придется новый комплект доставать. Мастера вряд ли подлатают. Он тебя на рога поднял, что ли?

– Сам не понял. Запомнил только огромную вонючую тушу со льдом на шерсти. Но кажется, да, боднул.

Вернулся Шаман. Беспалый с Виктором прикрывали его по ходу беседы, держа наготове пистолет-пулеметы.

– В общем, они мимо проходили. Направляются на юг, к Байкалу. Их полсотни человек, если считать с женщинами и детьми. Духи говорят, что олень, сбивший Ермака, от их стада отбил. Собственно, они и потеряли троих. Двоих нашли растерзанными неизвестной тварью.

– Тигр?

– Тоже так думаю.

– А духи твои, что? – спросил Беспалый.

– Им интересно, справимся ли сами. Значит, шансы есть.

Дальше они зашептались, и Ермак не мог ничего услышать. Шарик в этот момент перевязывал ему голову.

В палатку, пригнувшись, зашел Виктор.

– Ермак, ты отправляешься с бурятами.

– Что?

– Ты сейчас не боец. На снегоход-то не сядешь. Они помогут, довезут

до поста в Слюдянке. Разговор окончен.

Все протесты улетели в спину командира. Шариков пожал плечами, затянув посылнее бинт.

Уже через два часа Ермак лежал в санях рядом с молчаливым стариком. Его переодели, замотали бинтами и вкололи всяких препаратов. По словам Шарикова, он еще легко отделался. Возможно. Но эта вылазка обещала стать самой глупой и бесполезной на его счету.

С большинством кочевников отношения можно охарактеризовать как «напряженные». С Забайкальем связь установили только через семь лет после катастрофы, застав остатки городов. Буряты довольно быстро вернулись к образу жизни своих предков, пересев на оленей и занявшись животноводством. Почти каждое племя получило мобильную теплицу, позволяющую выращивать корм животным. Когда коммуникации между выжившими начали налаживаться, именно кочевники стали основными посыльными и торговцами. Практически монополизировав оленеводство, они заламывали цену за каждого рогатого, а некоторые могли и бесследно исчезнуть с припасами или посланием, объявившись только через пару лет. Иркутский округ не особо им доверял.

Но среди них, конечно, было много и хороших людей. С некоторыми племенами у Бункера наладились дружественные отношения, и те довольно быстро поднялись на фоне остальных. И стада у них побольше, и оружие первоклассное встречалось, и дети грамотные. Правда, некоторых это не устроило, и пришлось даже ввязываться в войну племен, закончившуюся лет десять назад. И надо отдать должное еще кое в чем – мало кто из бурят занялся бандитизмом.

Ермака положили под меха, и вскоре тот задремал. Кочевники обычно не спешили, и путь до своих мог занять пару дней. С другой стороны, будет время подумать и насладиться пейзажами. Да и с кочевниками он еще не путешествовал.

Словно капли били по чистому льду под скрип веток. Снежные степи напевали ему о байкальских ветрах, летнем солнце и шуме волн. Казалось, протяни руку – и коснешься старого мира, с его богатствами и радостями. С его минутами безмятежности...

Выстрелы оборвали сон. Ермак в то же мгновение вскочил, хватаясь за лежавшее рядом оружие, и перепрыгнул за борт саней. В глазах потемнело от боли, и он упал на колени.

– Спокойнее, спокойнее...

На то, чтобы отойти от боли и сориентироваться, ушло меньше минуты. Снег шел хлопьями. Этим воспользовались, обойдя племя с трех сторон.

«Гонят в ловушку, – подумал Ермак. – Либо их слишком мало для такого племени, постараются отхапать хотя бы кусочек, дав остальным уйти».

Старик на поводьях открыл рот, чтобы что-то сказать, но упал. Его

кровь ярко окрасила снег. Стреляли где-то рядом. Ермак прикинул по упавшему старику, и дал очередь в ответ. Услышал ругань.

Бой длился недолго, но основной удар пришелся на ту часть, где перевозили Ермака. Племя спешно отступило, а трое саней и семерых всадников окружили. На снегу лежали и орали раненные олени, кто-то рядом звал на помощь. Ситуация складывалась скверно, и надежда оставалась только на то, чтобы вырваться из окружения. Из снега пробивались очертания людей, иногда вспышки выстрелов. Оторванная от остальных небольшая группа пыталась выйти на соединение. Ермак опаздывал. Во-первых, был ранен, а во-вторых, без транспорта. Их загоняли как зверей. Известная тактика – Бункер часто отправлял отряды на отлов животных, дабы дать им потом убежище в специальных вольерах и сохранить виды.

Охотник стал жертвой.

– Стоять!

Руки рефлекторно выстроили прицел на голову противника. Краткая очередь из пистолета-пулемета не оставила бандиту шансов.

Наконец, Ермак отбил и от загнанной группы. Все чаще стали появляться тени с оружием в руках. Положение становилось критическим. Ермак не верил особо в чудеса, хотя проповеди священников находил занятными. Но если его сигнал примут, если рядом окажутся люди Бункера – это станет чудом.

В небо полетела красная ракета, и Ермак, убирая сигнальный пистолет, стал искать укрытие. Племя передвигалось по почти ровному полю. Но Ермак не оставлял надежды.

– Ладно рацию, но еще и тепловизор забрали, сволочи. Оставили на попечение дикарей. Да в гробу они нас видели, с нашим бункером...

Тихонько ругаясь, Ермак шел пригнувшись и постоянно выискивал врагов. С начала обстрела прошло минут сорок, и в перекрестие его прицела к тому времени попало трое бандитов.

– Есть!

В сорока метрах виднелся большой бугор. Скорее всего, это заваленный снегом валун. Так и вышло. Белый цвет камуфляжа вкуче с разошедшимся снегом спрятали бы его на добрые сутки. Уже облегченно вздохнув, Ермак остановился. Из-за бугра с разных сторон вышли двое.

– Попался! Бросай оружие!

– Я человек Бункера! Вам заплатят!

Шансов не было. Даже сняв одного, Ермак ничего не сможет сделать против автомата другого. Будь он здоров, можно было бы попробовать уйти в перекат, но в данном случае оставалось лишь набить себе цену.

– Ага, хорошо. За твою экипировку! Бросай оружие, сказал!

Раздалось два выстрела. Они почти слились в один, но Ермак разобрал – стреляли из разных стволов. Головы бандитов лопнули, а их тела упа-

ли в снег. Стреляли со спины.

– Эй! Я мирный! Не стреляйте!

Вышли трое в белых одеждах. Не в таких, какие носят люди Бункера. Нет, эти бойцы – с севера.

– Мы этих варнаков три месяца выслеживали. Редкие отморозки. Ду-маю, после разгрома они уже не оправятся. Свои же сожрут.

Горячий чай приятно разливался по телу. За иллюминатором упавше-го самолета ветер гонял хлопья снега.

– То есть вы мой сигнал нашли?

– У вас мощные ракеты – вся округа будто кровью окрасилась. Конечно, мы заметили. Жаль погибших кочевников, но и то чудо, что мы подоспе-ли.

– Да уж...

Спасители Ермака явились с Братска. Крупный электроэнергетиче-ский и промышленный центр, этот город стал ключом к созданию Конфе-дерации. Когда стало ясно, что регион в изоляции и бежать некуда, все ста-ли думать над тем, как выжить. Почти сразу на связь с иркутянами вышли братские. Договорились о сотрудничестве, а в Ангарске провели большой съезд. На нем детально обсудили проблемы и возможности выживших окру-гов, подписали документ – Договор Конфедерации. К нему вскоре присое-динились Шелехов, Усолье-Сибирское, Тулун и Нижнеудинск. На одной из вылазок обнаружили беженцев из Усть-Илимска. Те рассказывали о жутких, даже по меркам вечной зимы, морозах. Вроде как доходило до минус семи-десяти пяти. В Бункере предположили, что на тот район пришелся эпицентр климатического удара.

К Конфедерации стали присоединяться другие города. Деревни и села забросили. Некоторые смельчаки продолжают находиться в них, поддержи-вая жизнь блокпостов. Такие перевалочные пункты становятся связующей артерией и снабжаются городами.

Территорию выживших поделили на округа. Иркутский, жителей ко-торого прозвали байкальцами, Братский с братскими, Улан-Удэнский с бар-гузами. Тулун отмерял территорию между братскими и байкальцами, отно-сясь к последним.

Спасшие Ермака бойцы являлись специальной группой, зачищавшей территорию от бандформирований. Одним из укрытий они использовали упавший самолет. Электро, техник отряда, сказал, что у самолета отличные защитные функции от непогоды.

– Почему же тогда он упал?

– Судя по всему, не помогла ему защита, – Палач, суровый командир отряда, пил чай вместе с Ермаком. Они довольно быстро нашли общий язык.

– А вы черные ящики смотрели?

– Их не нашли.

– Подождите-ка.

Ермак в ходе подготовки больше года изучал всякого рода довоенную технику. Самолет ему напомнил одну экспериментальную модель. Ее как раз готовили на случай ядерной зимы и других природных проблем, вызванных техногенными катастрофами.

Заинтересованные братские спустились с ним в фюзеляж. Тот был наполовину оторван и не обжит. А еще сильно вмерз в землю.

– Да он, похоже, тут с самой катастрофы...

Видимо, пилоты старались посадить самолет на более-менее ровной поляне, однако не заметили заснеженного холма. Он-то и развалил самолет напополам – большую часть, что легла на холм, превратили в блокпост.

Черные ящики на таких кораблях хитро прятались в ложную обшивку кабины пилотов. Пришлось принести паяльную лампу.

– Огромная же была махина... Что могло ее уронить-то? – Ермак аккуратно работал, плавя лед и добираясь до тайника.

– Думаю, двигатели не выдержали мороза. Вспомни – первые два года после войны бури были страшные. Столько деревень перемерзло насмерть. Да и не только... В Братске за пределы обжитых зон никто и не вылазил.

– Я тогда еще не родился, Палач.

– А, ну да...

Через час работа была сделана. Ермак не прогадал. Он представил, как бы на него посмотрел отец, будь тот рядом. Мягкий взгляд из низких бровей и слегка приподнятые уголки губ.

В тайнике также лежали все приборы для быстрой расшифровки ящика. Электро справился с ними за двадцать минут и подключил к аудиосистеме. Послушать собрался весь отряд, за исключением постовых.

– Арлан-4-5, обследуем зону. Аномальные бури привели к морозам, Новосибирск был прав. Холод жуткий. Как слышно, прием.

– Гнездо-8-9, приняли. Насколько положение тяжелое?

– Арлан-4-5, после пострадавших от бомб территорий почти сразу начинается снег. Тут натуральная зима, прием.

– Гнездо-8-9, приняли. Видно ли что-нибудь? Люди? Города?

– Арлан-4-5, никак нет. Исследуем зону. Впереди буря. Будто... Будто электрическая! На земле под минус пятьдесят.

– Арлан, лучше снижайтесь! Спутники вас не видят, а выжженная земля глушит сигнал. Мы не сможем помочь!

– Арлан-4-5, эта птичка выдержит! Надо добраться до Иркутска. Там наверняка будут выжившие.

– Гнездо-8-9, приказываем, возвращайтесь. Нельзя попадать в бурю! Данных о выживших нет! С такими морозами их может просто не оказаться!

– Арлан-4-5. Гнездо, мы все равно не успеем. Скорость бури огромная. Постараемся дотянуть до Белой, там стратегический аэропорт. Конец связи.

Аудиосистема щелкнула, отмеряя отрезок записи.

– Выжившие есть... Мы не одни! Новосибирск цел! – Палач вскочил с места.

– Это точно неизвестно. «Новосибирск» мог быть позывным. К тому же какие-то территории рядом попали под ядерные удары. Если помнишь, к нам занесло радиацию, недалеко от ГЭС рекомендуют не передвигаться даже.

– Неважно! Если отправляли самолет, значит, искали выживших!

– Слушайте, а где тела пилотов?

– Их похоронили много лет назад, конечно же. Не мы, другая группа.

– Ермак, ты не представляешь, что нашел! Надо как-то передать сигнал...

Воодушевление царило и внутри самого байкальца. Он нашел след мира, который выжил за пределами зимы. И там точно ее не было. По крайней мере, постоянной.

Как по команде, все бойцы Палача заговорили. На лицах выживших в великой катастрофе читалась радость. Они не одни. Они смогут найти способ связаться с остальным миром. И тогда... Что тогда? Неважно! Тогда все станет хорошо! Не придется выживать, искать тепло и чувствовать, как на щеках замерзают слезы! Не придется бояться за завтрашний день! Все будет хорошо! Просто, хорошо!

– Вообще, нас отправили искать амурских тигров. Говорят, видели стаю. Бункер собирает животных.

– Это тебе к тофаларам. Они наверняка знают. Тут недалеко, кстати, – добродушно ответил Электро.

За общей радостью не сразу пришло осознание, что стреляют. Откуда именно, определить было трудно, но слышался пулемет.

– По местам!

Бойцы тут же схватили оружие и встали по боевым точкам. С подножия холма прибежал раненый братский.

– Их десятки. Карп погиб, командует Денисыч. Обходят. – На этих словах посыльный осел на пол.

– Ермак, не отсвечивай! У нас все отработано! – Палач скрылся за лестницей вниз.

И правда, его бойцы заняли весь самолет. Кипел бой, слышались приказы, крики. И все в этой галиматье забыли про черные ящики. Ермак решил о них позаботиться.

Они были небольшими, сделанными по последнему слову довоенной техники. Ермак тут же нашел пару отсеков. Ларчик просто открывался: тре-

бывалось зажать одновременно расположенные рядом кнопки. Крышки отъехали под корпус, и Ермак увидел две флешки. В них, по теории, хранилась информация ящиков.

Сунув флешки в потайной карман, Ермак поспешил к своим вещам. Близился вечер, а с ним и похолодание. Сейчас было лето, температура колебалась от минус пятнадцати до сорока. Ночь предвещала температуру за тридцать. Бежать будет трудно, если придется.

– Ермак, давай в фюзеляж!

Имя говорящего байкалец не помнил, но поспешил укрыться.

– РПГ! В укрытие!

Ермак кинулся к вырезанному отверстию-тайнику. Там хватило бы места для человека. Раздался взрыв и жуткий хруст. Кто-то кричал нечеловеческим голосом. И тут же прозвучало еще два взрыва.

Фюзеляж окончательно оторвало, и он начал съезжать с холма. Ермак в ужасе уперся ногами в стену. Его большим ребрам это не понравилось.

– Проклятый олень...

Вдруг все начало кружиться перед глазами, и Ермак влетел в стену. Мир опять померк.

Путь через горы был утомительным. Ермаку не привыкать к суровой местности замерзшей тайги, но он никогда не преодолевал такие расстояния раненым. Каждый вдох отдавался болью, от сотрясения мутило, пожар на самолете опалил голову. Несильно, но приятного мало.

Кто напал на отряд Палача, понять не успели – все выжившие бежали. Братские отходили к своим, у Ермака такой возможности не было. Отбившись от преследователей, выжившие разделились. Байкалец отдал одну флешку Электро, вторую оставил себе и двинулся на северо-восток. К тофаларам.

Бункер знал, что это племя выжило. Но их и до войны едва ли насчитывалась тысяча. Как дело теперь обстояло – вопрос. Но они пережили суровые годы. И Электро посоветовал идти к ним, чтобы выполнить главную миссию вылазки – найти стаю амурских тигров.

Больше всего неприятностей принесли горы. На то, где он здоровым прошел бы за час, уходило полтора, а то и два. Он остался без снаряжения, только оружие, нож и немного припасов.

Спасало то, что по его маршруту иногда ходили племена – снег был утоптан. К вечеру первого дня он вышел к Дургомже. Река в свое время была довольно широкой, чтобы с приходом вечной зимы превратиться в дорогу. Сделав лежанку в снегу, Ермак переночевал.

Снежные склоны захватывали дух, но местным пейзажам много уделять времени не удавалось. Постоянная боль заставляла концентрироваться

исключительно на ровной глади снега перед собой.

К утру третьего дня стало совсем плохо. Температуру удавалось глушить таблетками, но еда почти закончилась – оставалось буквально две консервы и пачка галетов. Благо, вода всегда в избытке.

Проведя еще три часа в полуобморочном состоянии и делая каждые двадцать минут небольшие остановки, Ермак вышел на свежий след от копыт. Стадо проходило недавно. Двигалось с юга на северо-восток, в ложбину между двумя склонами. Ермак ставил своей целью село Алыгджер, но решил догнать тех, кто оставил следы. Если судить по их свежести, отрыв составлял несколько часов.

Облокотившись на ствол дерева во время очередной остановки, Ермак достал флягу. Но стоило сделать несколько глотков, как его стошнило.

– Дело плохо...

В кармане на левом рукаве Ермак расположил несколько препаратов. Они подсадят его сердце, но дадут сил на несколько часов. Ему хватит.

Принимать стал постепенно. Появилась тяжесть в желудке, но голова будто бы прояснилась, да и ребра перестали мучить. Началась эйфория.

– Что они в эти штуки добавляют? Предупреждали бы хоть...

Не успел Ермак закончить мысль, как его окрикнули. Он машинально вскинул пистолет-пулемет, ибо не понял ни слова. Положение неприятное – склоны скрыты деревьями, а он на ровной реке. Прострел отличный. Но рядом упала стрела. Буквально в трех шагах – другая.

– Эй, опусти оружие!

Русский у говорящего звучал не очень чисто, но весьма разборчиво. Если повезло – он нашел тофаларов. Если нет – смерть.

Ермак поднял руку с оружием над головой.

– Я ищу тофаларов!

– Кем будешь?

– Байкалец!

Повисла тишина. Опыт подсказывал – советуются. Из-за стволов деревьев, словно призраки, появились люди. Они шли неспешно, натянув луки. Трое – выставив ружья. Все принадлежали к коренному населению и ростом уступали Ермаку.

– Что тебе нужно?

– Мне сказали, у вас всякая живность водится. Меня послали найти стаю амурских тигров.

Мужчины с ружьями заговорили на непонятном языке.

– Кто послал?

Скрывать не было смысла.

– Байкальский Бункер, – Ермак аккуратно достал из-за шивороты опознавательный медальон.

– Отдай оружие. Пойдем, и увидишь.

Ермак подчинился. В километре от его встречи с тофаларами отдыхало стадо. Стояло несколько юрт, из них выходили люди и смотрели на байкальца.

– Мы не видели чужих русских много лет. Очень много.

– И как вы тут живете?

– Пойдем, и увидишь.

Собеседник Ермака казался главным. Так он его про себя и назвал.

Вначале его привели к самой большой юрте. Пол был застелен шкурами оленей, а посреди нее стоял камень. На нем красовался искусно нарисованный черный гусь. Коренные народы быстро вернулись к тотемизму и другим верованиям.

– Тяжело живем.

– Почему на юг не пошли?

– Нельзя. Хранить нужно.

– Что?

– Пойдем, и увидишь.

Но как обычно, коренные не спешили. Вначале налили странный напиток – согреться. Потом расспросили, сколько шел. Ермак ответил, что ехал два дня, и шел три. Старшего это устроило, судя по глазам. Пить не хотелось от слова совсем, препараты творили с желудком неведомые вещи. Но отказывать нельзя, даже опасно. Отвар напомнил чай из трав. И с удивлением Ермак заметил в металлической кружке плавающие ягоды.

– Ягода? Откуда?

– Пойдем, и увидишь.

– Я ранен, могу устать совсем.

– Пей, пей.

Кочевники все время с интересом на него глазели. А он – на них. Как бы ни были похожи все выжившие в зиме, а каждый народ сохранил свои черты. Русские предпочитали куртки и тулупы-ватники, буряты тоже, но обшивали их шкурами оленей, тофалары же носили неизвестную Ермаку шерсть.

– Из чего ваши одежды?

– Злой зверь. Росомаха.

Росомахи водились раньше на севере области.

Никто, кроме старшего, с Ермаком не говорил. Он тоже разговоров не начинал. Вдруг у них не принято? Байкалец не помнил историю этого племени – считалось, что их почти не осталось. Вылазка открыла много нового – осталось лишь донести данные до Бункера.

После обеда племя собралось за какие-то двадцать минут и продолжило путь.

– Куда мы?

– К нам домой.

– В Дургомже?

– Дургомже замерз. Мы – нет.

Шли молча и неспешно. У племени выжили собаки – они помогали вести оленей. Огромные, пушистые звери успели приспособиться к новым реалиям, но продолжили быть другом человека.

– Если со мной что-то случится... Не забирайте ничего из вещей, отнесите тело в Бункер или заставу Байкальцев. Вам заплатят вдвое больше.

– У нас все есть. Но мы сделаем.

– Спасибо.

Склон поддавался ногам Ермака неохотно. Шли змейкой, и это сильно удлинило путь. К вершине вышли уже в темноте – стадо передвигалось медленно.

– Что?

Ермак побежал. Белая пустыня обрывалась, открывая огромные территории. В темноте они казались черными, но среди темноты горели костры.

– Что это?!

– Наш дом.

– Где снег?

– Растаял.

Огромная ложбина в горах цвела. Привыкший к темноте Ермак различал вековые сосны, чьи ветки шатались на ветру. Еще дальше он разглядел берег озера. Большого. Конечно, не Байкал, но его хватало, чтобы обогреть несколько квадратных километров земли. И главное – не замерзшее!

– Это озеро горячее?

– Именно так.

– Провал... Наверняка провал... Боже, это же чудо! Живая листва! Но как?

– Вначале упала звезда. Потом земля тряслась, и открылись ручьи, спящие в горах. Они родили озеро. А оно – наш дом. Давно. Много лет назад.

Ермак рассмеялся и поспешил с горы. Его собеседник не отставал. Через полчаса байкалец аккуратно касался голой рукой зеленых иголок. Он не верил своим глазам. Сначала весть о том, что они не одни, теперь – выжившая природа.

Эта ложбина равноудалена как от Братска, так и от Иркутска. Пешком он доберется до своих самое позднее за неделю. Надо предупредить. Плевать на амурских тигров – тут настоящее сокровище! Расположи здесь блокпост, и можно предпринять вылазку на запад, к Красноярску! Теперь она точно не лишена смысла!

Мир внезапно потерял свои горизонты. Они возникли где-то далеко. Намного дальше, чем были неделю назад. Для нескольких сотен тысяч весь мир умещался в небольшую обжитую зону вечной зимы. В маршрут Братск – Иркутск – Байкальский Бункер – Улан-Удэ. Крохи по сравнению с тем, чем

они когда-то владели. Но это пятнышко стало оплотом, домом и шансом. Огромным миром со своими законами, историями и жизнью. Теперь же все изменится. Граница прорвана, мир стал нестерпимо больше.

Ермак почувствовал странную связь с героем, в честь которого его назвали. Когда-то кучка смельчаков перешла Урал и сдвинула горизонт. Почти все сгнули, но за ними пришли другие. Построили остроги и покорили небывалые территории. Создали могущественное государство. Принесли местным народам культуру.

Какой путь теперь у их потомков? Ермаку предстояло это узнать. Но сегодня, сейчас, он просто был счастлив. По щекам текли слезы, и холод не превращал их в лед.

НИКОЛАЙ ШАФРОНСКИЙ, 1989 г.р., Зима

Родился в Нижнеудинске. Окончил кафедру современной отечественной истории исторического факультета Иркутского государственного университета. Специализировался на историографии и источниковедении. Работал учителем истории и обществознания, географии, ОБЖ в школах Зимы и Саянска, в Централизованной библиотечной системе города Зимы заведовал библиотекой-филиалом и был библиографом Информационно-библиографического отдела. Заведующий Информационно-библиографическим отделом ЦБС г. Зимы. Публиковался в альманахе «Первоцвет». Лауреат конкурса читательских рекомендаций «Книжный штурман-2018» межрайонной ЦБС имени М.Ю. Лермонтова города Санкт-Петербурга.

Третье место в номинации «Волшебная сказка»

МАЛЬЧИК И СЛИПКИЛАПСИ

Мальчик был уже большой. Ему было почти столько же лет, сколько пальцев у человека на одной руке, целых пять. А ещё он был очень смелый и совсем не боялся лежать вечером один в своей комнате. Тем более, что ночью в городе никогда не бывает по-настоящему темно. На улице горят фонари, иногда проезжают машины, и поэтому темнота не может напугать уже большого и смелого мальчика. Только заснуть никак не получалось.

Мальчик уже послушал сказку, повернулся и даже полежал тихонько с закрытыми глазами. Спать ни капельки не хотелось, а ещё под кроватью кто-то шуршал и вздыхал. Мальчику стало очень интересно, кто там шумит. Он спустился на пол и заглянул под кровать.

– Ой, ты кто? – шёпотом спросил мальчик, когда рассмотрел там ма-

ленькую постельку, а в ней человечка, который лежал и грустно смотрел на мальчика.

– Я Слипкилапси, – также шёпотом ответил человечек.

Он выбрался из-под кровати и сел рядом с мальчиком. Оказалось, что Слипкилапси совсем маленький: если бы он встал рядом с мальчиком, то достал бы, наверное, ему только до коленки. У него были огромные, чуть-чуть светящиеся глаза и большие, круглые уши, как у плюшевого медвежонка.

– А что ты делаешь под моей кроватью? – продолжил мальчик.

– Живу, – Слипкилапси почесал нос и зевнул, – каждый слипкилапси живёт под чьей-то кроватью.

– А почему я тебя раньше не видел?

– Нас очень-очень трудно увидеть, мы почти всегда спим. Это самое важное наше дело.

– А почему это так важно? – мальчику становилось всё интереснее и интереснее.

– Потому что, пока мы спим, человек, ложась в кровать, очень быстро засыпает и видит только хорошие сны. А я сегодня проснулся и никак не могу уснуть. – Слипкилапси расстроено шмыгнул носом.

– Вот почему и мне сегодня не спится. Как же тебе помочь?

Мальчику стало очень жалко Слипкилапси, и он стал думать, как ему помочь.

– А хочешь, я тебе расскажу самую лучшую сказку? Мне её родители рассказывают, чтобы я поскорее уснул.

– Давай попробуем, – Слипкилапси снова забрался под кровать, лёг в свою постель и приготовился слушать.

А мальчик начал рассказывать самую интересную и захватывающую сказку на свете. И хоть это была очень длинная сказка, мальчик её хорошо знал, ведь он слушал её каждый вечер и мог пересказать от начала до самого конца. А когда мальчик закончил, Слипкилапси уже крепко спал. Мальчик поправил ему подушку, лёг в кровать, укрылся одеялом, глубоко зевнул и закрыл глаза.

КАК ГУДИ ТРОЛЛЯ ВЫЛЕЧИЛ

Давным-давно, в одном из множества норвежских фьордов, далеко на севере жил тролль. Звали его Арнбьёрн. Был Арнбьёрн высок и могуч: самая высокая из сосен, росших на берегу фьорда, едва доставала ему до груди, а в объёме была много тоньше, чем его рука. А ещё Арнбьёрн, как он думал, был очень красив, ведь борода у него была настолько длинной, что почти касалась земли. Правда, как все тролли, Арнбьёрн был неряшлив, и поэтому борода у него была очень грязная и настолько спутанная, что, когда Арнбьёрн гулял по берегу фьорда, сосновые ветки, попадавшие в его зна-

менитую бороду, отламывались и в ней застревали, отчего борода частенько чесалась.

Жил наш тролль в огромной пещере в скалах над фьордом. В пещере повсюду были разбросаны кости, шкуры, валялась парочка проржавевших мечей и прочий хлам, но больше всего Арнбьёрну нравился самый дальний и тёмный угол, куда он сваливал золото, серебро и самые разные драгоценные камни, которых у него было несметное количество.

Когда Арнбьёрн только поселился в своём фьорде, любимым его занятием было сидеть перед входом в пещеру и наблюдать за людьми, которые иногда приплывали во фьорд. Людишки были такие маленькие и так смешно копошились внизу, что иногда тролль не выдерживал и начинал громко смеяться. От его смеха тряслись скалы, и сосны пригибались почти к самой земле, а люди в страхе спешили уплыть подальше, что ещё больше смешило Арнбьёрна. Потом люди стали появляться всё реже, и тролль целые дни просиживал перед своей пещерой один-одинёшенек, иногда чтобы развлечься, он отламывал от ближайших утёсов огромные валуны и швырял их в море. Со временем в устье фьорда появилось много маленьких островков. Такие островки называют шхерами, и, чтобы плавать в них, не боясь разбиться, нужно родиться норвежцем.

Так проходил год за годом, ничего не нарушало покой Арнбьёрна и не нарушило бы, наверняка, ещё много лет, если бы не зуб, жутко болевший уже неделю. Тролль расшвырял все подходящие булыжники в округе, едва не расшиб себе лоб о скалы, ревел так, что столетние сосны вырывало из земли с корнем, как в самую сильную зимнюю бурю. Ничего его не отвлекало, да ещё, как назло, Вагни, бонд (бонд – в Скандинавии, в эпоху раннего Средневековья, свободный человек, имеющий своё хозяйство, но не относящийся к знати, – прим. автора), что жил в двух днях пути от фьорда Арнбьёрна, устроил весёлый пир по случаю дня рождения своей дочки, красавицы Гудрун. А ведь каждому известно, что у троллей очень острый слух, и они слышат самый тихий шорох на много десятков миль вокруг.

Разъярился Арнбьёрн не на шутку, выскочил из пещеры и помчался, что было силы, ко двору Вагни. Прибежал, да как грохнет ручищей по крыше, Вагни с гостями едва из дому выбежать успели. А Арнбьёрн подхватил ногтем Гудрун и ревьёт.

– Вот теперь будешь знать, как шуметь!

Развернулся и исчез, как будто и не было его.

Опечалился Вагни, сидит, думает, как дочь свою, красавицу белокожую Гудрун спасти. Хоть и силён сам, и проворен, не справиться одному с троллем, а все друзья-викинги, которые помочь могли, далеко, ни один ещё зимовать не приплыл.

Надо сказать, что у Вагни, как и у всех богатых бондов, были рабы. И вот один из них, юноша по имени Гуди, видя, что хозяин его в большой

тоске, подошёл к нему и говорит:

– Не унывай, Вагни, спасу я твою дочку.

– Как же? – спрашивает его Вагни. – Сильный ведь он, тролль тот.

– Если силой не возьму, то умом одолею, – отвечает ему смелый юноша.

Была у Гуди сестра, звали её Уна, услышала она слова брата и не захотела его одного отпускать, вместе с Гуди в дорогу засобиралась.

Вагни лодку им дал – все знают, что норвежец с лодкой в море управляется ловчее, чем другой кто с ногами на суше, – лепёшек ячменных в мешок насыпал и пива доброго в бочонок налил. Разве для спасения любимой дочки такой малости пожалеешь? И больше отдашь запросто. Погрузили Гуди с Уной припасы в лодку и отчалили.

Солнце уже за полдень перевалило и вниз по небосводу покатилося, доплыли они до фьорда одного небольшого и видят: сидит на берегу старик и, вздыхая, думает о чём-то. Подошёл Гуди к берегу и говорит:

– Здравствуй, добрый человек, о чём так горестно вздыхаешь?

– Здравствуй, – отвечает ему старик, – ходил я недавно в море, налетела буря и разбила мою лодку в щепки, а сейчас не на чем мне в море выйти, рыбы наловить.

– Так это не беда. Доставай свои сети, будет у тебя вдоволь тресковой печёнки для доброй каши.

Гуди со стариком отправились рыбачить, а Уна осталась помогать хозяйке, мало ли хлопот по хозяйству.

Когда рыбаки вернулись, едва помещались они в лодку – так много было в ней рыбы. Женщины быстро приготовили отменный ужин, наелись все и спать легли.

Наутро, как пришло время прощаться, протянул старик Гуди моток верёвки и говорит:

– Не зря видать прозвали так тебя люди, и правда, добрый ты парень. Возьми вот эту верёвку. Прочнее, чем она, нет на свете верёвки: как хочешь её рви, чем хочешь, руби – всё выдержит, не порвётся.

– А ты, Уна, – подхватывает старуха, – возьми вот этот гребень, он тоже непростой, им что угодно расчесать можно.

Поблагодарили брат с сестрой стариков и дальше отправились.

А сейчас мы, читатель, их ненадолго оставим, чтобы ты узнал, откуда у простых стариков взялись такие необычные вещи.

Всё дело в том, что были они вовсе и не люди, а бог Локи со своей супругой. Он хоть и имел из-за своих проделок и проказ не самую лучшую славу, был на самом деле добрым и решил Гуди с сестрой помочь, жену уговорил.

А между тем, Гуди с Уной, времени зря не теряя, добрались до фьорда, где жил Арнбьёрн.

Причалил Гуди к берегу, лодку на песок вытащил. Смотрит, сидит тролль возле своей пещеры, голову руками обхватил и воет так, что уши закладывает.

– Что же, ты, – кричит ему Гуди, – чужих дочерей, красавиц белокожих воруюшь?

Посмотрел на него Арнбьёрн, спустился на берег, на землю улёгся.

– Зуб, – шепчет тихонько, – болит, сил нет больше терпеть.

– Это дело поправимое, – отвечает ему Гуди, – показывай который.

Открыл тролль рот, пальцем в пенёк гнилой тычет. Достал Гуди свою верёвку, на одном конце петлю сделал, на зуб накинул. Второй конец к самому большому валуну, что ещё поблизости оставались, привязал.

– А ну-ка, поднимайся, – командует, – да закинь этот камень подальше в море.

Встал Арнбьёрн, подхватил валун, размахнулся. Гуди только и успел верёвку за самый кончик ухватить, чтобы вместе со скалой в море не улете- ла. А тролль рот закрыл, губами пожевал, заулыбался. Снова на землю лёг, бороду привычно почёсывает. Тут и Уна, которая до этого в стороне стояла, вмешалась.

– Что же, ты, – Арнбьёрну говорит, – такой неаккуратный, совсем боро-ду запустил. Дай я её расчешу.

Достала она гребень и принялась троллю бороду расчёсывать, мусор из неё так и посыпался. Трудилась Уна, трудилась, до самых кончиков воло-сок к волоску уложила, ещё и кос наплела.

Лежит Арнбьёрн, косы пальцами перебирает, довольный, ни у одного тролля во всех северных странах такой роскошной бороды нет.

– Забирайте, – брату с сестрой говорит, – свою Гудрун и золота берите, сколько хотите, для вас мне ничего не жалко.

Вернулись Гуди с сестрой и Гудрун назад, во двор Вагни, бонда, тот, видя дочь свою живой и здоровой, от такой великой радости новый пир устроил, больше прежнего.

Гуди с Уной на том пиру как лучших гостей потчевали, а после за- платили они Вагни за свою свободу, сколько причитается, и отправились в Исландию, в новой земле счастья искать. Но это уже совсем другая история.

ЕЛЕНА ЖДАНОВА, 1982 г.р., Иркутск

Бакалавр филологического факультета ИФИЯМ ИГУ по «Русской и зарубежной литературе». Магистр ИФИЯМ ИГУ по «Новейшей русской литературе». В 2018 году принимала участие в съёмках документального фильма о Валентине Распутине «Прошедшего времени не существует» в роли эксперта (режиссёр – Юлия Бывшева, производство – Киностудия «Матёра» при финансовой поддержке группы компаний «Истлэнд»). Победитель студенческого литературно-исследовательского конкурса «ЛИК. Валентин Распутин» (Иркутск, 2018). Участник студенческого литературно-исследовательского конкурса «ЛИК. Александр Вампилов» (Иркутск, 2019), I региональной школы молодого филолога (Красноярск, 2019), проекта «Школа театрального критика» Павла Руднева Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова (Иркутск, 2020), театроведческих онлайн-мастерских «Напиши театр» и «Дорогая редакция» с Кристиной Матвиенко и Еленой Ковальской (Москва, 2020), фестиваля молодой режиссуры «Артмиграция», лаборатории молодой критики п/р Павла Руднева (Москва, 2020), международного фестиваля современного искусства «Территория. Иркутск» (Иркутск, 2020) и научно-исследовательского проекта «Православные духовные писатели Восточной Сибири XVII – нач. XX в. Биобиблиографический словарь» (Иркутск, в процессе). Публиковалась в литературно-художественном альманахе для юношества «Первоцвет», в общественно-политическом и литературно-художественном журнале «Север», в журнале «Вестник Томского государственного университета. Филология». Автор блогов «START UP» СТД РФ, «Летающий критик».

ЖАВОРОНОК

Спецноминация «За совершенство формы и красоту стиля»

1

...перед рассветом меня разбудили догадки о чём-то, которые тут же стали тусклыми отголосками сна... Кастор предрёк Оресту обретение свободы и счастья после долгих лет скитаний, и его предсказание тотчас забылось, и память, такая забывчивая, такая упрямая человеческая память, вечно ввергающая нас в пучину исполненных предсказаний, стёрла следы промелькнувших мыслей, оставив лишь смутные, невнятные чувства... Открываю окно, и свинцовая синева растекается по комнате, превращая темноту в предутренние сумерки. Ставлю чайник на кухне и слушаю его нарастающий шум. Шорохи постепенно вбирают в себя сиреневый рокот утра, сливаясь с ним в единый звук...

Саффо преломилась в любовном томлении в Лесбию,
И юный веронец, от страсти сгорая, победителем смотрит на мужа патриции.

Но нет ревнивому сердцу покоя в любовнице,
Как нет доверия сердцу изменчивой милой богинежеманнице.
О, милая Лесбия, душу веронца покорившая с лёгкостью,
Чарам твоим подвластны все смертные!
И иудеи, фракийцы, арабы, и прочие людности
В мгновение ока сборник Валерия Катона купят.
Страсть разделённая, влюблённость и ревность шипящие
Гроном эмоций и славой звенящей наполнят поэта,
чтоб исписал, до рассвета томимый бессонницей,
Стихами пергамент к возлюбленной милой жеманнице...

– ...привет – прошелестело занавесками Утро.

Поэт поднял голову.

– ...привет, – бормотал он, рассеянно рассматривая на портьерах изломы геометрического рисунка, сливающегося с бесцветными обоями. Плавающее солнце нового дня неотвратимо заполняло собой город, всё больше проникая в комнату Поэта, которую тот отгородил от шума улиц плотными занавесками. Прищурившись на свет, Поэт что-то невнятно шептал, стуча по клавиатуре в такт своим мыслям.

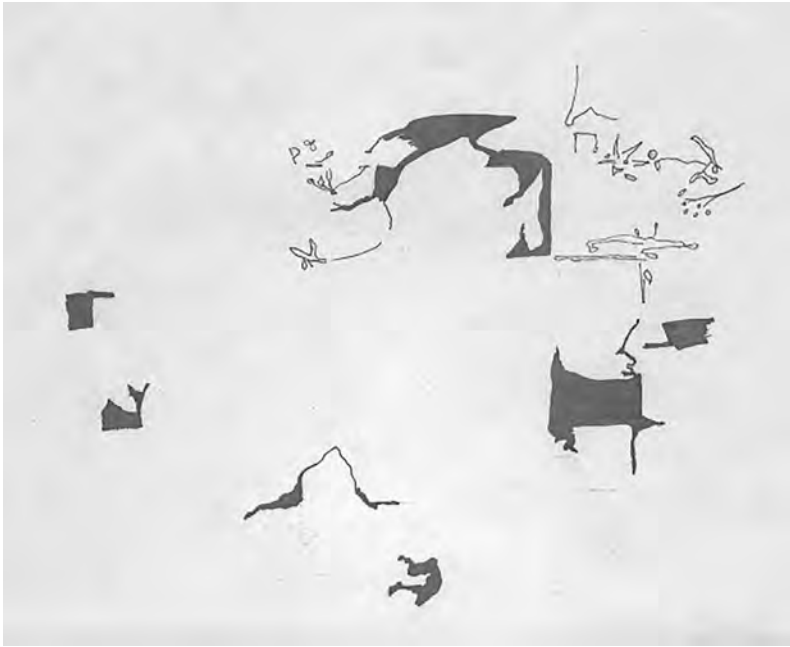
– А где Ночь?

– Не знаю. Упёрлась куда-то. Буквально перед твоим приходом.

Утро уселось на диван и застыло на стене искривлённым силуэтом, упираясь ломаными линиями в геометрию портьерного рисунка. Шелестели занавески.

– ...смотри, новый шедевр, – сказал Художник, щурясь на свет бли- зорукими глазами.

Утро бросило на бумагу горсть солнечных зайчиков. Солнечные зай- чики мгновенно разбежались в разные стороны, и только один из них застыл на рисунке, словно всматриваясь в пустоту ломаных линий.

– Это абстракция. Каждый видит в этом что-то своё, – виновато пояс- нил Художник.

– Все вещи и события вокруг абстрактны, – безлично прошелестело Утро. – Как-то один Поэт читал мне стихотворение, посвящённое Катулле, и я помню, как также Катулл читал свои новые стихи. Каждое слово, каждый излом смысла, преломляющийся в линию судьбы, уже был, и каждый про- живает это знание по-своему. Всё, созданное людьми, так или иначе напол- нено страстью Быть.

– Поэтому мой рисунок шедевр. Это ничто. Но каждый увидит в нём своё настроение. И оценит. И чем больше будет знаний у зрителей, тем выше они оценят мой рисунок.

– Возможно, – прошелестело занавесками Утро, рассыпаясь по углам комнаты солнечными зайчиками.

Приближался Полдень. Солнце, сдвинув облака в небе как декора- цию, начинало плавить центр комнаты. Распаянный солнцем художник за- дёрнул портьеры, убив свет.

– ...Бывай... – прошелестело занавесками Утро.

– ...знаешь, вчера на выставке я вдруг увидел, как много художников

пишут в абстрактной манере письма. Мне впервые пришла в голову мысль, что мир ничего не потеряет, если меня не будет. Мне стало грустно. Я больше не могу писать.

– Почему?

– Я потерял ощущение своей уникальности. Одинаковые идеи, одинаковые линии. Я вдруг остро ощутил, что я вторичен.

Утро встало и, открыв окно, растворилось в нарастающем шуме просыпающегося города. Порыв ветра сломал привычную геометрию портьерного рисунка, раскидав рисунки по всей комнате. Солнечные зайчики запрыгали по стенам домов, срезая углы, и каждый из них, пытаясь разогнать сумеречную тень многоэтажек, притворился солнцем.

– Рисунки! Мои рисунки! Зачем ты открыл окно?

В утренней дымке начинал чадить городской транспорт.

Кастор и Поллукс безмолвно взирали на тысячелетнюю драму человека, а солнце, сдвинув в небе созвездие близнецов как декорацию, неумолимо приближалось к городу.

Утро умерло в Художнике.

На рассвете запел жаворонок.

2

Прозрачное небо, стылый воздух, стройные берёзы с ветками-паутинами, буро-жёлтая листва и выцветшая трава с мёрзлыми лужами октября всё больше овладевали городом, затеняя его осенним мороком. День, постепенно угасая, становился всё короче, время замедлялось и, поглощая летний зной, оставляло обнажающийся город наедине с ветром и дождём, сменяющие собой нежаркие солнечные дни.

Долгие, полные раздумий, прогулки неизменно приводили к открытиям имён и мест, которые обычно затёрты повседневностью, а обострённое чувство осени с особой силой очерчивало силуэты когда-то живших людей. Одним из таких силуэтов, проступивших сквозь время...

– ...привет – прошелестел ветками Вечер.

Художник поднял голову.

– Который час?

– Вечерет.

– ...Подожди! Я снова тебя слышу! В последний раз мы с тобой разговаривали лет двадцать назад! В тот день...

– ...это было Утро... – безлично шуршали голые ветки.

– ...я сказал, что потерял ощущение своей уникальности, и сразу же перестал слышать мир. Прислушиваясь к шорохам в комнате, я слышал только пустоту. Постепенно я забыл свои абстракции. Я понял, что мир материален и предметен, и стал рисовать лес. Я до боли почувствовал, что на-

строение на картине надо передавать через цвет и детали. Сейчас я рисую пейзажи, остро ощущая на кончиках пальцев красоту времени суток...

В быстро темнеющем парке Художник что-то невнятно шептал, делая в блокноте зарисовки в такт своим мыслям.

ТАНЕЦ ПРОБУЖДЕНИЯ

Спецноминация «За красоту стиля»

Самый темный час наступает перед рассветом. На иссия-черном небосводе мерцает луна, заставляя пушистый снег, лежащий на тропинках лесов глициния, блистать под молочным сиянием. Пушистые хлопья снега медленно спускались с беззвездного неба, ложась на корявые ветви деревьев. Морозный ветер слегка раскачивал черно-синие фонари, погасшие еще до сумерек Васильковые ленты слегка развивались на ветру, создавая чарующую картину.

Тихо скрипнули ступени, ведущие в бамбуковый дом. Тягучую тишину прерывала легкая поступь черных сапожек. Вороний ханьфу слегка развивался по ветру. Бархатно звенел колокольчик, висевший на черной флейте. Заклинатель медленно ступал по белоснежным тропинкам, поглощенным цветами горечавки. Лунный свет ласково разливался по шелковым лепесткам, из-за чего цветы приобретали небесный свет.

Заснеженная картинка вела к поднебесному храму. Тихо заскрипели серебряные ворота. Теперь изысканное белое покрывало поднебесной земли разрывают небольшие следы. Они ведут к перловым дверям. Мраморный пол храма начал медленно покрываться мокрыми следами, ведущими к небольшому внутреннему саду. По всему его участку расположены божественные статуи, высеченные из нефрита. Их лик равнодушен. Юный заклинатель, встав по центру сада, поднес флейту к приоткрытым губам. Мертвую тишину начала рассекать медленная сложная мелодия.

В этот момент воздух вокруг юноши заполняется переливающимися цветами. Парящие искры будят уснувшие статуи. Их веки томно приоткрываются. Мелодия меняет свой настрой, перетекая в протяжную, далекую, волнующую.

Медленно статуи приходят в движение. С их тел слетает пыль, мертвые лозы винограда, которые уже успели окутать их тела. В полумраке их туловища напоминают марионеток, неловко двигающих конечностями. Встав в круг, статуи будто начинают шептаться о чем-то секретном, своем. Искры тускнеют, кажется, что шепот становится громче, поглощая другие звуки.

Начинается движение. Каменные тела начинают танец. С каждым шагом, поворотом головы воздух будто тяжелеет, наполняясь терпким запахом диких растений вперемешку с дурманящим, стойким запахом благовоний. Их губы искривляются в улыбке, заметен прищур глаз. Движения ускоряются, и кажется, что время тоже начинает лететь быстрее. Пушистое покрывало сада испорчено. Теперь по его центру находится черный круг из множественных следов.

На смену резким движениям приходят плавные шаги, легкие движения. Потихоньку ветер рассеивает остатки ароматов и бледных искр, растворяющихся в потоке воздуха.

На смоляном небосводе появляется молочная полоска, плавно перетекающая в оттенки лилового и розового. Перистые облака словно расступаются перед заполняющим небо золотом. На ночном небосклоне появляется небесное светило, разгоняющее остатки мрака. Наступило Утро.

Поэзия в прозе

Фото А. Барановой

ИРИНА ЖЕЛЕЗНЯК, 1993 г.р., Иркутск

Окончила лицей ИГУ (физико-математический профиль), художественное отделение Иркутской областной детской школы искусств, ИРНИТУ по специальности «Дизайн» (проходила практику по разделу «Сценография» в Иркутском музыкальном театре) и магистратуру УрГАХУ в Екатеринбурге по специальности «Дизайн среды». В 2019 году окончила кинокурсы под руководством О.А. Эристави. Работала дизайнером в сети магазинов подарков «ТОМАТ», в компании «Сибирь Лада Брокер» в должности дизайнера-визуализатора ювелирных изделий. В настоящее время работает дизайнером интерьера и городской среды в «Мастерской архитектуры и дизайна ФОКС», играет в Молодёжном камерном театре «Подвал» (курс А.А. Булдакова), выполняет работы по сценографии и полиграфии в «Театре Пилигримов». Во время обучения в лицее при ИГУ эссе и стихотворения публиковались в сборнике «Лицейский папирус» и других стихотворных молодежных сборниках, в ИРНИТУ участвовала со своими стихотворениями в фестивалях «Студенческая весна».

ОТКРОВЕНИЯ НА КАРАНТИНЕ

Как-то давно, в восьмом классе, я писала курсовую работу «Физика цвета», затем в институте была дисциплина «Цветоведение и колористика»...

Цвет, его психология, его влияние захватывают меня всецело. Ощу-

щение, что цветом очень тонко и точно можно передавать эмоции.

Каково же было моё удивление, когда, имея на данный момент времени любимыми цветами оранжевый и голубой, я сравнила их с тем, что в музыке (в которой я не разбираюсь вовсе – только благодаря друзьям и интернету в меру своего любопытства) моими любимыми тональностями являются соль мажор и ми минор. Ничего не понимаю, но, когда звучит музыка в этих тональностях, я кайфую. Когда играю на гитаре аккорды G, Em – удовольствие. И вот, оказывается, что соль – оранжевый, а ми – небесно-голубой. И если бы я рисовала остальные аккорды – нарисовала бы их именно соответствующими цветами.

Теперь появилась идея нарисовать (сначала неосознанно) несколько любимых мелодий... А затем сравнить их музыку и цвет – насколько они совпадут. Это какая-то единая магия. Магия звука, магия света, цвета, ритма... Ещё всё остальное искусство и мир сюда приплести – и будет совсем вау.

...ПУТЬ К ЗАКРЫТЫМ ГОРОДАМ

Ветер осени мерно стучит в мои двери и швыряет листья прямо в стекло окна. Я лежу на полу в обнимку с гитарой и медленно перебираю струны. Уехать бы... Во дворе слышны слова песни: «Ночь прочь, и вновь рассвет. Спасенья нет...», «Мы чужие среди чужих...»

В голове шум набирающего скорость поезда, звон стаканов и мерцающие огни города, проплывающего мимо.

Мир начинает кружиться, звуки и краски мелькают в водовороте событий, и вот я стою на перекрёстке, за спиной – гитара, вокруг – ленты дорог, утопающих в тумане. И всё, что я могу – это кружиться на месте, вымаливая по песчинкам время, распуская как цветок фантазию о каждой из семи извилистых змеек, уходящих далеко-далеко. Творить волшебство философского камня и бесконечных песочных часов, чтобы всегда, в любой момент времени, иметь возможность пойти по любой дороге, но не сдвинуться с места.

Постепенно глаза становятся близорукими, крик мой тише, а на дорогах гаснут и бьются фонари, превращая бесконечность возможностей в непреодолимую темноту. Время останавливается. Я сам его этому научил.

«Есть здесь кто-нибудь? Мы чужие среди чужих...»

– Ваша станция.

Я молча поднимаюсь с деревянного пола, перекидываю ремень гитары через плечо и выхожу к ветру осени в туманный рыжеватый коридор без стен. Листья шурша обнимают меня, и мы вместе выбираем дорогу, одну единственную.

Ты –
человек.

Ты родился для того, чтобы нести людям свет, а не боль.

Каждому.

Каждому атому этой вселенной.

А ты выглядишь солдатом, с оружием в руках расстреливающим окружающий мир, потому что так красиво из живого вылетают души, и тебе нравится на это смотреть.

Стреляешь и говоришь вслух сам себе и другим – я добрый, я светлый, я святой, я всё делаю искренне и честно, из самых лучших побуждений.

А затем бывают моменты, когда это «честно и искренне» вообще не кажется тебе твоим, будто ты придумал их для собственного эгоизма, потому что любишь испытывать мнимые эмоции.

Тогда ты понимаешь, насколько ты не понимаешь себя, насколько ты потерялся и заблудился в собственных желаниях, мирах, правдах и неправдах. Насколько ты смотришь на себя со стороны и насколько подвижно то, что внутри.

ДВИЖЕНИЕ МОЛЕКУЛЫ

Точка приходит в круг, где в один момент соединяется ещё с двумя точками. Затем с одной из них она сближается и становится единым целым. После этого целое рассыпается, и чужая точка превращается в блуждающую по кругу. Наша точка растворяется и появляется вновь. Затем в круге появляется новая точка, которая наполняет нашу точку светом, пока та не начинает сиять. В этот момент наша точка вспоминает о соединении со второй точкой и становится единым целым с ней, но что-то не так, и теперь она сама разделяет целое, начав движение к третьей точке. Но третью точку держит половина окружности, а нашу точку держит её сила воли и совесть. У точки бывает совесть.

МЕТАФОРИЧНАЯ ЗИМНЯЯ ЛИРИКА

Иду по зимней, ветреной и снежной улице. Снова встречаю тебя, отвожу глаза и прохожу мимо. Необъяснимо. Я как будто уехала далеко, надолго, и больше не знаю тебя. Разлука через сантиметры. Но тут ты кричишь моё настоящее имя, я оборачиваюсь со взглядом, полным надежды.

– Иди сюда, я соскучился.

– Я тоже.

Мы стоим, обнявшись – пять, десять минут, нас медленно и заботливо укутывает снег.

– Прости, что не смотрю тебе в глаза, мне трудно.

– Ничего страшного, я понимаю. Прости и ты, что...

– Нет, если бы я встретила тебя заново – ощущала бы к тебе родное тепло, а сейчас...

– Не хочу уходить.

Не сговариваясь, мы берёмся за руки и открываем зелёную дверь, поднимаемся выше и выше – крыша. Ты достаёшь наушники и плеер, кутаемся в расстёгнутые куртки и слушаем джаз выходного снежного дня. Чувствую, чувствую тепло и нежность! Мой Мастер.

Самое волшебное – единство. Наверное, мы смотрим сейчас сверху на один и тот же город, слышим одну и ту же мелодию и дышим в такт.

Мы живые с теми, кто чувствует ту же радость и ту же боль, кто понимает амплитуду наших чувств и её направление, кто мудрее и справедливее, выше и чище, кто вдохновляет и вдохновляется. Спасибо.

Танец – это сон. Не просто сон, а ощущение полёта во сне, молчаливая истерика или медитация, всплеск эндорфинов в крови и дыхание настоящей силы мира. Это голос твоего тела. Мысль, выраженная ритмом, движением, рывком, эмоцией, расслаблением или напряжением. Это ощущение эфирной субстанции своего и чужого тела. Возможность высказать то, что не можешь передать словом.

Совместный танец – это безграничное познание тех, кто танцует рядом с тобой, это волны-мысли, тяжёлые и прозрачные, гибкие и чистые, как вода. Невидимые и неосязаемые, как воздух. Холодные и обжигающие, как лёд и огонь.

Это как смотреть очень долго человеку в глаза, но при этом телом выражать свои мысли.

(Я обожаю смотреть подолгу в чьи-то глаза, особенно если этого требует актёрский тренинг, потому что благодаря установке «задание» пропадает неловкость – мне кажется, именно в глазах другого человека можно познать мир и смысл жизни. Но в глаза родных и близких подолгу смотреть страшно – есть ощущение, что я могу им навредить этим любопытством, таким прямым каналом связи между душами, если они существуют.)

Танец с кем-либо – это фантазия и история, которую придумывает каждый и сразу же рассказывает эту историю с помощью тела. Это возможность рассказать свою историю другому человеку без негативных последствий и траты времени на годы жизни, когда неожиданно понимаешь, что истории не совпадают. Это чудо воображения и энергетической связи, стука сердец в унисон и чудо любви.

Так хорошо жить, когда чувствуешь внутри целую Вселенную, и по-

нимаешь, что жизнь тебе дана для того, чтобы эту Вселенную вывернуть наизнанку, открыть её, поделиться. Не идёшь, а летишь под музыку в новых наушниках и музыку ветра, приближающаяся зима морозит тело, фонари один за другим гаснут и вновь загораются от твоего приближения, и за пять лет это уже не случайное совпадение. Осень – время, когда кто-то наделяет меня невероятной энергией свершений, любви и чего-то необъятного (к сожалению, эта энергия ощущается больше мужской, чем женской). Энергия всепрощения и света, постоянного поиска нового, поиска глубин и понимания в глазах окружающих тебя существ. Время космических снов, исполнения желаний, огромной работы и маленького страха не справиться с этой энергией, неверно её распределить и потратить, страха иллюзии происходящего и того, что ты просто нездоров.

ЯБЛОКИ И МАНДАРИНЫ

В который раз убеждаюсь, что случайности не случайны.

Ты приезжаешь домой не так, как обычно, вспоминаешь, что обещал купить фруктов – выбегаешь обратно в мороз и идёшь в магазин, который при раскладе «обычно» – ну никак не по пути – и магазин не так, как обычно, оказывается закрыт – совсем закрыт, на ремонт, без признаков жизни и освещения.

До знакомых супермаркетов далеко – ты крутишься на месте, смутно припоминая, что вчера утром перед глазами мелькало какое-то милое название – то ли «льдинка», то ли «ягодка». В десятиминутной попытке перейти дорогу обратно к дому замечаешь на той стороне мигающую вывеску: «Витаминка».

Открываешь дверь, думая о фруктах... и попадаешь в иную реальность, лет на шестнадцать назад. Омут памяти. Рассказываешь, как ты чувствуешь себя сегодня и кто ты, что нового в этих шестнадцати прожитых годах, вспоминаешь снова своё имя, тебе рассказывают то же в ответ – и вы оба понимаете, что жизнь чертовски быстрая, короткая и одна, а ты как остался ребёнком в шапке с помпонами, мечтающем о чём-то великом, сильном, переворачивающем мир вверх дном, находящем его новую, положительную точку опоры, верящим в великую любовь, честность и дружбу, так и живёшь, отгоняя от себя мысли, что кто-то умирает, стареет – ты не меняешься – ты ещё где-то там, когда ещё ничего этого не произошло – кто-то не женился, кто-то не умер, кто-то не начал пить – а сегодня эти факты сыплются на тебя как камни с вершины горы, но ты усиленно пытаешься их оттолкнуть, закрыть глаза и представить, что тебе это снится. И жизнь идёт, и ты не меняешься – идёшь, прыгаешь по сугробам, напевая вслух песни и переживая за будущее... Не видя, что оно в твоём настоящем. Не желая ничего понимать. Начиная ощущать бессилие и бояться слов: «Не успеваю».

Октябрь, здравствуй. Ты так необычен, что мне уже кажется, что всё приснилось, что всё не было правдой. А я просто спала дома, болела и спала, хронически, бесповоротно. Но это не так. Хочу повтора, хочу, чтобы то, что не приснилось, было даже не повтором, а постоянством, это буйство осенних красок и эмоций, этот страх и риск, это нетрезвое счастье. Правда, длилось оно пару мгновений и одну фразу слов, но это неважно. А что теперь? А теперь снова жизнь в мечтаниях.

ПРИВЕТ, СЕНТЯБРЬ

Ура! Скоро снова еду на Запад – то ли для дела, то ли совершать безумные поступки. Я потерялась среди городов, в основном среди двух, но на деле замешано полпланеты. Моё душевное и физическое состояние настолько оставляют желать лучшего, что я вижу невероятно мало способов это исправить. Рациональное и эмоциональное (как бы ни было грустно признать, скорее это не что-то «великое и прекрасное», а шальная эндокринная система) никоим образом не желают уживаться в голове и теле. Они ведут равную, утомительную борьбу с большими потерями.

Похрустываю горьким огурцом, и также похрустывает мой позвоночник.

Встретившись вчера с подругой, осознала, что не я одна такая чокнутая, и, наверное, всё же можно себе позволить плыть по воле эмоций, лишь бы потом телу и разуму не пришлось много работать и расхлёбывать то, что заварили чувства. Друзья и знакомые всерьёз озабочены моей жизнью, кажется, даже похлеще меня самой. Все спрашивают про какого-нибудь мужа, пытаются устроить мне свидания «вслепую», дарят прекрасные подарки, помогают в поиске работы и авто. Среди множества знакомых и родни у каждого на меня свои глобальные планы и занятия, и я где-то кручусь, делая что-то то ли для себя, то ли всё же выполняю бесконечные просьбы. У каждого своё непеременимое мнение по поводу того, где и какая мне нужна работа, в каком городе мне всё-таки жить, нужна ли мне вообще машина, с кем общаться, как писать стихи, как делать проекты, играть ли в театре, как смеяться и как дышать. Особенно «как дышать», потому что среди этих взрослых и юных мнений я уже не могу дышать, и даже если треть из них, а, может, даже процентов 70 истинны и верны, мне хочется убежать, сжечь все мосты и сделать с точностью до наоборот!..

Я подвешен на перекрёстке дорог в степени «бесконечность», с каждой секундой висеть всё тяжелее, а вместо выбора всего этого на горизонте замутнённого и полусонного по отношению к миру и этим дорогам сознания маячит какой-то человек, который, я знаю, совсем не то, что мне нужно, совсем не там, не так и ещё очень много «не». Но так туда и тянет, в эту

полную противоположность, кажущуюся не «противо...», а даже зеркалом, вторым «я», кем-то понимающим. А люди вокруг крутят пальцем у виска, и я их понимаю.

МЫ ЧЕГО-НИБУДЬ НАПИШЕМ, ЧТОБЫ БЫЛО

Итак, диплом магистра защищён на ура, грамота за стрельбу из лука получена, права получены, на север области немного съезжено – Невьянская башня покорена, какие-то скальники (Георгиевские) тоже покорены, и Тюмень, и вообще много всего. Столице Урала рукой помахали и теперь грустим в столице Восточной Сибири – ищем и почти нашли работу и авто, разгребаем квартирно-дачные завалы и представляем мысленно ремонт, участвуем в двух дизайн-конкурсах сразу (и ни один из двух результатов ещё не получен, и даже не начат к ним путь), дважды съездили на гастроли со своими стихами – в Слюдянку и в Усолье-Сибирское, съездили в Выдрино (Бурятия) на luxury-party на Байкал, с палатками, костром, чужой гитарой и своей вдруг меланхолией, погоняли на двух велосипедах, сыграли в шахматцы императорские в детской шахматной школе и выиграли у преподавателя (но он поддавался), полазили по крыше какого-то здания, прогулялись с каким-то джентльменом, сходили на свадьбу и сделали открытку-подарок на неё, покатались на лошадке... А теперь сидим-залипаем в каком-то странном состоянии, хотя надо срочно покорять мир и творить море дел!

Что-то сломалось в тебе тогда – ты и значения не придавал, не заметил. И только одно не получается с того момента, и только оно служит индикатором, что что-то не так, хотя ты был уверен, что уже прошло много времени и сейчас получится. Нет. Надо вернуться и вспомнить, понять причину – что именно сломалось, иначе вперёд дороги не будет. А нужно, чтобы она была! Хорошая и светлая.

Разворачиваюсь и бегу по пустоте, ногами по воздуху, справа и слева вспышки цветных изображений, а впереди белый-белый свет. Меня тянет туда, я невероятно хочу как можно скорее оказаться там, в белом пространстве света, а не бежать и бежать бесконечно долго, разглядывая происходящее вокруг, наслаждаясь им. Вот бы поскорее к результату!

– А какой в этом толк? Результат – это и есть процесс, его нужно осваивать постепенно, улыбаясь и продвигаясь по лабиринту цветных картинок к идеальному белому свету.

– Но я не умею наслаждаться моментом, я распыляюсь! Разрываюсь на миллиарды частиц, и каждая хочет делать своё дело для продвижения к

свету.

– В результате вы пробуете по чуть-чуть разного, не успевая осознать в полной мере хотя бы что-то одно. Ведь так?

– Да. Но, начиная одно, сразу же кричит о своём сне другое, перетягивает на себя внимание.

– Последовательность. Найдите последовательность и логику, и тогда, быть может, не вся жизнь пролетит мимо в кружащейся безобразным танцем пустоте, из которой то и дело выпрыгивают блёстки разных величин и свойств. Быть может, не вся.

Гуляла сегодня по дворам – разглядывала здания, балконы, небо, старые гаражи, по которым лазили в детстве. Медленно бродила, вдыхая воздух, наблюдая. А люди подозрительно косились – что она замышляет, почему разглядывает всё вокруг? И сразу вспомнились строки из любимого Брэдбэри:

«Да ничего. Просто мама, отец и дядя сидят вместе и разговаривают. Сейчас это редкость, всё равно как ходить пешком. Говорила я вам, что дядю ещё раз арестовали? Да, за то, что он шёл пешком. О, мы очень странные люди».

Прочла я наконец-то книгу «Мой Рагнарёк» Макса Фрая, купленную год назад, такую рождественскую сказку, историю конца света и пережившего его любимого героя Макса. Море скандинавской мифологии, переплетений и... чего-то такого, что осознаётся и ощущается нутром! Рекомендую.

О дружбе, юморе, стратегиях и запредельном.

Надо скорее знать автора и его книги и начинать знакомство не с этой книги, ибо специфично. Отличается от остальных книг очень. Атмосферная, на тонких эмоциях. Герой оказывается полководцем, что должен привести мир к концу света, но герой вообще против и этакий везучий весельчак, обладающий немислимыми силами, но они ему вроде и ни к чему – относится к ним с юмором. Для меня он идеальный маг или правитель – не хвалящийся властью, однако её имеющий. Смешаны мифологии, эльфы, люди, Боги, актёры... Это не вызывает диссонанса – всё в мире есть и в сознании нашем перемешано.

Я её долго читала, оставляла на сладкое, влюбилась в неё, ещё не читая, под подушку прятала. И, наверное, надо ещё перечитать. Что-то в ней есть. Так же хочется ко всему относиться, как этот Макс. И ассоциации с ветром – они у меня всю жизнь.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТЗЫВ О ВЕЧЕРЕ ЛЕТА НА БАЙКАЛЕ

Это так щекотно, так тепло по всему телу пропускается. Когда идёшь поздним вечером по морскому берегу, слышишь бой волн, чувствуешь запах соли, когда твои шаги сопровождаются Луной, и тыходишь к людям, сначала легонько, издали, проверяя... Люди сидят у костра, греют руки и считают звёзды, они звездочёты без телескопов, они путники твоей и своей жизни. Они подзывают тебя ближе, греться вместе, играть этим огнём, проверять искры. Ты садишься рядом, прямо на землю, обхватываешь себя руками и смотришь на людей. Они, должно быть, что-то думают о тебе. Один из них старик, в его голубых дрожащих глазах отражаются блики небесных светил. Другой – ребёнок, он проводит рукой по песку, достает оттуда сухую ветку, похожую на составляющее пергамента. Подносит её к костру... И вот он уже на самом краю у воды, жонглирует этим факелом. Узорную бесконечность. И так всё это приятно, так тепло по всему телу разливается... Так щекотно.

Нет! Нет! Нет! Надо гнать от себя мысли о выборе жизненного пути! Мне страшно! Они мучают меня, я схожу с ума, впадаю в истерики и уничтожаю свои нервные клетки. Эти океаны желаний и возможностей нужно стереть из моего обзора. Я просто схожу с ума оттого, что, выбрав что-либо одно, ты лишаешься выбора миллиарда других вещей.

А сейчас, за последний месяц, я выбрала для себя очень многое, и целей поставила слишком много. От этого, мне кажется, человек рассыпается, как от заклинания Редукто. Всё вокруг кричит, зовёт, дарит свою надежду. И я считаю себя сильной, выбрав и совершив так много, но, по-моему, это разрушает человеческое естество. Нам не успеть за одну жизнь. От этого очень плохо.

Особенно сейчас, когда передо мной стоит великий выбор. Выбор, от которого зависит абсолютно всё. То, что было ранее в моей жизни, устраивает меня безумно. Но мысли о будущем очень сильно влияют на меня. Я уже выбрала для себя дизайн, но тут так увлеклась стихами и прозой, захотела испытать гитару, вспомнила о велосипедах, коньках, лыжах, скульптуре, литературе и обычном художественном искусстве (таком, как классические живопись и графика, а не дизайн). Тут ещё всплыла Уральская архитектурно-художественная академия, которая в Екатеринбурге, в который мне очень хочется, но не из-за города. Но абсолютно также, я понимаю, что для того, чтобы съездить в отпуск в тот же самый Екатеринбург, Москву или Питер, а ещё лучше в Прагу или Лондон, мне необходимо высшее образование и карьера; работа, которая бы безумно увлекала меня и приносила прекрасный доход. Смущает меня и присутствие жур. фака в ИГУ, он манит меня, но не

самим собой, а кое-чем иным... А также смущает страх того, что надо выучить литературу и сдать композицию и рисунок без всякой магии. Смущает меня и желание попасть на РИ (ролевые игры живого действия), поколдовать в мантиях и пожить волшебством. И смущает то, кем можно стать после окончания ИРГТУ, ИЗО. Я ничего не знаю, не понимаю и боюсь будущего, которое одновременно меня опьяняет и влечет.

Критика и литературоведение

ЛИДИЯ ШАРКУНОВА, 1989 г.р., Старая Ангасолка

ГРАФИКА ИРИНЫ ЖЕЛЕЗНЯК

Ирина Железняк по образованию дизайнер, и, возможно, поэтому ей лучше всего удаются декоративные работы и стилизация изображения. Мне очень нравится иллюстрация, которую художница поместила на обложку. Ирина сочетает яркие контрастные цвета. При беглом взгляде жёлтое пятно на тёмно-синем фоне смотрится как взрыв, всполох, сгусток энергии. Как символ той энергии, которой наполнена молодёжная литература. Похожие приёмы используют уличные художники, и поэтому эта работа напоминает граффити.

Мы вглядываемся в работу и видим жёлтое пятно как маленькую планету, на которой синими пятнами торчат кратеры. На этой странной планете живёт человек, и в данный момент времени он отдыхает рядом со своим велосипедом. Как сочетаются вместе беспокойные контрастные цвета и безмятежность отдыхающего человека? Этим сочетанием художница невольно создаёт противоречие. Это внутренний мир творческого человека, который может найти покой в странных вещах, в беспокойном творчестве. Который может куда-то спешить и вдруг замереть, если ему в голову придёт интересная мысль...

Среди подборки работ Ирины выделяются контурные рисунки чёрной гелевой ручкой. Наиболее удачными являются те работы, в которых художница сочетает чёрный контур с цветными материалами. У неё не очень много работ в такой технике, но мне кажется, это именно то направление, в котором ей стоит развиваться.

Тонко и объёмно выполнен рисунок, в котором художница вдохновлялась эстетикой стимпанка. В этой работе можно выделить несколько удачных моментов. С одной стороны, это тонкие линии, сплетающиеся в замысловатые узоры. Они останавливают взгляд зрителя, их хочется рассмотреть более подробно. С другой стороны, художница сочетает тонкие линии с более толстыми, выполненными чёрным маркером. И более яркие, акцентные линии как будто выдвигаются на первый план, за счёт этого в декоративной работе появляется объём. Добавление цветных карандашей и маркеров делает рисунок более живым и эффектным.

Неожиданно удачной у Ирины получилась акварель, изображающая

машину в ночном пейзаже. Неожиданно, потому что эту работу она сделала в рамках скетчинг-марафона. Обычно такие марафоны проходят так: художникам дают несколько тем, и им нужно выполнить каждый рисунок за короткое время – 1-3 дня. С одной стороны, чувствуется, что эта акварель создавалась быстро: некоторые детали машины не проработаны, деревья на фоне расплываются и растекаются... С другой стороны, если мы мысленно добавляем туда что-то ещё – в работе исчезают таинственность, мрачность, зыбкость пространства. Это ощущение создаётся за счёт использования разных оттенков чёрного и коричневого цвета, и применение акварельной техники по сырому усиливает это впечатление. Самое главное, что есть в этой работе, – это состояние, настроение.

У Ирины Железняк много интересных работ, и далеко не все из них опубликовали в этом номере журнала. Но я уверена, что настоящие творческие удачи ждут её впереди. Кроме художественного оформления, Ирина выполнила другую важную работу – вёрстку первого номера журнала «Азь-Арт». Желаю ей вдохновения, сил, идей и, конечно, новых графических и живописных работ!

Лидия Шаркунова, поэт, искусствовед, художник

ЕЛЕНА ЖДАНОВА, 1982 г.р., Иркутск

*Посвящается Марии Сидельниковой,
оказавшей неоценимую помощь
в работе над рецензией*

КУКЛЫ ИЗ ТЕАТРА ИМПЕРАТРИЦЫ

*Рецензия на спектакль Иркутского академического
драматического театра им. Н.П. Охлопкова «Любовь – книга золотая»
Режиссёр-постановщик: засл. арт. России Геннадий Гуцин*

В пьесе «Любовь – книга золотая» Алексей Толстой обращается к временам правления Екатерины II. Историческим фоном для событий служит Таврический вояж императрицы.

Основное место действия – сад в имении Серпуховских. Справа от зрителей на сцене расположена условная комната. В ней на аналое лежит книга.

По словам режиссёра, комната является символом разрушенной часовни без икон. В зияющих пустотах иконостаса висят античные маски, а вместо Библии на амвоне «...лежит та самая Книга якобы золотая...».

За комнатой позади античных масок укрылась скульптура, которая напоминает Софокла и Еврипида. В глубине сцены расположены стога сена. Между снопами стоят статуи античных богов. Аполлон изображён с лирой и крышкой от кастрюли. Скульптура рядом с Аполлоном похожа на кариатиду, греческую матрону, Деметру и Геру одновременно. Богиня с граблями сделана с узнаваемой прической-кукишкой, но без привычной трещотки-систра. У Дианы-охотницы нет оленя под левой рукой. Рядом стоит новодел – садовая скульптура Афины. Скульптуры являют собой карикатуру на садово-парковую культуру XVIII века.

Слева от зрителей стоит повозка, разрисованная в античном стиле, и лошадка-качалка.

Эклектичность декорации передаёт путаницу идей и взглядов, характерную для героев спектакля.

Сюжет пьесы прост. Восемнадцатилетняя княгиня приходится крестницей Екатерине II. Она недавно вышла замуж за князя Серпуховского и отчаянно скучает в родовом поместье мужа. В порыве чувств Дарья Дмитриевна пишет императрице письмо, в котором жалуется на свою судьбу и невежество мужа. В ответ Екатерина II присылает ей книгу «Любовь – книга золотая». По мнению императрицы, она должна привить князю Серпуховскому светские манеры.

Письмо становится исходным событием пьесы.

Из-за книги в доме начинаются скандалы. Раздор между старым мужем и молодой женой с каждым днём усиливается. Классическая тема скандала между супругами создаёт в пьесе фарсовую атмосферу.

Возраст мужа становится для княгини поводом для насмешек. Старый муж при молодой жене выглядит шутком.

Мотив шутовства в пьесе удваивается благодаря дворовому слуге по прозвищу Решето. В списке «действующих лиц» он обозначен как «шут». Княгиня изводит князя сумасбродными выходками, а князь изводит сумасбродными выходками Решето, который угождает хозяину так же, как князь угождает хозяйке.

Иван Гушин исполняет роль Решето.

Долговязый, конопатый, заросший бородой, в шапке и лаптях – дети на голосом завязтого дьячка читает любую книгу, в том числе и «календарь любовников», пародируя чтение Миней-Четых. Манера чтения Ивана Гушина лишний раз подчёркивает нелепость содержания присланной императрицей книги.

Алена Бочкарёва исполняет роль княгини.

В первом действии она появляется в старинном комбинированном платье на фижмах, а на её кудрявой головке элегантно сидит лавровый венок (художник по костюмам Оксана Готовская). Жёлтый цвет платья олицетворяет мир и счастье молодой девушки. Она полна мечтаний и честолюбивых надежд. Юная княгиня активно пытается воссоздать в поместье нравы императорского двора. Она старается окружить себя изящными вещами, изысканными формами. Её выдумки вызывают у князя раздражение.

Игорь Чирва в роли князя Серпуховского трогательно смешон. В первом действии он появляется из-за изгороди. В тапках, пижаме и халате он крадёт вместе с Решето вдоль забора. У князя не хватает духу отделаться от подарка императрицы. Князь пытается применить советы из «Домостроя» к воспитанию жены, но сталкивается с тем, что княгиня и её прислуга воспринимают его как нелепого и грубого старика.

Сцена с попыткой вырвать друг у друга книгу показывает, насколько муж с женой приходятся друг другу чужими людьми.

Выпавшее из книги во время борьбы письмо от императрицы, в котором она обещает навестить крестницу, меняет всё дело. Князь от страха перед воображаемым прибытием Екатерины II мгновенно покоряется взбалмошной жене. Он готов исполнить любой её каприз. Игорь Чирва передаёт болезненный страх, охвативший князя, посредством трясущихся рук, добавок он ползает за женой на коленях по всей сцене, умоляя проявить сострадание. Жена, чувствуя абсолютную власть, насмешливо читает мужу наставление, как следует себя вести, и велит деревенским девкам, переодетым

нимфами, петь «Галантную».

Кристина Разумова, Татьяна Самойлова, Зоя Соловьева, Дарья Горбунова и Анна Берлова исполняют русскую протяжную песню в древнегреческом ритме. Алексей Орлов (II) в роли старика Гомера Степаныча аккомпанирует хору крестьянок-нимф на балалайке.

Воображение впечатлительной княгини наполнено мечтами о роковой страсти. Всю силу зарождающегося чувства она направляет на молодого адъютанта, который неожиданно прибывает в имение Серпуховских с сообщением, что сюда едет Екатерина II.

Появление молодого адъютанта становится причиной поднявшегося в доме переполоха. Князь надевает побитый молью парик, кафтан не первой свежести, препоясывается шпагой и пытается вспомнить уроки «вежества» из своей молодости. В ожидании императрицы он смотрит в перевёрнутую подзорную трубу, в которой всё видится вверх ногами. Близоруким, лишённым способности видеть, он останется до конца пьесы, когда в финале из-за женских капризов он станет шутом при императорском дворе.

При появлении молодого адъютанта княгиня поспешно переодевается в белое платье. Её сравнивают с Психеей. Переживания Дарьи Дмитриевны носят импульсивный характер, её поведение отличает лихорадочная торопливость.

Режиссёр подчёркивает различие между мужем и женой на уровне звуков: когда говорит княгиня, раздаются трели соловья, когда говорит муж, раздаётся карканье вороны.

Прибывший вечером адъютант флиртует с княгиней, не теряет аппетита и успевает между галантными разговорами плотно пообедать и прекрасно выспаться. Николай Стрельченко в роли фаворита Екатерины II играет неотразимого, самонадеянного офицера, который любит разнообразие ощущений и легко увлекается новыми впечатлениями.

Очарованная светским франтом, княгиня не способна управлять нахлынувшими чувствами. Алена Бочкарёва выражает эмоции, намеренно преувеличивая любовные переживания: бегает по сцене, говорит, что от чувств совсем одурела, глухо врезается в стенку, падает, смеётся от радости.

Карикатурность офицерской выправки Николая Стрельченко, комичность диалога в куртуазном стиле, который ведут между собой княгиня и адъютант, объяснение в любви при помощи цитат из подаренной императрицей книги, поиск особого смысла в недомолвках, – всё это рисует зарождающееся чувство между молодыми людьми в комедийном ключе. Нелепость и ребячество куртуазному поведению придает деревянная лошадь-качалка,

на которой любезничают герои. Обменявшись взаимными признаниями в любви, адъютант и княгиня экзальтированно обнимаются и целуются через книгу, после чего кавалер, выражая охвативший его любовный пыл, возит даму по сцене на повозке-колеснице.

Всё заканчивается курьезной дуэлью, которую прерывает появление Екатерины II в сопровождении фрейлины Полокучи Анны Александровны.

Елена Мазуренко в роли Полокучи появляется в рыжем, морковного оттенка платье и в зловещей кичке с рыжими рогами. Кичка недвусмысленно рисует образ опытной в дворцовых интригах придворной дамы. Одним из наименований кички, которую носит Елена Мазуренко, является «сорока». Екатерина II таким же прозвищем называет молодую княгиню. Елена Мазуренко воплотила в спектакле темпераментную, азартную старуху, отлично владеющую языком флирта, которая носит мушку «страстной особы», умеет понять и подстроиться под настроение императрицы, способна развлечь Её Величество, а также умудряется искусно использовать складывающиеся обстоятельства себе во благо. Сразу оценив выгоду, которую она извлечёт из интриги с князем Серпуховским, записная кокетка Полокучи без промедления берётся за его прельщение. В сцене соблазнения Полокучи в чепце, панталонах и халате, неуклюже взобравшись на деревянную лошадь-качалку, томно вздыхая и без усталости хихикая, скрипучим голосом любезничает со старым князем, убеждая его в радостях, которые им сулит любовь. Используя ту же локацию, где ранее произошло бурное объяснение в любви между молодыми людьми, режиссёр подчёркивает двусмысленность ситуации, неубедительность чувств и нелепое поведение, несовместимое со здравым смыслом, которое не очевидно участникам фарса. Признание в любви повторяется в искаженном виде и подчёркивает шутовство действия. Князем может управлять любая приближённая ко двору светская красавица. В финале спектакля фрейлина наденет на князя лошадиную сбрую, запряжёт его в повозку-колесницу и уедет на нём в Крым, оставив имение на разорение неопытной княгине и её распущенной дворне.

С приездом Екатерины II все претензии юной княгини играть значительную роль рассыпаются прахом. Истинной законодательницей мод, с лёгкостью носящей мужские костюмы, шляпы, жакеты-фраки, меняющей фаворитов как перчатки, единственная, кто имеет право читать книгу «Любовь – книга золотая» как ей пожелается – является Великая Екатерина.

При появлении Екатерины пластика движений юных влюблённых деревенеет, они превращаются в кукол из театра императрицы. В сцене игры в бадминтон княгиня и фаворит императрицы одеты в одинаковые белые

одежды, носят одинаковые золотые лавровые венки, одинаково неповоротливо двигаются. Княгиня держит ветку с привязанным к ней воланом, который во время игры летает между царицей и её адъютантом. Актриса движется в унисон движениям ракеток, которыми игроки отбивают волан. Княгиня становится в игре императрицы таким же неодушевлённым предметом, как волан. Её движения определены игрой, правил которой она не понимает. Режиссёр делает акцент на неустойчивости положения княгини в обществе, отражая её уязвимость и незащищенность перед покровительством царицы.

Татьяна Двинская, исполнительница роли Екатерины II, играет наблюдательную, ироничную женщину, которая точно подмечает все перемены в настроении окружающих её людей. В сцене разговора между царицей и адъютантом Татьяна Двинская передвигает руки Николая Стрельченко как опытный кукольник. Это визуально передаёт ощущение утраченной возможности двигаться. Приближённость к власти имущим таит в себе скрытую угрозу для любимцев фортуны. Фарс обращается в трагедию в тот момент, когда Екатерина II, соперничая в любви, чувствует, что бесповоротно проиграла адъютанта молодой княгине. Ни власть, ни хитрость стареющей женщины не могут обмануть время, которое неумолимо лишает её права на бескорыстную верность красивого мужчины.

В спектакле противопоставляется юность восемнадцатилетней девушки, которая, катаясь на деревянной лошади-качалке, всё ещё умеет мечтать, старости, которая греется в блеске и сиянии юношества.

Понимая причины рассеянности своего любовника, императрица играет на честолубии Завалишина, заставляя его чувствовать себя без вины виноватым и раскаяться в своём увлечении княгиней Серпуховской. Не добившись от молодого офицера внятного раскаяния в своих поступках и не стерпев такой дерзости, Екатерина II уезжает из имения, забирая князя Серпуховского с собой в Крым, благодаря чему психологически переворачивает ситуацию своего личного поражения в ситуацию поражения для своей крестницы. Поддержав в своё время княгиню присланной ей книгой «Любовь – книга золотая», императрица предприняла действия по ликвидации «разврата», чтобы её двору были неочевидны любовные промахи Великой Екатерины.

Татьяна Двинская, выдерживая речевые паузы, которые предупреждают о перепадах в настроении царицы, убедительно раскрывает перед зрителями мотивы поступков Екатерины II. Татьяна Двинская показывает сдержанность императрицы в проявлении гнева и незамедлительность в принятии решений, благодаря чему находит драматический нерв роли, который держит зрителей в напряжении, заставляя натянуто улыбаться и переживать за героев спектакля.

Пьеса Толстого заканчивается сценой с заплаканной княгиней, которая выбрасывает книгу под обрыв, а девушки в утешение поют своей хозяйке песню, сулящую возвращение милого друга.

Геннадий Гуцин обрывает спектакль на пронзительном вопле Саньки о том, что нимфы растаскивают барское добро.

Одновременно с воплем, который разносится по сцене, начинается дикая свистопляска, во время которой нимфы и сатир начинают стремительно сдвигать элементы декорации. Оставив середину сцены пустой, они толпой подбегают к разрушенной часовне и вставляют в пустые проёмы зеркала. Уподобляясь спутникам Диониса, они пускаются в безудержный оргиастический, полный мрачного веселья танец. Их образы удваиваются в зеркалах, создавая эффект беснующегося множества.

Чуть поодаль от бушующей толпы сидит княгиня, прижимающая к груди книгу. При ней находятся Санька и Гомер Степаныч с балалайкой в руках.

Закончив плясать, нимфы и сатир надевают на себя античные маски, превращаясь в пародию на античный хор.

Геннадий Гуцин делает выразительной тему судьбы в спектакле, показывая, куда приводит княгиню книга «Любовь – книга золотая».

**ОБРАЗ АНГАРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ
ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА**

Валентин Распутин в своём очерке «Откуда есть-пошли мои книги», размышляя о корнях своего творчества, отмечает, что «...сосредоточенность писательского труда требует сосредоточенной жизни, и уверен: писатель начинается в детстве от впечатлений, которыми напитывается именно тогда. Он может затем долго не знать себя как писателя, а может быть, и никогда не узнать, однако душа засеяна, вздобрена, и она при направленном обращении к ней в любой момент способна дать урожай...».

Сравнивая труд писателя с земледельческим трудом крестьянина, возделывающим землю, Валентин Распутин из всех детских впечатлений, которыми была засеяна его душа, важнейшими считает образы Ангары, семьи и родного языка. Мучительно выбирая между образами матери и Ангары, Валентин Распутин так описывает это душевное расхождение: «...Первые мои впечатления связаны с Ангарой, потом с матерью и бабушкой. Я понимаю, что должно быть наоборот, ведь не Ангара же вспоила меня грудным молоком, но, сколько ни веду я в себе раскопки, ничего прежде Ангары не нахожу. Вероятно, присутствие матери было настолько естественным и необходимым, сращенность была настолько полной, что я не отделял себя от неё...». Таким образом, образ реки в творчестве писателя оказывается прочно связанным с образом матери, а через него с миром детства в прозе писателя.

Ангара олицетворяет собой миропорядок, который определяется стихией: «Ангара же поразила меня волшебной красотой и силой, я не понимал, что это природа, существующая самостоятельно от человека миллионы лет, мне представлялось, что это она принесла нас сюда, расставила в определенном порядке избы и заселила их семьями. Это представление могло связаться с картиной разлившейся Ангары, затопившей деревню, по которой мы, ребягня, плавали на плотиках, и пронесенной на стремнине на каком-то помосте коровы; слышу и сейчас чей-то голос: «Это матушка-Ангара бедным детушкам понесла».

Необъяснимая мощь матушки-Ангары, которая одновременно даёт и забирает у Аталанки благополучие, завораживает и пугает жителей деревни.

«...На двух сокровищах стояла Аталанка – на Ангаре и на тайге, – и ни того ни другого не осталось. Ангара, Ангара! – изумрудная наша красавица, еще и теперь протекающая по моему сердцу, – сколь многим она меня напоила и накормила!...».

Образ реки уже встречается у В.Г. Распутина в тофаларских очерках. В них появляются типичные для писателя художественные образы реки: си-

няя кожа запотевших рек; синий лёд, посиневший лёд; горы боятся речек, потому что вода разотрёт их своими холодными руками и утопит навсегда, поэтому горы держатся за небо.

С.С. Имixelова в статье «Образ-символ Ангары в прозе В. Распутина» обращает внимание на то, что Ангара является символом времени, доли, творчества, матушки. Пространство реки воспринимается как пространство неба, которое содержит в себе свет тайны, является окном к Богу.

Все эти ощущения испытывает шестилетний мальчишка, который впервые появляется у В.Г. Распутина в повести «Вниз по течению», напечатанной в журнале «Наш современник» в 1972 году. Впоследствии, незначительно отредактировав повесть, автор определит его как очерк и назовёт «Вниз и вверх по течению».

Очерк содержит в себе размышления его героя Виктора, который едет в отпуск в родную деревню. Во время долгой дороги молодой писатель думает о судьбе деревни, пережившей затопление, о судьбе писателя, о тайне творчества, о реке, по которой он плывёт. Все его раздумья перемежаются яркими воспоминаниями о детстве. Эти воспоминания стоят особняком в очерке среди других описаний. В дальнейшем В.Г. Распутин ещё не раз отдельно напечатает отрывки из очерка, которые касаются детства шестилетнего мальчишки. В первый раз В.Г. Распутин напечатает их в 1971 году в № 277 газеты «Восточно-Сибирской правды». Это произойдёт за год до полной публикации произведения в «Нашем современнике», которые писатель так и озаглавит – «Воспоминание о реке: отрывок из повести «Вниз по течению». Второй раз В.Г. Распутин в 1980 году переделает отрывки из очерка для издательства «Малыш». Книга выйдет под названием «На реке Ангаре», в которой главным героем будет шестилетней мальчишка. Название отразит центральную тему сборника, вокруг которой организован сюжет.

Структура очерка легко дробится на небольшие тематические зарисовки. Из них В.Г. Распутин составил семь микрорассказов, вошедших в сборник «На реке Ангаре». Позже книга будет включена в сборник «Земля родины». Микрорассказы отражают самые значительные переживания шестилетнего мальчишки, которые являются составляющими элементами счастливого детства.

Первый микрорассказ называется «День рождения». День рождения для героя является сакральным событием в жизни. Датой своего рождения человек привязан к определённому дню в календаре. Весь следующий год зависит от тех событий, которые произойдут с героем в его день рождения. В обыкновенном дне человек имеет дело с обыденным временем и ведёт себя с ним на равных. Однако в часы золотого именинного времени человек становится зависимым от сил, которые влияют на его судьбу. Поэтому для героя одноимённого рассказа становится важным тот факт, что день, когда ему исполняется шесть лет, выпадает на первое мая. Из-за совпадения в календар-

236

ном дне двух важнейших дат: дня рождения и праздника весны – мальчишке страшно хочется, чтобы первого мая начался ледоход. Ледоход становится для мальчишки частью ритуала, благодаря которому он сможет повлиять на свою судьбу. В рассказе подробно описывается ожидание, в которое погружён мальчишка, сидящий у реки. В рассказе В.Г. Распутин развивает идею времени, которое воплощено в образе Ангары. Ребёнок не просто ждёт ледоход, он воспринимает его как залог будущего счастья: кончится война, отец вернётся с фронта, его полюбит соседская девчонка Нинка. Он терпеливо просидел на реке весь день, ожидая с тяжёлым вниманием, когда решающий толчок сорвёт с места лёд. Но момента, когда лёд тронулся, он так и не дождался. Вечером измученного мальчишку с трудом увели домой.

Ледоход начался ночью. Витя, проснувшись от далёкого неясного гула, пошёл на зов реки, преодолевая страх перед неизвестностью. И лёд тронулся. Этот эпизод из очерка «Вниз и вверх по течению» В.Г. Распутин разбил на два микрорассказа в сборнике «По реке Ангаре», посчитав, что необходимо отдельно описать грозу и ледоход.

Ночная гроза описана как неразрывная связь реки с небом, без которой ледоход не начинается.

Природные явления в мифопоэтике В.Г. Распутина наделены нравственным смыслом. В эпизодах «Ночная гроза» и «Лёд идёт» ярко и динамично изображены все природные стихии, которые оказываются взаимосвязанными не только между собой, но и с мальчишкой, амплитуда переживаний которого совпадает с движениями стихий. Хлестнула молния и разошлась на конце жутким голубым огнём, небо треснуло и обвалилось из-за грохота вниз, мальчишка закричал и упал, а, вскочив, чудом услышал, как звук раздираемого неба повторился в глубине льдины, после чего увидел, как, воду, ломающую лёд, выносит на середину реки. Сакральный момент начала ледохода мальчишка пережил, слившись в одно тело с рекой. Это позволило ему услышать тот самый звук, который свидетельствовал о том, что пошёл лёд.

В повести «Последний срок» дано сильное по художественному воздействию воспоминание из юности старухи Анны. Память старухи воспроизводит эпизод на реке, когда она в летний день после короткого дождя брела вдоль берега в тёплой, как парное молоко, воде. Это была счастливая минута её жизни. Она смотрела на красоту этого мира, на радостные, согласованные между собой действия вечной жизни. В реке после быстрого, буйного летнего дождя плавали пузыри, ходила пена, с кустов на землю тяжело падали набрякшие капли, по траве как жучки катились росинки, опьянённая дождём земля, утомлённо дыша, догола распахнулась глубокому, ясному небу. Старуха Анна, вспоминая свою юность, задаётся вопросом, можно ли, переплыв на противоположенный берег реки, застать ту же красоту, которая бы нисколько не увяла и не померкла за эти годы?

Река связана у героев с ощущением подлинности жизни.

С.С. Имixelова отмечает, что символичность образу Ангары придаёт связанное с рекой понятие правды, которое разделяется в её образе на два берега. А.А. Митрофанова в своей книге «Статьи по поэтике современной русской прозы» также отмечает важность деления у В.Г. Распутина образа реки на правый и левый берега. Правый и левый берега реки – это две правды, своеволие и устои, нижняя и верхняя деревни. Они олицетворяют собой необратимый ход жизни, реальность, которая вмещает в себя одновременно хорошее и плохое, жизнь и смерть.

Последний микрорассказ «336 и одна» из сборника «На реке Ангаре» посвящён описанию детского страха, который связан у мальчишки с тем, что «<...> река могла исчезнуть, уплыть, кончиться, обнажив на память о себе голое каменистое русло, по которому станут бегать собаки. По утрам, боясь признаться в этом даже самому себе, он осторожно шёл проверить. Не случилось ли что-нибудь с рекой, и не понимал, почему это больше никого не тревожит, почему все спокойны, что река и завтра будет течь так же, как текла вчера и позавчера».

Страхи, вывернутые наизнанку, исполнились во взрослом мире, описанном в очерке «Вниз и вверх по течению»: «...от реки тут, конечно, ничего не осталось, и даже приблизительно нельзя было указать, где пролегало ее русло; <...> река захлебнулась и утонула во встретившем ее равнодушном разливе».

Мотив мёртвой воды, смерти на реке является сквозным в прозе В.Г. Распутина. «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Поминный день», «Вниз и вверх по течению» объединяют между собой мотив утопления.

Двойственность образа Ангары парадоксальным образом воплотилась в рассказах из «Цикла рассказов о Сене Позднякове»: «Поминный день» и «Нежданно-негаданно».

Рассказ «Поминный день» начинается с описания трагической гибели Толи Прибыткова, который утонул в Ангаре. На его поминки из города приезжает брат Толи, Бронислав Иванович. Проникнувшись симпатией к своему новому знакомому Сене Позднякову, Бронислав рассказывает ему историю из своего детства, которая случилась с ним ещё на старой Ангаре, когда мальчику было двенадцать лет.

Одним из самых праздничных событий для деревенских ребятишек считалось прибытие парохода. Для далёких деревенок, разбросанных по Ангаре, пароход являлся единственным путём сообщения с внешним миром. Каждое прибытие парохода становилось огромным событием для всех ребятишек, которые гурьбой сбегались к пристани, чтобы полюбоваться, как из города в гости к отцам-матерям наезжают красивые и умные, почти неземные люди. Всем детям хотелось стать такими же нездешними и прекрасными

ми, как уехавшие в своё время в город юноши и девушки. Каждый мечтал, что, когда подойдёт его срок, он тоже далеко-далеко уедет из родной деревни. Мечта об иной жизни, связанная с пароходом, оказалась вывернутой наизнанку, когда Бронька решил проехать зайцем на пароходе из Замараевки в соседнюю деревню к бабушке. Мальчишка наткнулся на хладнокровную жестокость в лице второго помощника капитана Сокола, который решил проучить Броньку, доставив пацана в Братск. Сокол затеял злую опасную игру, в которой мог погибнуть ребёнок, и нашёл в лице команды соучастников для своих издевательств. Броньке запомнилось картинное мужественное лицо под фуражкой, которая скрыла от него личность преступника, фигурное озлобление, которые сопровождали глумления. Столкнувшись с бесчеловечностью со стороны людей, Бронька сиганул в Ангару, в которой мог захлебнуться. Но Ангара вынесла мальчишку на мелководье. Это было первое чудо в жизни Броньки. В этой схватке он на всю жизнь победил Сокола, который после истории с мальчишкой навсегда ушёл с Ангары.

В.Н. Топоров в статье для мифологического словаря «Река» отмечает, что испытание водой является одной из форм Божьего Суда.

Бронька прошёл испытание водой.

Спустя годы полумёртвая вода взяла дань с людей за своё бесплодие: Толя утонул в Ангаре, а его дочь поедет учиться в город, где будет жить в бездетной семье Бронислава.

Другой рассказ из цикла о Сене Позднякове «Нежданно-негаданно» показывает, какой видится деревенскому человеку жизнь в городе. Она кажется ему вывернутой наизнанку. Сеня Поздняков воспринимает город как беспорядочное движение, как один большой китайский рынок. Рынок снабжает Иркутск непрочным хламом. Хлам быстро портится и выходит из строя. Это является основой современной экономики – плохое качество товара требует замены, а бессмысленное потребление даёт русским и китайцам работу. Иной работы, кроме торговли, современная Россия предложить человеку не может. Сеня видит схему перепродажи дешёвого товара за большие деньги глухим обедневшим деревням, которые страдают от дефицита и отсутствия зарплаты, и называет этот механизм адовой простотой, поражаясь изобретательности новоявленных коммерсантов.

На базарной площади Иркутска Сеня видит сидящего на цепи медведя, которого держат для фотографирования. Облезший, полуживой, старый, замученный медведь, гремя цепью, исподлобья косится на окружающих ребяташек. Медведь уже давно смирился с тем, что его жизнь кончилась. На рынке Сеня видит трёх нищих стариков, среди которых один безногий на каталке. Видит цыганят, которые просят милостыню.

Среди безобразия побирающихся, рыночной пестроты и шума Сеня встречает нищую девочку пяти-шести лет, которая поражает его своей красотой.

У девочки ангельское личико, дымно-белая льняная тугая коса с тёмно-красным бантом, чуть вытянутое, чистое, нежное, ласковое открытое лицо. Небольшие, глубокие, голубые глаза, чуть курносый нос, правильный, со слегка оттопыренной нижней губой, рот.

Девочка сравнивается с ангелом: ангельское лицо, ангельский лик, ангельское создание, небесное создание, девочка, точно слетевшая из сказки, чистое свидетельство присутствия живого Бога на земле. Красота её лица, по сравнению с обычными лицами, сравнивается с работой стеклодува – оно не просто лепилось, а выдувалось небесным дыханием. И в то же время лицо девочки кажется Сене настолько тусклым, что он задаётся вопросом: ангельское личико, слепленное с таким вдохновением, не было вздуто изнутри свечкой, которая его освещала и теплила, изначально, или свечка загасла при жизни?

Волею случая Сеня берёт девочку на воспитание. Он жалеет ребёнка.

В описании девочки В.Г. Распутин использует сравнения с Ангарой: дымно-белую льняную косу Кати Галя заплетает, поворачивая волосы на Сеню, как поворачивает, катая волны, река к берегу.

Катя смотрит вокруг себя со стылым вниманием, для своих лет она вялая и заторможенная, ведёт себя как неживая, безвольно дёргаясь, словно тряпичная кукла.

Катя с трудом произносит слова, говорит односложно, чаще отмахиваясь головой.

В.Н. Топоров в статье отмечает, что «...Связь реки с речью принадлежит к числу архетипических образов, известных в ряде традиций, в основе идентификации не только акустический эффект шумно текущей воды, но и образ самого потока реки и речи, последовательного перетекания – развития, от начала до конца, до полноты смыслового наполнения».

Собирая в огороде огурцы, Катя перекачивает их в руках, то ли согревая огурец, то ли согреваясь огурцом. Собирая помидоры, она долго выбирает среди начинающих краснеть самые спелые помидоры.

Одной из важнейших метафор в прозе В.Г. Распутина является метафора ломающегося льда. Ледоход является сакральным событием в мире детства В.Г. Распутина. Сердце Кати выглядит вздыбленным, неповоротливым, угнетенным зверской жизнью, – в глубине которого беспокойно и глухо колотятся воспоминания о матери и отце, о дороге к русским, о затравленной жизни у Ахмета. В семье Поздняковых под воздействием живительной силы любви сердчишко Кати должно было начать оттаивать от тепла, как тает от весеннего солнца лёд. Но так же, как и в рассказе «День рождения» мальчишка не дождался ледохода, потому что движение льда начинается ночью, семья Поздняковых потеряла Катю до того, как девочка поверила людям. В образе Кати реализован сквозной для творчества В.Г. Распутина мотив пустого ожидания.

В образе Кати реализуется важнейшая для творчества писателя метафора живительного огня. Душа Кати пробуждается от живительного огня керосиновой лампы. Когда однажды при Кате зажгли керосиновую лампу, она так понравилась девочке, что Катя полюбила играть с ней по вечерам, прибавляя и убавляя фитиль. Только в моменты этой игры Сеня видел на живом лице девочки искрящиеся проблески тайной жизни. Лицо Кати было залито исходящими от лампы бликами и тенями, когда Катя крутила фитиль и что-то нашептывала над лампой. Любуясь ей незатейливой игрой, Сеня называет про себя девочку маленькой шаманкой.

Ангара множество раз характеризуется В.Г. Распутиным через цвето-образы: изнутри воды идёт мерцание, в котором струится и трепещет небо; блёклое колыхание; причудливая игра синей и зелёной красок; сияние глубины; серо-стальная, тусклая река; сверкающая течь. Все эти описания смыкаются с метафорой «свет правды».

В образе Кати «свет правды» проявляется в минуты, когда её лицо залито светом живого огня, идущего от керосиновой лампы. Катя поглощает огонь и отдаёт его назад вторичным теплом, которым отсвечивает её ангельское лицо.

Катя случайно попадает к Сене, и также по воле случая снова исчезает из его жизни, как будто ее и не было вовсе. Появление и исчезновение девочки демонстрирует парадоксальную логику реки, которая одновременно даёт и забирает у жителей деревни благополучие.

Таким образом, образ Кати встраивается в композиционно-семиотический образ Ангары в мифопоэтике В.Г. Распутина.

Потеря дочери, которую уносит вода, встречается в повести «Последний срок». Старуха вспоминает летний день, когда она провожала Люсю в город. Все провожающие пришли на пристань задолго до прибытия парохода. Люсю окружили подружки, которые завидовали и одновременно жалели её. Возле Люси крутилась её младшая сестра Танчора. Мать же сидела от весёлой компании в стороне. Люся старалась не смотреть на старуху, и при прощании ей последней сунула в руку свою ладошку. Только после отплытия, очнувшись на пароходе, она отчаянно и горько начала махать матери платком. Пароход, набирая силу, увозил от старухи её дочь, вода навсегда уносила Люсю из деревни в город.

Амбивалентный образ реки у В.Г. Распутина заключает в себе образ матери-природы, которую покори́л человек. Это отражается в топонимике Ангары, которая теперь делится на старую и новую Ангару. В этом отражаются фольклорные представления о живой и мёртвой воде. Старая Ангара была чистой, звонкой, связанной с небом, в то время как новая кажется неподвижной и серой, покорно и глухо лежащей морем до горизонта. С переменами примиряет детство, которое олицетворяет продолжение жизни: мальчишки в верхней деревне всё также самозабвенно купаются в Ангаре,

катаются на лодке и ловят рыбу, как и мальчишки из нижней деревни двадцать лет назад купались, катались и загорали на Старой Ангаре.

В «Прощании с Матёрой» красной нитью проходит идея примирения героев со своей судьбой: «...Жизнь, на то она и жизнь, чтоб продолжаться, она всё перенесёт и примется везде, хоть на голом камне и в зыбкой трясине, а понадобится если, то и под водой...» Для героев В.Г. Распутина Ангара обладает непостижимой мощью скреплять между собой весь род человеческий, примирять прошлое с настоящим, как два берега образуют собой русло реки.

На семиотическом уровне образ реки в прозе В.Г. Распутина соединяется с образами матери-и-ребёнка и становится сакральным пространством. Эта модель совпадает с фольклором малых народов Сибири, где образ реки занимает центральное место. Как отмечает в своих работах В.Н. Топоров, в культуре шаманского типа река является стержнем Вселенной, моделирует структуру коллектива, является дорогой в поселение материнского рода.

Образ реки выступает в прозе В.Г. Распутина как негласный нравственный закон, который вносит в мироустройство народов, которые живут рекой и тайгой, полноту и целостность жизни.

Гость номера: поэзия

Фото К. Скабардиной

ДМИТРИЙ ФИЛИППЕНКО, 1983 г.р., Ленинск-Кузнецкий

Родился в городе Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Плавучий мост», «Ковчег», «Берега», «Байкал», «Начало века», «Русское эхо», «Культура алтайского края», «Гостиный двор», альманахах «Между», «Часовые памяти», «Отечества священная палитра», газетах «ЛИК», «Истоки», «Поэтоград», «Площадь Пушкина», «Литературной газете», коллективном сборнике «Эхо восьми голосов». Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Автор четырёх книг стихотворений: «На ладонях берёзовых рук», «Небо на подоконнике», «На побережье пульса», «Зайди за мною жить». Лауреат межрегиональной премии им. В.А. Макарова. Награждён медалью «За веру и добро Кузбасса». Организатор Всероссийского литературного фестиваля им. А. Бельмасова. Член Союза писателей России.

Тишина, присядь со мною рядом,
Выпей чаю, вместе помолчим,
Будем запахи ловить ночного сада
И глаза ласкать огнём свечи.

Чёрный цвет моей душе приятен,
И со мной согласна тишина...

Одиночество со вкусом мяты,
Подливай из чайника, Луна.

МОЛЧИМ

Мы молчим. Семь тысяч расстояний
Прерывают наши голоса.
А в душе дожди воспоминаний,
Осенью наполнены глаза.

Между нами горы, люди, слухи...
Тихо гаснут наши голоса.
На границе счастья и разлуки
Часовыми стали пояса.

Зайди за мною жить, возьмём с собой конфеты.
И лучшую подругу для друга позови.
Нам будут раздавать свои стихи поэты,
Без слов любви в любви не может быть любви.

Зайди за мной лететь к Юпитеру, к Венере
И раздобыть ключи от солнечных небес,
И распахнуть для всех людей Вселенной двери –
И спрятаться навек, уйти в байкальский лес...

Я живу на улице шахтёров,
Той, что пахнет хлебом и углём...
Я люблю шахтёрские просторы,
Я люблю свой дворик и свой дом.

И рассвет ленинск-кузнецкой лапой
Гладит землю моего двора...
Я люблю шахтёра – он мой папа!
И Кузбассу – дружное УРА!

КТО ТЕПЕРЬ Я?

Кто теперь я? Не знаю сам.
Горный мастер? а может, поэт?
У двери двадцати восьми лет
Стал героем газетных реклам.

Непонятно – лишь к горлу комок:
Вроде стал знаменитостью я?
Вместе с салом шахтёры меня
Заворачивают в «тормозок».

Для кого? Для чего я пишу?
Может, шахта важнее, чем жизнь?
Журналист мой, ответь мне, скажи,
Так ли нужен был мне этот шум?

СЕГОДНЯ

Во дворе белый запах мороза.
Наберу два ведёрка угля
И начну новый день с Берлиоза
У печи посреди февраля.

Растоплю я кедровую баню,
Приготовлю я ужин жене
И стихи о любви ей сварганю –
Вот что близко и дорого мне.

УТРО

«Кровавая Мэри» зари
Наполнит небесный бокал,
Закроют глаза фонари,
Проснётся проспекта река.

Зевает ночной продавец,
Продукты на полках лежат.
Зайдёт краснощёкий юнец,
Разбудит фольгой шоколад.

Спешат на работу шаги,
Сверкает троллейбусов медь...
Звучит государственный гимн –
Чтоб утро России согреть.

О ГОРОДЕ В СЕБЕ

Монеты кидайте, кидайте монеты
В могилы шахтёрские вновь.

Кровавою смесью стекают рассветы
По окнам страдающих вдов.

Мы чёрное небо оставим потомкам
И грязные лица берёз.
Убейте природу – не трогайте только
Сибирский колючий мороз.

Но с каждою тонной теряем мы воздух
И нежность весенних дождей.
Добились того, что не падают звёзды
На травы кузбасских полей.

Города, как будто звёзды:
Гаснут днём, сияют ночью.
Пробивает поезд воздух
И людей болтает очень.

И зелёные кюветы,
Справа, слева – слева, справа,
И в июле на рассвете
Пересёк Урал я, браво!

Сёла, бедные деревни...
Почему, ответь, Россия,
Смотрят грязные деревья,
Как прогресс летит красиво?

Вы знаете, что выпал первый снег?
Да-да, сегодня в десять тридцать восемь!
И снова танцы были на луне,
На них опять присутствовала осень.

Вчера фонарь уснул, а не сгорел.
Ему приснилась золотая люстра:
Что он стоит красивый на горе –
Она висит на небе для искусства...

Молчание и тишина в эфире,
Теперь меня не слышно никому.

Спокойно посижу в своей квартире:
Смирение дано мне одному.

В сети воюют и кричат поэты,
А я пишу больные, но стихи.
Понятно мне, где мухи, где котлеты.
И ясно мне, где духи и духи.

МУЗЫКА

Играй флейта играй
играй белым цветом музыки
ты говоришь со мною нотами
а я их ловлю
и кладу подушечками пальцев
в тетрадь
ноты поселяются в дом из пяти этажей
где каждая нота хозяйка
и диктует свои правила игры

...А вчера я с акулою плавал,
Нежно трогал её плавники.
Это вам не шахтёрская лава
И не мраморные рудники.

Я герой, как на ринге Поветкин!
Я смелей Жака-Ива Кусто!
Только я в металлической клетке,
В водолазном блестящем пальто.

Зайду по грудь я в космос
И искупаюсь в нём,
Так радостно, так просто...
Сквозь звёзды напролом

Плыву на тот я берег,
Где сосны, где трава,
Там в счастье я поверю,
Ослабнет тетива

Моих усталых нервов,

Спокойно на душе:
Я в чём-то был не первый,
Но всё равно уже...

Моя любовь замёрзла у реки,
И чувства зябкие – фарфоровые узы.
А через душу проплывают сквозняки
И жалят сердце мне, как будто бы медузы.

Мосты зевают, и не спит Нева.
Хрустальный ветер прозвенел и в небе скрылся.
Я перед ней в трёх бедах виноват:
Недолюбил, не позабыл, не спохватился.

НАСТИ НЕТ

К, сожалению, Насти нет,
Раньше было в квартире нас двое,
И записка висит на стене –
В ней прощается Настя со мною.

Без неё я смотрю в потолок.
Там сияют забавные звёзды.
Телефон зазвонит: «Я. Алло!»,
Только поздно, опять слишком поздно.

А бумага промокла от слёз,
Я с трудом разобрал твоё имя.
Ты ушла в детский шёпот берёз
И шуршала листвой, как богиня...

Печален я, и болен я
Непониманием и ложью,
Изогнутая колея,
Ломает жизнь мою и крошит.

Переделась вмиг страна
Из красных платьев в дорогие,
Но всё равно она пьяна
И прячет гениев в могилы.

И видимо, не суждено
Расстаться мне с моей печалью,
Смотрю в российское окно,
По будущему я скучаю.

Не кричи на меня.
Ты же знаешь: любовь на пределе.
Ухожу от тебя,
Растворяюсь в тяжёлых метелях.

Знаю, будешь искать
Нежный ветер немислимой страсти,
Но сгорает тоска
Рядом с листьями чёрной окраски,

И любовь замело
На осенней дремучей аллее –
Не кричи, хватит слов.
Я тобою давно не болею.

ТРИ ДНЯ НАЗАД

Общался я с луной три дня назад.
На подоконнике моём мы с ней сидели.
Внимательно она смотрела мне в глаза,
А за окном дворы офонарели.

Я предложил ей чаю, но она
Мне вежливо и тонко отказала.
Вина спросила. Дал. Она с окна
В вечерний снег нечаянно упала.

НОЧЬ ПО ИМЕНИ ЮЛЯ

Что-то не спится...
А может быть, влюбиться
В ночь по имени Юля –
Смогу ли?
Возможно, да,
Навсегда
Расплескав это имя
В своей душе,

Утонуть
В нём.

РАЗГОВОР БОКСЁРСКИХ ПЕРЧАТОК

Две пары перчаток вели разговор
В квадрате забора из белых канатов.
Друг другу давали жестокий отпор –
Слова вылетали как из автоматов.

Их речь не сладка, а трагична порой,
Она принесёт только ссадины, раны.
Перчатки болеют упрямой игрой,
А с ними в союзе – удары-обманы.

Перчатки устанут, закончат свой спор,
Найдут на стене себе маленький гвоздик.
Они знали всё – и успех, и позор...
А что же сейчас?
А сейчас вечер поздний.

БЫВАЕТ И ТАКОЕ

Он знаменит своей мускулатурой,
И для боксёра парень очень умный:
Желает на обед литературу...
Его удар пятнадцать тайсонов в секунду.

На ринге пашет он как папа Карло,
А после боя Маяковского читает.
В его наушниках играет Ани Лорак...
Он отдыхает в красnozвёздном Китае.

Свистит пространство после сильного удара,
В нокаут падает варшавский Левандовски...
Придёт домой герой, чайку себе заварит –
И целый вечер громогласит Маяковский.

Я застрял между ночью и днём
И не вырвусь из тёплого плена.
Эта хрупкая девушка Лена
Обжигает и манит огнём.

Я влюблѐн в этот вечер, влюблѐн,
И друзьями становимся мы с ним,
Посещают всеЛенные мысли:
Я люблю, я во лжи не силѐн.

Мы растаем с тобою вдвоѐм,
Нас обнимут кленовые листья...
Пред тобою, любимая, чист я –
Но застрял между ночью и днѐм.

ЮЛИЯ ТЕТЕРИНА, 2003 г.р., Иркутск

РОССИЯ – РОДИНА МОЯ

*Родина – слово большое, большое!
Пусть не бывает на свете чудес,
Если сказать это слово с душою,
Глубже морей оно, выше небес!*

Родина, Родина... Сколько песен прославляет тебя, сколько поэтов посвятили тебе самые прекрасные произведения, сколько подвигов было сделано ради твоей защиты... Сколько у тебя имен: Родина, Отечество, Отчизна... Если спросить у людей, что они понимают под словом «Родина», то получаешь самые разнообразные ответы, кто-то скажет: «О, Родина – это то место, где я живу»; кто-то возразит: «А для меня Родина – это деревня, где я родился!»; а кто-то тихо произнесет: «Это моя семья...». У каждого человека есть собственное представление об этом удивительном явлении. Так что же это – Родина?

*Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...*

Как только упоминается слово «родина», сразу приходят на ум богатство природы и истории родного края. История и природа всегда были неразлучно связаны на протяжении всего развития России. Наша страна славится неповторимыми пейзажами особой, холодной, но в то же время разнообразной природы. Как органично смотрятся вместе раскидистая ель и ветхая избушка, спрятавшаяся под ее ветвями! Многие старинные постройки так вписываются в русский пейзаж, что кажется, будто это единое целое. Но что, если Родина – это не только место, где человек родился и вырос?

С чего начинается родина?

Как греет душу одна мысль о счастливых моментах детства, о родном доме, о близких людях... Семья, друзья, близкие также являются Родиной. Ради их благополучия человек готов на многое. Взамен те, кто рядом, помогают нам познавать не только окружающий мир, но и себя.

Родина живет не только снаружи, но и внутри человека. Мы нераз-

рывно связаны с ней невидимой нитью, которая ведет нас на протяжении всей жизни, пронизывает как прошлое, так и будущее. Сколько теплоты несут в себе воспоминания о каникулах у бабушки, её горячих пирогах, о том, как впервые сел за парту в школе... Всего этого уже не вернуть, но такие моменты навсегда останутся жить в самом надежном хранилище – в воспоминаниях. В тяжелое время такие мгновения жизни будут исцелять и ободрять их носителя. Будущее же вселяет надежду на изменение жизни в лучшую сторону. А соединяет эти противоположные промежутки времени настоящее. Именно в нем есть вера – в добро, в людей, во все хорошее, что может быть.

Бедны те люди, которые говорят, что у них нет Родины, ведь человек без Родины перестает быть полноценным. У него нет стремления сделать свой родной край лучше. У него нет того всеобъемлющего чувства, которое может дать только любовь к своему Отечеству. Без таких чувств душа беднеет, а сердце каменеет. И, в конце концов, такой человек с легкостью потеряет себя. Но, может, такой человек еще не понял, где именно это чувство обитает в его сердце? В таком случае, еще не все потеряно.

Но что же такое Родина для меня? Это наша необъятная страна, где я родилась, – такая разнообразная своими нравами, историей и природой. Это люди, окружающие меня, – мои близкие, те, кто живет в моем сердце. Это мои воспоминания – от самых малых лет до сегодняшнего дня, хорошие и плохие, яркие и повседневные. Это все, что меня окружает – весь этот разнообразный мир красок, звуков, впечатлений.

Родина настолько многогранна, настолько тесно переплетена с человеческим сознанием, что в восприятии человека она перестает быть просто формулировкой. Для каждого это что-то свое, глубокое и личное. Она может быть не только местом, в котором человек родился и вырос, но и тем, где он обрел себя. Часто такое остается в самых укромных уголках души, до которых довольно трудно добраться, но оно всегда оказывает влияние на человека, на его мысли, и даже чувства. Родина – это не просто слово, это – целый мир.

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

МОЛОДЕЖЬ ЧИТАЕТ О ВОЙНЕ

В первых числах июля этого года в Иркутской областной юношеской библиотеке им. И.П. Уткина завершился конкурс школьных сочинений и эссе **«Молодежь читает о войне»**. Учащимся были предложены на выбор несколько книг о Великой Отечественной войне, в том числе «А зори здесь тихие» Бориса Васильева, «Судьба человека» Василия Шолохова, «Живи и помни» Валентина Распутина. Всего на конкурс поступило более 80 работ со всей области, из которых в итоге на суд жюри в лице писателей-прозаиков Максима Живетьева и Юрия Харлашкина, а также методиста библиотеки-организатора Елены Валерьевны Молчановой, к финальному этапу было допущено 13 лучших работ.

Ознакомившись с присланными текстами, я отметил искренность, с которой ребята подошли к выполнению предложенного им задания. Это хорошо чувствовалось по построению фраз, подбору эпитетов, по общему настрою работ и выбору произведений для сочинений и эссе. Один из авторов Валерий Котов не удержался и написал небольшое эссе сразу по двум книгам.

Конечно, были работы, основную часть которых авторы откровенно позаимствовали в сети Интернет. Но тем отраднее было встречать по-настоящему душевные, вдумчивые и оригинальные сочинения по книгам о Великой войне.

Каждый автор сумел отразить в работе свою позицию и патриотическое отношение ко времени Великой Отечественной войны и к трудностям, которые пережили герои произведений.

Все члены жюри безоговорочно решили отдать 1-е место Дарье Алексеенковой из города Байкальска за эссе **«Родина... не с каналов начинается»** по повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие». В работе Дарьи поражает глубокая боль за те тяжелые испытания, которые пережила наша страна: «В лесах наводили ужас на немцев партизаны. Фашистские полчища нужно было остановить любой ценой». Ощущение внутренней сопричастности автора к происходящим в произведении событиям помогает и читателям эссе проникнуться поднятой проблематикой. Дарья рассуждает о подвиге героинь повести Бориса Васильева: «Она не плакала, не жалела себя, осознавала, что свои жизни они с девочками прожили не зря, они защищали Родину», тем самым подводя итог своей работе и отражая всю трагичность ситуации.

Достойное 2-е место также занял автор из города Байкальска. Сочинение **«Хлыстом войны»** по произведению Василия Шолохова «Судьба человека» Дарьи Шапошниковой получило высокую оценку жюри за глубокое понимание произведения и смелость в высказывании собственных переживаний. Дарья весьма кстати использует рассказы своей мамы о прадедушке, который вернулся покалеченным с Великой Отечественной войны, и сравнивает его судьбу с судьбой главного героя рассказа Михаила Шолохова. Конкурсантка не стала торопиться завершать свою работу, а всесторонне углубилась в описываемую проблему: «Это трагичная, душераздирающая история о настоящем человеке, который вытерпел все испытания судьбы, сдерживая скупые мужские слезы, и не сломался, лишившись всего. Прощел всю войну и нашел в себе силы жить дальше...»

Третье место члены жюри присудили Денису Окладникову, учащемуся СОШ села Мельница, представляющему Солонецкую сельскую библиотеку Нижнеудинского района, за любопытное эссе **«У войны не женское лицо»** по произведению Бориса Васильева «А зори здесь тихие». И пусть оно относительно небольшое, зато предельно цельное и устремлено к главному вопросу, который сам Денис задал себе при прочтении книги: а как бы я повел себя в такой ситуации и смог бы отдать жизнь за свою страну, за народ, за Победу? «Зная, что погибну, что бы я сделал, что бы чувствовал?!» – эти проникновенные слова автора эссе сказаны так, что способ-

ны каждого заставить задуматься.

Еще одно эссе, о котором стоит упомянуть, – «**Книги о войне**» Валерия Котова из Солонецкой СОШ Нижнеудинского района по произведениям М. Шолохова и Б. Васильева. Работа совсем немного не дотянула до призового места. Валерий написал о своих впечатлениях от прочтения сразу двух книг. Да, есть небольшие стилистические огрехи, но эссе настолько искреннее и по-юношески наивное, что обращает на себя внимание.

Завершает Валерий свой обзор книг тем важным посылом, ради которого, не сомневаюсь, акция Иркутской областной юношеской библиотеки им. И.П. Уткина и проводилась: «Беспримерный, неопенимый подвиг совершили люди в годы Великой Отечественной войны, а писатели запечатлели его в литературе. Преклоняюсь перед героями, буду беречь память о людях, спасших жизнь миллионов. Читайте книги о войне!»

Будем!

*Максим Живетьев, член Союза писателей России,
член жюри конкурса «Молодежь читает о войне»*

ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕНКОВА, 2005 г.р., Байкальск

Первое место

«РОДИНА... НЕ С КАНАЛОВ НАЧИНАЕТСЯ»

Эссе

Великая Отечественная...

Сколько мук, страданий и горя принесла она человечеству.

Нет в России такой семьи, которую война обошла стороной.

У кого-то родственник погиб на фронте, у кого-то он пришёл, но израненный. И эти раны ныли до конца жизни, не давая забыть о военных ужасах. Кто-то слышал скрип полозьев по Невскому проспекту и сам умирал от голода в блокадном Ленинграде. Сотни тысяч заживо сожжены в концлагерях, расстреляны. А сколько детей, ослабленных голодом, болезнями покинули этот мир. Оставшиеся в тылу, не отходили от станков на заводах и фабриках ни днём, ни ночью. В лесах наводили ужас на фрицев партизаны.

Фашистские полчища нужно было остановить любой ценой. Весь народ встал на «смертный бой не ради славы, ради жизни на земле!» И взрослые, и старики, и дети. И выстояли!

Об этой страшной войне написано много книг. Большинство авторов знали о ней не понаслышке, а сами прошли тропами войны и не раз смотрели в глаза смерти.

Книга «А зори здесь тихие...» Бориса Васильева – первая взрослая книга о войне, прочитанная мной. Она произвела на меня неизгладимое впечатление. До этого я считала, что война – это дело мужчин, молодых и сильных. Борис Васильев познакомил меня с другой войной: трогательной,

несправедливой, девичьей.

Героини повести – девушки – зенитчицы: Рита Осянина, Женя Комелькова, Галя Четвертак, Лиза Бричкина и Соня Гурвич. До войны они учились, влюблялись, мечтали. Война не дала сбыться их мечтам. Действие повести происходит в далеком 1942 году на одном из железнодорожных разъездов северного края. Война гремела уже повсюду, а там был тыл. Когда неподалёку, неожиданно, появились немецкие диверсанты, пять девушек вместе со старшиной Федотом Евграфычем Васковым пошли навстречу фашистам. Преследуя врагов в лесу, они вступили с ними в неравный бой – шестеро против шестнадцати. Девушки погибли, но не пропустили врага к Беломоро-Балтийскому каналу. Все девушки и разные, и похожие. Рита Осянина – строгая, волевая, сдержанная. Такая молодая, а уже мама маленького мальчишки Альки и вдова героя-пограничника. Женя Комелькова – отчаянная, храбрая, дерзкая и красивая, дочь генерала. На её глазах расстреляли всю семью. Лиза Бричкина – молчаливая, трудолюбивая, «лесной житель». С четырнадцати лет всё ждала завтрашнего дня, в котором всё было бы по-настоящему. Галя Четвертак – смешная и мечтательная девчонка из детдома, студентка библиотечного техникума. Соня Гурвич – отличница, переводчица и поэтическая натура, жившая в большой дружной семье.

Автор так трогательно знакомит с каждой девушкой, что мы успеваем полюбить их всех, принять как родных, проникнуться их переживаниями, чувствами.

Старшина Федот Евграфыч Васков, писавший рапорты начальству о том, что ему нужны два отделения непьющих бойцов, не ожидал, что бойцами окажутся молоденькие девушки, для которых он стал заботливым отцом. Сердце старшины рвалось на части, когда на его глазах гибли его бойцы – молоденькие девочки, к которым он привязался всей душой. А девочки, какими бы они хрупкими не были, показали себя настоящими героями. Они не трусили, не прятались за спины других. Осознавая, что смерть близка, шли до последнего. Так велика была в них ненависть к врагу, пришедшему на нашу землю и принесшему так много боли. Рита Осянина, умирая, видела, как мучается от душевной боли старшина. Она не плакала, не жалела себя, осознавала, что свои жизни они с девочками прожили не зря, они защищали родину: «Родина ведь не с каналов начинается. Совсем не оттуда. А мы её защищали. Сначала её, а потом уже канал».

Васков мстит за погибших своих девочек, не бросает сына Риты, становится отцом.

События, описанные в повести, подвиги девушек, казалось бы, не повлияли на всеобщую победу, затерялись среди громких знаменитых подвигов. Но это не так. Героизм всех наших советских людей: маршалов, рядовых, лётчиков, танкистов, моряков, врачей и медсестёр, партизан, разведчиков, тыловиков по крупицам изо дня в день ковал нашу общую Победу.

ДАРЬЯ ШАПОШНИКОВА, 2007 г.р., Байкальск

Второе место

ХЛЫСТОМ ВОЙНЫ

Сочинение по произведению М.А. Шолохова «Судьба человека»

Рассказ «Судьба человека» был написан в 1956 году и опубликован в газете «Правда». Мне удалось познакомиться с ним совсем недавно.

Время, которое описывается в произведении, очень сложное, тяжёлое – послевоенные годы. Наша страна восстанавливает свою инфраструктуру, налаживает быт людей, переживших страшные годы Великой Отечественной войны. Советский народ заново «создаёт из пепла» новую жизнь, отдавая все свои силы на благо Родины. Главный герой произведения – Андрей Соколов, настоящий русский мужик, который не боится ничего в этой жизни. Родился, вырос, женился на простой детдомовской девчонке, обзавёлся тремя детьми и счастливо проживал со своей семьёй в Воронеже, как вдруг на нашу страну напали враги, и он, как настоящий защитник, ушёл на фронт. На войне Соколов исправно исполнял любые поручения вышестоящего начальства, постоянно писал письма домой, не жалуясь ни на что, пока однажды не попал в плен. Там он провёл два года, пытался даже бежать.

Этот момент в книге меня особенно взволновал, так как мой прапрадедушка точно так же, как и главный герой, убегая из плена, был найден собаками и ими же покалечен. Соколов остался невредим, а мой прапрадед вернулся с войны без ног, и как рассказывала моя мама, он не мог об этом вспоминать без слёз. Кого ни спроси, каждую семью задела своим хлыстом проклятая война. Но нашему герою удалось «пережить» плен, найти подходящий момент и сбежать, прихватив с собой «важного немца». Вернувшись в свою часть, он был отправлен в госпиталь, где пишет первым делом письмо домой. Из ответного письма соседа Соколов узнаёт ужасную новость о том, что его жена и дочери погибли. Земля в тот момент ушла из-под ног, и, кажется, жизнь оборвалась, но наш герой мужественно принимает этот удар судьбы и возвращается в строй. Затем он живёт уже надеждой на встречу с сыном, который, окончив училище, командует батареей. В конце войны возле Берлина Андрея Соколова ждёт второй удар: немецкий снайпер убивает Анатолия.

Похоронив на чужой земле сына, он вернулся на Родину, но не в Воронеж, а в Урюпинск, оставшись у друга. Устроился шофёром, возил хлеб и однажды увидел мальчишку – оборвыша, который искал пропитание у чайной. Видя его каждый день, Соколов поймал себя на мысли, что скучает по нему. Мне кажется, что в тот момент начался необратимый процесс сближения двух одиноких душ, которые настрадались за свои жизни, и стоило только Соколову сказать мальчишке, что он его отец, как ребёнок немедлен-

но вцепился в него крепко-крепко. Теперь он ни за что не отпустит своего «папку», а тот, в свою очередь, не отпустит своего Ванюшку.

Это трагичная, душераздирающая история о настоящем человеке, который вытерпел все испытания судьбы, сдерживая скупые мужские слёзы, не сломался, лишившись всего. Прошёл всю войну и нашёл в себе силы жить дальше, давая тем самым надежду и веру маленькому мальчику.

Мне кажется, что правильно сказано в этих строчках:

«Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы...»

Что-то ждёт их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет всё вытерпеть, всё преодолеть на своём пути, если к этому позовёт его Родина».

Можно сделать вывод, что советский народ, познав все горести войны, совершил огромный подвиг – выстоял и не сломался под натиском немецких захватчиков, нашёл в себе силы восстановить страну и сохранить память о той невысказанно тяжёлой войне и, конечно же, о ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ, где есть заслуга каждого человека, жившего в то время.

Давайте будем помнить о судьбе советского человека и передавать эту память из поколения в поколение.

**ДЕНИС ОКЛАДНИКОВ, 2004 г.р.,
с. Мельница Нижнеудинского района**

Третье место

«У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО»

Эссе

Весна. Май. Победа. В этом году 75 лет со дня победы над фашизмом. 75 – это много! Много – ведь участников войны практически нет. В тоже время – мало. За такой короткий промежуток люди стали забывать о страшной войне. Советские писатели возвращают нас к тем ужасным событиям. Очень много произведений написано о Великой Отечественной войне. Одна из лучших книг – это повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие». Эта история о девушках, которым пришлось проявить твердые черты характера. Соня Гурвич, Лиза Бричкина, Рита Осянина, Женя Комелькова и Галя Четвертак – молодые, жизнерадостные, не познавшие жизнь. Повесть всколыхнула мои чувства. Не привычно, не сочетается «девушка и война». Смелые, отважные, находчивые героини не жалели себя, мужественно выполняли задание. Не каждый мужчина сравнится бы с ними. Я задумался: «А я, я смог бы так?! Зная, что погибну, что бы я сделал? Что бы чувствовал?!». Сложные вопросы, тяжелая ситуация. Героини тоже ведь задумывались – как быть и

258

что делать. Эти девушки будут примером для меня. Нужно нам читать больше таких произведений, чтобы мы стали сильнее духом! Книги о военных подвигах – это память. Память, которая не должна покидать наши сердца.

КОТОВ ВАЛЕРИЙ, 2004 г.р., д. Чалоты, Нижнеудинский район

Участник

КНИГИ О ВОЙНЕ

Эссе

Нужно ли читать книги о войне? Думаю, да. Это не только информация о том, что происходило с людьми, это уроки жизни и смерти, славы и бесчестия, силы и слабости, правды и лжи, подвига, беспримерной человеческой стойкости...

Это огромный опыт и ответы на вопросы: как победить страх, ненависть, как не сломаться в той или иной ситуации, как просто остаться человеком...

На уроках литературы мы прочитали замечательный рассказ М.А. Шолохова «Судьба человека». Главный герой рассказа – Андрей Соколов, обыкновенный русский человек, оказавшийся на войне. Она (война) не пощадила его ни разу: он потерял жену и младших детей, сам оказался в плену, бежал, сражался... И вот, когда должен был встретиться со старшим сыном, узнал, что он погиб... сколько страданий и испытаний выпало на долю этого человека! А он выстоял «всем смертям назло», не ожесточился, не наложил на себя руки, да еще и мальчонку «с голубыми, как небушко глазами» усыновил, и непонятно, кто кому нужнее, кто кого спас в данной ситуации. Самое главное, Андрей Соколов – Человек с большой буквы, он не сломался, он – настоящий воин и победитель.

В произведении Б. Васильева «А зори здесь тихие» меня восхищают героини – хрупкие девушки, которые наравне с мужчинами ведут борьбу с врагом. А ведь не для этого пришли они на землю нашу, они должны созидать, любить, рожать детей, беречь семейный очаг, но так уж повелось на Руси издревле – на защиту своей Родины встает и стар и млад – девчонки жертвовали своими жизнями ради будущего других людей, поколений, ради нас. Беспримерный, неоценимый подвиг совершили люди в годы Великой Отечественной войны, а писатели запечатлели его в литературе. Преклоняюсь перед героями, буду беречь память о людях, спасших жизнь миллионов. Читайте книги о войне!

Страницы истории: поэты-фронтовики

МОИСЕЙ РЫБАКОВ, 1919-1943 гг., Иркутск

Родился в Иркутске. Детские годы прошли в Бодайбо на севере Иркутской области. В 1936 году с отличием окончил школу № 11 г. Иркутска. В 1941 году с отличием окончил физико-математический факультет Иркутского государственного университета. Участник Великой Отечественной войны. Кавалер орденов Отечественной войны I степени и Красной Звезды. В 1941 году ушел добровольцем на фронт. Занимал должности от старшего адъютанта до заместителя начальника штаба инженерной бригады. 17 июля 1943 года погиб при подготовке переправы частей Советской Армии через реку Миус около села Русское Ростовской области. Похоронен в братской могиле. Начал печататься в 1939 году. Стихи публиковались в коллективных сборниках, альманахах «Новая Сибирь» и «Сибирские огни». В 1971 году в Восточно-Сибирском книжном издательстве г. Иркутска вышла его первая книга – сборник стихов «Грань».

НАЧАЛСЯ БОЙ

Разрывы грузно взвизгнули с обидой.
За танком танк в степи гремит, пыля.
Начался бой... Храни нас и не выдай,
Родная, опаленная земля.
Своею грудью мы тебя прикроем,
Так влей в нас силы – ты нам жизнь и мать.
Сегодня многим суждено героям
В бою себя бессмертьем увенчать.
Огонь по танкам – паукам крестовым!
Шуршат снаряды, пули зло поют.
Начался бой! Родная, мы готовы
Добыть победу в яростном бою.

В ГОСПИТАЛЕ

Острый ветер морской озорует в палатках,
Шторы синие рвет. Тишина. Белизна.
И «ходячие» бродят по саду в халатах,
И халаты сидят на окопных ребятах
Мирно, словно не ходит за степью война.
А в обжитых за лето окопах и дзотах
В сорока километрах над Волгой-рекой
Ждут друзья боевые, родная пехота,
Чтоб скорей возвращались «ходячие» в строй.

Когда-нибудь, я верю, это будет –
В спокойный час у тихого огня
Познавшие иное счастье люди
Из уст твоих услышат про меня.
Охваченная радостным и новым
Свободная счастливая семья
Услышит и помянет добрым словом
Меня за то, как жил и умер я.
А как живу я, знаешь ты неплохо:
Из боя в бой – солдатское житьё.
Но до последнего готов я вздоха
Сражаться за грядущее твоё...
С годами, может, сыну или внуку
Ты, бабушка седая или мать,
Расскажешь про нелёгкую науку
Сражаться, ненавидеть, побеждать.

ИОСИФ УТКИН, 1903-1944 гг., Иркутск

Родился на станции Хинган, ныне на территории автономного района Внутренняя Монголия в Китае, на КВЖД, которую строили его родители. Детство прошло в Иркутске. Поэт, журналист, репортер. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. С началом Отечественной войны Уткин ушёл на фронт, воевал под Брянском. В сентябре 1941 года ранен в бою под Ельней и отправлен на лечение в Ташкент, где создает книги фронтовой лирики — «Фронтовые стихи» и «Стихи о героях», а также альбом оборонных песен. Летом 1942 года в качестве спецкора участвует в боях на Брянском фронте. Писал песни-марши. Погиб 13 ноября 1944 г. в авиационной катастрофе во время возвращения с фронта. Самолёт упал недалеко от Москвы, в руках поэта в момент гибели был томик стихов М.Ю. Лермонтова. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

ИЗ ПИСЬМА

Когда я вижу, как убитый
Сосед мой падает в бою,
Я помню не его обиды,
Я помню про его семью.

Мне представляется невольно
Его обманчивый уют.
...Он мертв уже. Ему не больно,
А их ещё письмом убьют!

ЗАТИШЬЕ

От души младую

В объятьях нёс...

М.Ю. Лермонтов

Над землянкой в синей бездне
И покой, и тишина.
Орденами всех созвездий
Ночь бойца награждена.

Голосок на левом фланге;
То ли девушка поёт,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полёт.

Вслед за песней выстрел треснет –
Звук оборванной струны.
Это выстрелят по песне
С той, с немецкой стороны.

Голосок на левом фланге
Оборвётся, смолкнет вдруг...
Будто лермонтовский ангел
Душу выронит из рук...

ТЫ ПИШЕШЬ ПИСЬМО МНЕ

На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звёзды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны.

Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
Окончишь и примешься вновь.
Зато я уверен: к переднему краю
Прорвется такая любовь!

...Давно мы из дома. Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома – и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых писем.
Читая, за каждой строкой
Любимую видишь
И родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю.
И время такое придёт:
Останутся грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдет.

И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств, перечтём...

Печатается по книге «Каменный цветок. Антология стихов о войне»,
Иркутск, 2017, ред. В.П. Скиф

ЕЛЕНА ЖДАНОВА, 1982 г.р., Иркутск

**ГОЛОСА ВАМПИЛОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ:
ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ТЕАТРА**

Mundus universus exercet histrionam

С 16 по 22 сентября 2019 года в Иркутске прошёл 12-й международный театральный фестиваль современной драматургии им. А. Вампилова. Иркутск посетили ведущие режиссёры, современные драматурги, театроведы и критики. Каждый день в драмтеатре им. Н.П. Охлопкова проходили тренинги, лекции, круглые столы, мастер-классы, читки и спектакли.

За время фестиваля я посетила мероприятия с Павлом Рудневым, Лидией Боговой и Геннадием Тростянецким.

Мне фестиваль помог расширить представления о современном театре. Ключевым пунктом всех споров стал вопрос о том, какова современная режиссура, какие проблемы ставит современный театр перед театральным сообществом.

18 сентября. День первый. Павел Руднев Эксперимент как форма театра

Самым ожидаемым событием для меня была лекция российского театроведа и критика Павла Руднева. Он руководитель лаборатории молодой критики фестиваля «Артмиграция», специалист по «новой драме», автор монографии «Драма памяти. Очерки истории российской драматургии от Розова до наших дней». Его лекция «Как меняется современный театр: его методы и смысл» посвящена обзору экспериментальных поисков театра на платформе современной сцены.

Павел Руднев начал разговор о современном театре с того, что нужно согласиться с утверждением, что театр не меняется. В разные эпохи театр вносит или исключает из своей структуры некоторые элементы, – например, «занавес», которого не было в античные времена.

Диалоговую природу театра определяет человеческое общение. Все перемены, которые происходят в театре, связаны с изменением у человека восприятия им окружающей действительности. Человек начинает общаться иначе, чем было принято раньше. Предметом искусства становится «иной» способ видения мира. Люди ходят в театр для того, чтобы разобраться в себе,

научиться общаться, понять, как мыслят другие. Театр фиксирует ситуацию новизны, которая сложилась в социуме. Это приводит к смене аудиоинтонации спектакля.

«Иной способ восприятия» включает в свою парадигму и художника и зрителя. «Предмет искусства» изначально воспринимается не так, как было задумано художником. Когда он становится полем для формирования новых правил игры, тогда театр меняет свои формы существования. Складывается новая театральная реальность. Она осваивает те проблемы, которые рождаются на новом витке развития цивилизации.

Меняются театральные конвенции. Сегодня их стало бесчисленное множество.

Классический театр представляет собой театр образцов. Конвенция советского театра предустановлена традицией и школой. Новое поколение не имеет института кумиров, у него нет желания учиться на образцах. Современный театр отталкивается от личного восприятия зрителя, выстраивает смыслы на индивидуальном переживании личности, опирается на культуру «всеприятия». Такая позиция приводит к трансформации театральной формы высказывания.

Павел Руднев подчеркнул, что в спектакле всегда есть актуализированные и не актуализированные пласты, которые в другие времена считались традиционными. Театр похож на ствол культуры, по которому можно двигаться в разные стороны. Если во времена Вольтера в партере собиралась нация, то в эпоху постмодерна в театре собираются индивидуальности. Индивидуальное переживание спектакля лишает художника возможности влиять на общество. Театр перестал быть средством массовой коммуникации. Вместе с этим он утратил возможность соборного переживания спектакля горожанами, выключился из массовой культуры и потерял возможность обращаться к аудитории как к представителю единого города. Современный театр таких высоких целей как воспитание и спасение человека перед собой больше не ставит.

Две мировые войны XX века стали центральными событиями, которые повлияли на смену культурных парадигм. Человек, став свидетелем безжалостного уничтожения человечества в мировых масштабах, испытал смертный ужас и потерял веру в коллективное спасение людей. Произошёл коллапс гуманистической идеи.

В обществе потребления развиваются протестантские настроения. В обществе снижается роль традиционных ценностей. Индивидуализм воспринимается как способ личного спасения, как возможность создать своё личное послание человечеству.

Современный театр работает на индивидуальную стратегию, где каждый режиссёр сам себе конвенция. В рамках своей индивидуальности он ведёт экспериментальный поиск художественных средств: создаёт свой язык,

способ высказывания, выбирает театральные средства для воздействия на зрителя. Идёт формирование нового театрального языка, который включает в себя современное прочтение классики и создание новых театральных форм. Это приводит к коренной перестройке драматургии. Новая драма изобилует новоязом, гипернатурализмом, эстетизацией насилия, радикальными средствами воздействия.

Консервативный зритель разобщён с современным режиссёром. Зритель приходит в театр с предвзятым представлением о том, каким должен быть хороший спектакль, опираясь в своих вкусах на образцы классического и советского театра. Новая драма и современное прочтение классики вызывают у публики органическое неприятие. Происходит провал коммуникации. Зритель отвергает новые формы вместе с театром. Из-за этого он лишает себя возможности услышать иную точку зрения.

Современный театр отходит от конкретных ориентиров, он не задаёт зрителю рамки восприятия увиденного и оставляет ему право воспринимать зрелище сообразно своему жизненному опыту и уровню образования.

Современный театр находится в точке синтеза искусств. Европейские театральные практики соединяются с индийскими медитационными практиками. В современной драме это приводит к развитию специфической мотивно-образной системы и сценографии.

Слияние с медитативными практиками и ритуалами приводит к формированию аскетического начала в современной сценографии. Происходит интенсивное становление черно-белого театра. Идёт развитие бестелесного театра. Бестелесный театр ставит перед собой задачу изменить значение «наготы», чтобы вывести обнаженное тело за рамки его привычного понимания. Традиционное восприятие голого тела является естественным ограничителем на пути к радикальной открытости.

Театр ищет новые каналы связей. Он движется в сторону иммерсивных практик: работает с телесностью и памятью, – пытаясь, таким образом, овладеть тактильным пространством. Перед артистом ставится задача отказаться от самопрезентации, так как актёрское исполнение искажает структуру текста.

Кризис гуманистической идеи поставил перед художником сверхзадачу отказаться от любых форм манипулирования. В современном мире выросло недоверие к слову. Структура языка повторяет структуру мира. Слово является орудием манипулирования – оно описывает мир, сужает его границы, диктует смыслы, становится ловушкой для мысли. Язык тормозит восприятие человека. Нужна перемена языка, чтобы изменить структуру мира. На смену диктату смыслов приходит диктат тела. Литературоцентричность театра заменяется на пластикозависимость.

Бессознательное не выражает себя в виде письма. Сновидение не видит текстов. Сегодня слово становится лишь одной из форм театральной вы-

разительности.

Современный театр учит зрителя быть сложнее. У искусства отображена сакральная функция знания, потому что знание имеется в любом компьютере.

Театральное пространство деструктурировано: у каждого зрителя имеются фотоаппарат, мобильный телефон и выход в интернет. Технические средства позволяют делиться впечатлениями о спектакле в социальных сетях в режиме реального времени.

Зритель хочет быть участником события и это заставляет театр выходить за пределы сцены. Присутствие зрителя в спектакле становится особенно значимым. Пространство зала становится частью сюжета: сценограф наделяет зрителя ролью, настраивая его как фильтр на восприятие действия. Зритель становится частью условной реальности, в которую погружён на время спектакля. Это приводит к распаду иерархии жанров. Театр заходит на территорию массовой культуры и переформатирует её приёмы для своих нужд.

Театр играет с архетипами и реакциями. Он заходит на территорию психологии и психиатрии, превращая терапевтические и когнитивные технологии в театральные средства воздействия на зрителя. Он погружает зрителя в бессознательное, где происходит встреча с самим собой, возникает узнавание своего сакрального «я».

Человечество живёт в мире высоких технологий в эпоху постправды. Радикально изменился подход к высказыванию. Одним из примеров таких перемен является техника *verbatim*. Художник принципиально отказывается от создания однозначных образов. Режиссёры экспериментируют с восприятием зрителя. Во время спектакля зритель становится объектом в пространстве. Зритель остаётся стабильным, но с ним всё время что-то происходит. Это позволяет зрителю преодолеть пространство между собой и актёром, который тоже оказывается человеком. Зритель становится спектаклем. Это позволяет ему сменить точку зрения. Из подобных практик выросли театр Дос, перфомансы в музейном пространстве, акции, хепенинги.

Современный театр переносит своё внимание с героической и реалистической сферы в бытовую область. В повседневности ничего не происходит. Протагонистом становится срединный человек, утративший истинные смыслы, которые можно было бы оценить как безусловные. Современный театр показывает, что обыденность тоже может быть интересной. Подлинное искусство меняет стереотипность восприятия, и, в результате, театр создаёт лучшее будущее. Драматурги и режиссёры работают над формированием новой этики.

Новаторами современного театра, которые смогли обновить театральные формы и разработать свою систему, Павел Руднев назвал Петра Фоменко, Дмитрия Волкострелова и Юрия Бутусова.

Петр Фоменко, по мнению Павла Руднева, смог синтезировать великий советский театр и открыть театр будущего, соединив традиционное каноническое понимание театра и современное. Фоменко изобрёл метод ироничного отношения. Он разделил артиста на рассказчика и исполнителя, который разыгрывает перед зрителем диалоги и поведенческие ситуации. Ирония привносит в спектакль ощущение разлада между тем, что говорит рассказчик и тем, что играет артист. Актёр одновременно играет роль и своё положение в роли. Этот приём приводит к деконструкции литературного текста. Актёр не хочет становиться персонажем, он сохраняет себя в роли. Это показывает, что артист важнее исполняемой им роли.

Дмитрий Волкострелов, по мнению Павла Руднева, попытался отказать от метанарратива, вернув предметам их первоначальный смысл. В его постановках стол – это просто стол, а повседневностью является то, что существует каждую секунду реальной жизни. Красота содержится в самом банальном предмете. Важно не само сообщение, а его форма.

В заключении Павел Руднев сказал, что самым главным уроком современного театра является попытка научить зрителя смотреть на одно и то же явление с разных точек зрения. Подобное «всеприятие» автоматически создаёт коммуникацию между людьми.

Одним из гостей фестиваля, который присутствовал на лекции Руднева, был советский и российский театральный режиссёр Геннадий Рафаилович Тростянецкий, который во многом не согласился с оценками Павла Андреевича.

Геннадий Тростянецкий считает, что творчество Дмитрия Волкострелова характеризует вторичность, а современным режиссёрам не хватает базового образования и умения, чтобы использовать все средства выразительности, которые есть у театрального искусства.

Геннадий Тростянецкий не считает, что техника *verbatim* родилась в рамках «новой драмы», так как Геннадий Рафаилович ещё в 1988 году в Омском академическом театре драмы поставил спектакль «У войны – не женское лицо» по книге С. Алексиевич, где реализовал механизмы создания особого типа документальности.

В театре невозможно работать в рамках индивидуальной стратегии, так как театр представляет собой сложно функционирующее единое художественное целое. На качество спектакля влияет сработанность команды: начиная от директора и заканчивая актёрами второго плана, – которые придумывают и создают на сцене целый мир. Театр создаёт художественный лидер, у которого должны быть талант, совесть и ощущение своего призвания.

Творческий спор между критиком и режиссёром натолкнул меня на мысль, что современный театр не отвечает на вопросы сам по себе. Всё-таки,

главным в театре остаётся человек культуры. Он разрабатывает теорию, которая описывает театральную практику, он определяет этические нормы, по которым существует искусство. Индифферентная среда из множества точек зрения постоянно стремится выделить из себя смыслы, которые формулирует теоретик. Без вписывания события в культурный контекст эксперимент будет продолжаться до тех пор, пока его не отрефлексируют и не определяют в узкие терминологические рамки. Иначе явление обречено оставаться в зоне невидимости, и бесконечно повторять само себя.

19 сентября. День второй. Лидия Богова

Система Станиславского как ключевой элемент театральной системы

На следующий день в пресс-центре драмтеатра прошёл круглый стол с театральным критиком Лидией Алексеевной Боговой. Она посвятила разговор театральной школе. Лекция называлась «Какая школа – такой и театр».

Лидия Алексеевна долгое время проработала помощником Олега Табакова, и знает не понаслышке, с какими сложностями сталкиваются ребята, которые хотят стать артистами. В первую очередь, для студента театрального ВУЗа важно найти мастера, который поможет ему состояться в профессии. Трудности на пути вхождения в профессию начинаются у актёра на первом курсе, который полностью посвящён этюдам. Этюдный период К.С. Станиславский называл способом воспитания актёра, «средством вспомнить жизнь». Актёрская работа, помогающая достичь высот, состоит из тренинга и муштры, поэтому школа в становлении актёра имеет первостепенное значение. Для того чтобы освоить принцип К.С. Станиславского «Я есть в предлагаемых обстоятельствах», актёр должен научиться переводить внутреннее переживание на внешний план, – и тогда он станет для зрителя живым человеком. Труд педагога заключается в том, чтобы помочь артисту пройти сложный путь открытия самого себя, неведомого, свободного и способного найти своё место в неизвестном.

Этюдный период закладывает на курсе основы коллективности. А коллективность – важнейший элемент театрального мира.

В театральном процессе необходима непрерывность, которая является одним из ключевых условий развития театра. Сегодня театральная педагогика переживает общий кризис. В педагоги идут те, кто отрицает систему Станиславского и сам не состоялся как артист.

Психологический театр переживает общий кризис, который отражается на судьбах актёров. Одной из актуальных проблем для современного актёра становится поиск мастера. Лидия Алексеевна посоветовала участникам круглого стола учиться у разных мастеров. Таким образом, актёрам удастся достичь в профессии определённой зрелости.

С уходом мастеров из профессии из театра уходит смысл.

Так получается, что сегодня на уровне государства объявлена новая система ценностей, которая пагубно влияет на театр – репертуарный театр расшатан, а это приводит к изменению самой структуры существования театра. Отказавшись от достижений прошлого, педагогика и театр становятся выхолощенными. В итоге, театр перестаёт волновать зрителя чувством.

Психологический театр переживает не лучшие времена. Сейчас отсутствуют психологический роман, психологическая драма, нет открытия новых художественных сценических средств. Вместо спектакля режиссёр делает медиапроект. Занимательность выходит на первое место в ущерб смыслу.

Среди режиссёров, актёров и драматургов процветает эгоцентризм: драматурги переписывают классику, актёры не любят работать над этюдами, режиссёру неинтересны драматург и актёр, – всё вместе накладывается на противоречия в трактовке спектаклей, которые в целом разрушают творение автора.

По мнению Лидии Алексеевны Боговой, современный театр стоит на пороге мучительного возвращения к старой школе.

Связка «драматург-режиссёр-актёр» является основой русского психологического театра, а смысл спектаклю задаёт радость совместно выстраданного художественного смысла, который делает спектакль живым и дарит ему долгую сценическую жизнь.

Критерии, которые помогут отличить предмет «искусства» от «не искусства», Лидия Алексеевна считает тезисы Андрея Девятова. В них он определил «внутреннее содержание культуры как единство этики, эстетики и логики сердца».

После оживлённых обсуждений, участники круглого стола пришли к выводу, что очень важно сохранить театральную школу, которая является залогом духовного развития человека.

20 сентября. День третий. Геннадий Тростянецкий Главная задача человека в театре – найти себя

Геннадий Тростянецкий продолжил разговор о театре в пятницу. На площадке пресс-центра прошёл круглый стол, посвященный теме «Вопросы творческого развития в современном репертуарном театре».

Начиная разговор о репертуарном театре, Геннадий Тростянецкий провёл аналогию с наукой, где изобретение обезличено, так как физические законы действуют помимо воли личности. В искусстве наоборот важно, кто поставил спектакль. Театр создаёт вторую реальность, где спектакль является зданием, которое выстраивается в семь утра и разрушается в двенадцать вечера.

Любое слово или поступок сопровождают ожидания, какими они

должны быть в идеале. Драматическая сущность жизни выявляется в противоречиях между тем, что есть, и тем, что хотелось.

Геннадий Тростянецкий сказал, что жизненному принципу «театр должен работать во имя зрителя» он научился у директора Омского академического театра драмы Ханжарова Мигдата Нуртдиновича. В Омском драмтеатре Геннадий Рафаилович несколько лет проработал режиссёром.

Мигдат Ханжаров как директор нёс ответственность за развитие театра. Он знал, что для того чтобы поставить хороший спектакль, художнику нужно предоставить 100% возможность для реализации творческого замысла. Будучи директором театра, он умел увязать творческую и финансовую часть вопроса, добиваясь от труппы максимального результата. Мигдат Ханжаров считал, что в каждом новом сезоне в репертуаре театра обязательно должен идти один кассовый спектакль. Количество спектаклей в репертуаре омского театра соответствовало количеству складских помещений, которыми обладал театр, где хранились декорации к спектаклям. В репертуаре театра был 21 спектакль. В каждом сезоне театр ставил 6 премьер.

Во времена его работы в театре Омск был закрытым городом. Театр тоже был закрытым. Мигдат Ханжаров хотел сделать театр открытым, поэтому поставил спектакль о генерале Карбышеве. Это дало возможность театру гастролировать по всем странам соцлагеря. Во время гастролей Мигдат Ханжаров всегда заботился о бытовых удобствах труппы.

Геннадий Тростянецкий впервые на сцене Омской драмы поставил пьесу Владимира Гуркина «Любовь и голуби».

Для того чтобы добиться процветания, репертуарному театру не обойтись без высокой художественной литературы. Режиссёру во время читки пьесы необходимо проникнуться тем, что там написано, стать тем, кто там изображён. Текст открывается зрителю через актёрскую трактовку.

Перед труппой нужно ставить новые художественные задачи, сосредотачиваясь на поисках нового способа игры. Все задачи нужно решать в контакте со зрителем. Как сказала критик Татьяна Москвина, когда у театра появляется свой зритель, театр поднимается на ноги. Для этого репертуар должен содержать спектакли, рассчитанные на разный возраст: спектакли для детсадовцев, тинэйджеров, семейные спектакли, спектакли для пенсионеров. У каждого спектакля должен быть свой стиль.

В театре идут одни и те же спектакли, поэтому необходимо менять существование актёра в роли. Способ игры в разных спектаклях должен меняться и зависеть от жанра, в котором поставлен спектакль, будь то исповедь, суд или цепочка «от скандала до скандала». Сцена зависит от способа игры, а игра работает на раскрытие образа.

Задача режиссёра – подобрать ключ к пьесе, определить, что за бомба заложена в тексте.

Каждый спектакль является для труппы лабораторией, внутри кото-

рой актёр совершенствуется. Творческий рост артиста в профессиональном театре – его профессиональная судьба. основополагающими качествами, которые свидетельствуют о сложившейся судьбе художника в профессии, являются миссия, призвание и везение. Везение является интегральной характеристикой судьбы человека, которое определяет его перспективы.

Главной задачей человека в театре Геннадий Тростянецкий считает задачу найти самого себя. «Я» есть то, каким «меня» задумал Бог – человек должен быть адекватен самому себе.

Геннадий Тростянецкий попытался определить, что такое театр. Он процитировал Андрея Тарковского, который назвал кино «запечатлённым временем» и признал, что для театра ещё не найдено такой же ёмкой формулы, какую Тарковский вывел для определения сущности кино.

После круглого стола я долго пыталась сформулировать, что же такое театр. Это точка роста, форма коммуникации, способ познания мира, стиль жизни, природа человека? Подобрать афоризм, который вместил бы в себя всю суть театра, у меня не получилось. Попробуем вместе?

ЮРИЙ ХАРЛАШКИН, 1985 г.р., Иркутск

«АЗАРТНЫЕ» ЛЮДИ

В 2018 году в Иркутске была возрождена Областная молодёжная литературная конференция «Молодость. Творчество. Современность». Открытиями новой «М.Т.С.» стали несколько имён: прозаики Антон Макаров и Екатерина Куйдина (Сереброва), поэты Софья Сороковикова и Лидия Шаркунова.

По её итогам три человека получили рекомендации к вступлению в Союз писателей России: Елизавета Оводнева, Максим Живетьев и Юрий Харлашкин. Кроме того, последних направили на Всероссийское совещание молодых литераторов Союза писателей России в Химках-2019.

Работу с молодыми авторами после проведения конференции решено было продолжить, и тогда в Иркутском Доме литераторов создали молодёжное литобъединение «Азь-Арт» под руководством Юрия Харлашкина и Максима Живетьева.

На совещании в Химках иркутяне узнали о новой структуре в составе Союза писателей России: Совете молодых литераторов, которым руководит прозаик и критик Андрей Тимофеев. Во время школы по проведению лито Юрий Харлашкин предложил включить «Азь-Арт» в Совет молодых литераторов. СМЛ был создан для поиска, продвижения и творческого развития молодых писателей, а также для создания единого пространства современной молодой литературы.

Итак, в марте-месяце 2019 года «Азь-Арт» заработал. Многие участники «М.Т.С.» стали его друзьями и влились в коллектив. Место их проживания не имеет значения: руководители лито работают индивидуально с авторами из отдалённых районов, например, городов Слюдянки и Братска.

Предлагаем вам ознакомиться с наиболее важными для нас событиями 2019 года.

21 марта, во Всемирный день поэзии, в детской библиотеке «Алые паруса» состоялась встреча с молодыми литераторами Дмитрием Белых, Юрием Харлашкиным и Максимом Живетьевым. Гости рассказали о себе и прочитали стихи, длинные и короткие, юмористические и серьёзные. А слушатели, школьники 53 школы, не остались в стороне и озвучили свои первые пробы пера.

С 22 по 25 марта в Иркутске прошёл международный книжный фестиваль «Книгамарт». Явление уникальное как по содержанию, так и по масштабу. Ежедневно на разных площадках проходили встречи, выставки, презентации, круглые столы, лекции, дискуссии на тему книг, литературы и творчества. В воскресенье **24 марта** прошла встреча с лауреатами литератур-

ной молодёжной конференции «М.Т.С. – 2018» Константином Корнеевым, Юрием Харлашкиным и Максимом Живетьевым. В тот же день состоялось и установочное заседание пока ещё безымянного молодёжного лито в Иркутском Доме литераторов, на которое пришли как участники «М.Т.С. – 2018», так и новые таланты. Был зачитан устав лито, сделан доклад о поездке в Химки. И, конечно, для знакомства прошло чтение по кругу.

7 апреля состоялось второе заседание лито, на котором было предложено и выбрано название нарождающейся организации – «Азь-Арт».

15 апреля на собрании впервые обсудили поэтическую рукопись. «Именинником» стал Садиг Мамедов. Обсуждение плавно переросло в жаркий спор: что считать поэзией, а что нет.

А 21 апреля академик Российской академии поэзии Владимир Петрович Скиф провёл поэтический мастер-класс для участников «Азь-Арта». Молодые поэты получили профессиональную оценку своего творчества, узнали о своих сильных и слабых сторонах, удачах и недоработках. Заседание прошло в дружной и тёплой обстановке. Владимир Петрович прочитал некоторые стихи участников вслух и даже... пародии на двух присутствующих авторов, декламировал классиков, а своими стихотворениями приободрял склонную к авангарду молодёжь. За лучшие подборки отметил Маргариту Снегур, Милену Минину и Марину Ножнину, за эрудицию и эпатаж – Александра Егорова.

23 апреля в свет вышел журнал «Сибирь», №1/2019. В рубрике «Голоса молодых» опубликованы произведения победителей «М.Т.С. – 2018»: поэтов Елизаветы Оводневой, Софьи Сорокиной, Константина Корнеева и прозаиков Максима Живетьева, Екатерины Куйдиной (Серебровой) и Юрия Харлашкина.

5 мая впервые на лито обсуждали прозаическую подборку. Полина Должикова предоставила отрывки из фэнтезийной повести. Встреча прошла в непринуждённой атмосфере, с шутками и за чашечкой кофе. Полина держалась молодцом, узнала много нового о своём творчестве, но даже не это главное... Она скромно умолчала, что 6 мая у неё день рождения! Так что обсуждение стало своеобразным подарком!

14 мая в Иркутском Доме литераторов презентовали сборник «Пускай услышат наши голоса», в котором опубликованы проза и стихи финалистов Областной литературной конференции «М.Т.С.». Презентация была организована силами «Азь-Арта»: «азартовцы» подготовили музыкальные номера и, конечно, читали свои произведения.

С 16 по 19 мая в г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области в рамках VII Всероссийского фестиваля поэзии имени Алексея Бельмасова проходили школы писательского мастерства. Иркутскую область на нём с успехом представили Максим Живетьев и Юрий Харлашкин, отмеченные официальными приглашениями на другие всероссийские мероприятия СМЛ.

18 мая в Иркутском областном краеведческом музее прошла традиционная «Ночь в музее», где «азартовец» Денис Афонин организовал «Литературную гостиную» и, конечно же, пригласил участников лито выступить со своими произведениями, музыкальными номерами и сценками.

2 июня в самом сердце Иркутска – на сквере им. Кирова – в рамках празднования Дня города состоялся традиционный «Литературный квартал», темой которого стал девиз «От книги к театру». Выступили и молодые прозаики Максим Живетьев и Юрий Харлашкин.

А после «квартала» «азартовцы» в очередной раз собрались в Доме литераторов. Прозаик Антон Макаров, предоставивший на суд свои произведения, и сам не представлял, каким ярким и содержательным будет разговор: эйдетическая поэтика и современность, общество потребления и сатира, остросюжетная проза и сумасшествие автора, имена числительные в художественном тексте и диалоги, сленг и предисловия, предисловия, предисловия...

8 июня в Иркутской областной универсальной научной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского состоялся открытый поэтический марафон «Иркутская поэзия 21-го века: мы – наследники славы русского слова», посвящённый 220-летию А.С. Пушкина. О Пушкине можно говорить бесконечно, и всегда находить что-то новое и удивляться. Он и поэт, и прозаик, и драматург, и, пожалуй, самое ценное и объединяющее все грани таланта, – создатель русского литературного языка. Именно с такой беседы и начала поэтический марафон поэт Светлана Шегебаева... То постепенное преобразование языка, которое сотворил Александр Сергеевич, не закончилось и по сей день, так что же и как пишут «наследники»? Со сцены читали и прозу, и стихи. Выступили молодые авторы Марина Ножнина, Дмитрий Белых, Максим Живетьев и Юрий Харлашкин. Все пишут совершенно по-разному: классическим стихом или с прививкой модерна, с надрывом или юмором, историческую прозу или философскую. А что же зрители? На то и открытый марафон: все желающие поделились собственным творчеством, ведь давно известно, что каждый в душе немного поэт!

С 24 по 27 июня в Кемерово прошла Школа писательского мастерства по Сибирскому федеральному округу, организованная Фондом социально-экономических программ и являющаяся возможностью попасть на Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Иркутскую область представили четыре человека, участники и друзья «Азь-Арта»: Максим Живетьев, Екатерина Куйдина (Сереброва), Константин Корнеев и Антон Макаров.

3 июля «Азь-Арт» объявил о проведении Областного конкурса поэзии и малой прозы «Лето поэта» для авторов до 35 лет.

7 июля в «Азь-Арте» обсудили прозаическую подборку Владимира Клейнермана. Жара, видимо, кого-то отпугнула, но пришедшие устроились

в прохладном театральном зале Иркутского Дома литераторов. Очень кстати и совершенно случайно к нам на огонёк заглянул таинственный Вячеслав, надолго уезжавший из Иркутска и когда-то посещавший местное лито. И, конечно, приятным бонусом стала гостя Елена Ефимова – поэт, прозаик, выпускник Литературного института, чьи замечания и советы своей глубиной не оставили никого равнодушными. Время за оживлённой беседой пролетело совершенно не заметно: заседали целых четыре часа. Владимир «стойчески выстоял» и получил самое ценное для автора: взгляд на своё творчество со стороны!

17 июля «Азь-Арт» собрался вновь. Лето, жара, а работа кипит, что не может не радовать. Гость вечера – выпускница Литературного института Елена Ефимова – не просто провела мастер-класс, но вдумчиво отнеслась к каждому тексту, выявила общие ошибки у авторов и обозначила индивидуальные проблемы каждого из предоставивших рукописи. Но самое ценное то, что Елена Ефимова перед индивидуальными разборами прочитала мини-лекцию по теории литературы об анализируемых уровнях в произведении и ответила на все прозвучавшие из зала вопросы. Проверку теорией выдержали все рукописи: получили логическое обоснование как слабые, так и сильные стороны молодых авторов, и почти всем стало ясно, куда следовать дальше в творческом плане. Рукописи предоставили: Антон Макаров, Марина Ножнина, Наталья Папенко, Егор Федорченко, Елена Чайкина. Приятно порадовала Наталья Папенко, прозаик, идейный вдохновитель черемховского лито «Менестрель». Она окончила годичный курс повышения квалификации в Литературном институте и ненадолго вернулась в Иркутск.

3 августа в библиотеке поселка Большие Коты на берегу Байкала состоялся организованный «Азь-Артом» вечер памяти иркутского поэта, члена редколлегии альманаха «Первоцвет» Надежды Ярыгиной. Вечер под названием «Есть ощущение...» прошел в теплой ностальгической атмосфере. Что отрадно, послушать собрались и дети, и взрослые. Особенно запомнился внимательный слушатель в желтой футболке и с татуировками на обеих руках. Выступили замдиректора Иркутского Дома литераторов Светлана Владимировна Зубакова, поэты Алена Рычкова-Закоблуконская, Дина Фиалковская, Артем Морс, прозаики Юрий Харлашкин и Максим Живетьев. Теплые слова сказали А. Мартынова, проиллюстрировавшая книги Н. Ярыгиной, и библиотекарь поселка Большие Коты Нина Иннокентьевна Помазкина.

В очередной раз собрался «Азь-Арт» **11 августа**. Поэтическая подборка молодого писателя Кирилла Ященко вызвала бурные дебаты с конструктивной и доброй критикой. Под шумок разобрались, что такое поэзия и проза, зачем нужна рифма и так ли она необходима, акцентировали внимание на размере и ритме строф, и насколько важна гармония авторской задумки и ее правильная реализация. Затронули и стихи в прозе Максима Горького,

и понятие верлибра. Все единодушно отметили интересные идеи в текстах Кирилла. Кирилл привел группу поддержки и держался молодцом, внимательно впитывая ценные советы.

С 19 по 22 августа в селе Новописичугово Новосибирской области прошло Третье региональное совещание сибирских авторов, организованное журналом «Сибирские огни». Совещание работало по трем направлениям: фантастика, критика и публицистика. От Иркутской области в семинаре критики участвовал Юрий Харлашкин (Иркутск), в семинаре фантастики – Максим Живетьев (Иркутск) и Денис Гербер (Ангарск). По итогам работы совещания Денис Гербер с рассказом «Петля Герострата» был рекомендован на Всероссийское совещание молодых литераторов Союза писателей России в Химках – 2020.

С 15 по 21 сентября в г. Ульяновске прошёл XIX Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Иркутскую область на нём представил «азартовец» Максим Живетьев.

26 сентября в Областной юношеской библиотеке им. И.П. Уткина в рамках Дней русской духовности и культуры «Сияние России» состоялась встреча с российскими писателями «Литература – дело молодых». Читатели библиотеки познакомились с Андреем Тимофеевым (прозаиком, критиком, председателем СМЛ СПР), Игорем Корниенко (прозаиком, руководителем молодёжного ангарского лито «АЛО! Пишите правильно»), Юрием Харлашкиным (прозаиком, руководителем Иркутского регионального отделения СМЛ) и Валентиной Семеновой (критиком, членом Союза писателей России). Кто пришёл, тот видел, какая жаркая дискуссия получилась! Андрей Тимофеев рассказал о связи литературы с реальностью и привел примеры на таком, казалось бы, нереалистичном жанре как фэнтези. Игорь Корниенко посоветовал не слушать ничьих советов и писать так, как само приходит: «Вы набьёте руку, и со временем у вас станет получаться!» Валентина Семенова все же настояла на литературной учебе и восприимчивости к критическим замечаниям. А Юрий Харлашкин подвел итоги конкурса «Лето поэта», победителей которого позже опубликовали в Литературно-художественном альманахе для юношества «Первоцвет». В номинации «Поэзия» места распределились следующим образом: 1 место – Наталья Добаркина, 2 – Антон Зоркальцев, 3 – Садиг Мамедов. В номинации «Малая проза»: 1 место – Любовь Головина с рассказом «Утка по-азиатски», 2 – Антон Макаров с рассказом «Возвращайся вчера», 3 – Мария Борисова с миниатюрами «Девочка с книгами» и «История».

С 27 по 29 сентября в г. Самаре проходили мастер-классы для молодых авторов в рамках VI Фестиваля поэзии им. Михаила Анищенко. Из иркутян на них присутствовал Максим Живетьев.

13 октября на заседании «Азь-Арта» обсудили итоги конкурса «Лето поэта», разобрали присланные работы присутствующих и почитали по кругу.

30 октября Биолого-почвенный факультет Иркутского государственного университета провёл традиционную Литературно-музыкальную гостиную. Максим Живетьев, как выпускник факультета, рассказал о работе «Азь-Арта» и представил пришедших участников: Садига Мамедова, Владимира Клейнермана и Юрия Харлашкина. Отдельным блоком вечера прозвучали стихи «азартовцев». Организаторы встречи поблагодарили за выступление и вручили особенно понравившимся участникам сертификаты лауреатов: Садигу и Владимиру.

3 ноября на собрании «Азь-Арта» обсудили стихотворную подборку победителя конкурса «Лето поэта» Наталии Добаркиной, а после – пошли в ТЮЗ им. Александра Вампилова. Театр специально пригласил пишущую молодёжь на Всероссийскую акцию «Ночь искусств». Артисты показали спектакль «Я тоже БЫЛА, прохожий...» о жизненном пути Марины Цветаевой, а после спектакля состоялось выступление молодых иркутских поэтов и участников мероприятия «От классики до наших дней». Участниками встречи стали артисты театра, старшеклассники, учителя, молодые иркутские писатели. Поэты Марина Ножнина, Наталья Добаркина, Садиг Мамедов прочитали свои стихи, а критик (в том числе и театральный) Елена Жданова поделилась впечатлениями от спектакля.

6 и 7 ноября Максим Живетьев и Юрий Харлашкин выступили и провели мастер-классы в Ольхонском районе: в библиотеке поселка Хужир, в школе деревни Куреть и районной библиотеке в селе Еланцы.

17 ноября в «Азь-Арте» обсудили главы из исторического романа Дмитрия Насыбулина «Баллада о тамплиерах». Многие советы помогли автору в последний момент перед изданием отдельной книгой отредактировать текст.

30 ноября Наталья Папенко приняла участие в Совещании молодых писателей СПР Москвы и Подмосковья, на котором удостоилась официального приглашения на Всероссийское совещание молодых литераторов СПР в Химках – 2020.

1 декабря на заседании обсудили стихи и прозу Алёны Шипицыной, одного из авторов журнала «Сибирь».

5 декабря в Ангарске в стенах Центральной детской библиотеки им. А. Гайдара и библиотеки №3 им. А. Беспрозванного творческая молодёжь Иркутска и редколлегия литературно-художественного альманаха для юношества «Первоцвет» провели литературный бенефис «Первоцвета». Это было совместное мероприятие библиотечных специалистов Ангарска и Иркутска, иркутских молодых писателей и авторов альманаха. В его рамках прошли творческие встречи с поэтессой Елизаветой Оводневой, прозаиками Максимом Живетьевым и Юрием Харлашкиным. Молодые ангарчане познакомились с членами редколлегии, стали участниками презентации нового номера «Первоцвета» №42 (2019), познакомились с творчеством его авторов

и оценили выступление исполнителей номеров поэтического концерта «Не зря слова поэтов осеняют...».

15 декабря на собрании «Азь-Арта» обсудили подготовку к отчётному годовому концерту и, конечно же, нашли время для литературных дел: Любовь Головина, победитель конкурса «Лето поэта» в номинации «Малая проза», предоставила для разбора подборку своих рассказов.

А **29 декабря** в Иркутском Доме литераторов состоялось отчётное годовое собрание Иркутского регионального отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России. Оно прошло в формате концерта «Здравствуй, это я!». Погода в тот день выдалась по-сибирски морозная: -35 °С. Однако на концерт приехали «азартовцы» не только из Иркутска, но и из соседних городов – Ангарска, Шелехова и Усолья-Сибирского.

Концерт открыла молодой поэт и композитор Милена Минина. Она исполнила две свои песни и два романса. «Азартовцы» Дмитрий Белых, Марина Ножнина и Наталья Добаркина прочитали стихи, Любовь Головина, Максим Живетьев и Юрий Харлашкин – рассказы.

На концерте присутствовали и старшие коллеги. Поэт и прозаик Светлана Шегебаева посоветовала объединить вокруг «Азь-Арта» разнообразную творческую молодежь: аккомпаниаторов для литературных вечеров, иллюстраторов для будущих книг, театралов для постановок произведений. Критик Валентина Семенова пожелала совмещать работу, семью и литературное творчество. Прозаик Владимир Максимов прочитал стихи о литературном призвании. Поэт Владимир Скиф порадовался возрождению литературных студий при Иркутском Доме литераторов и вспомнил легендарный ТОМ (Творческое объединение молодых, в которое входили такие писатели как Глеб Пакулов, Александр Вампилов, Валентин Распутин и многие другие). Заместитель директора Иркутского Дома литераторов Светлана Зубакова порадовалась, что творческая молодежь в Иркутске самоорганизуется. Теплые слова прозвучали и от «азартной» молодёжи. Любовь Головина начала свое выступление со слов признательности за конструктивную критику на обсуждениях рукописей. Молодой критик Елена Жданова поблагодарила за дружескую атмосферу на собраниях «Азь-Арта».

Как видите, 2019 год выдался богатым на события в жизни новой молодежной организации. А о деятельности лито «Азь-Арт» в 2020 году мы расскажем в следующем номере.

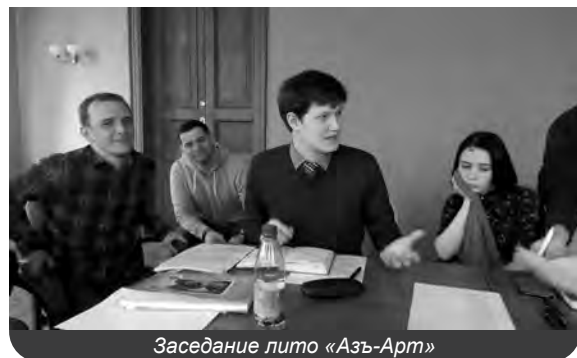
Вечер памяти Надежды Ярыгиной

«Ночь искусств» в ТЮЗе

Встреча в детской библиотеке «Алые паруса»

Заседание лито «Азь-Арт»

Презентация сборника «Пускай услышат наши голоса»